

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ
КУЛЬТУР ВОСТОКА

ТЗ(0)3
Б515

А. Х. Бернхардт

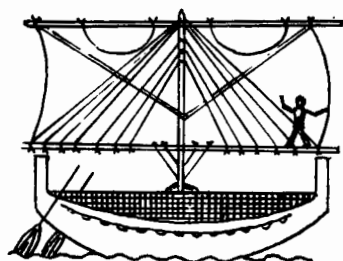
ДРЕВНИЙ ЛИВАН

ТЗ(0)3
Б 515

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. Х. Бернхардт

ДРЕВНИЙ ЛИВАН

КХН

БІБЛІОТЕКА
БЕЛГОРОДСКОГО УНІВЕРСИТЕТА
ІМЯ У. І. ЛЕНІНА

1121830ч

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Фундаментальная библиотека

БГУ

0004 4876

ТЗ(о) 313.42

9(М)03
Б 51

K. H. Bernhardt
DER ALTE LIBANON
Koehler & Amelang
Leipzig, 1976

Редакционная коллегия

Қ. З. АШРАФЯН, Г. М. БАУЭР, Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН,
Р. В. ВЯТКИН Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, И. М. ДЬЯКОНОВ,
И. С. КЛОЧКОВ, М. А. КОРОСТОВЦЕВ (председатель)
С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Перевод с немецкого

Н. Д. Симакова

Ответственный редактор и автор послесловия

Г. М. Бауэр

Б 0504010000-079 КБ-5-26-82
013(02)-82

© Koehler & Amelang, 1976.
© Перевод и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

Между морем и степью

Известно, что на таких горах необычайно благоухающая живительная растительность, сочная и сильная.

Путешествие Ионы Кортена. Галле, 1751, с. 470

Среди прибрежных горных массивов Восточного Средиземноморья Ливану принадлежит первое место по высоте и протяженности. На 170 км он сопровождает побережье от широкой низины Хомса до глубокого разреза долины р. Эль-Литани, достигая почти 50-километровой ширины. Его горы, плато и ущелья занимают примерно 5 тыс. кв. км. Ливан состоит в основном из одной гигантской гряды, чей гребень имеет наибольшую высоту в своей северной трети (Курнет-эс-Сауда, 3088 м). К югу горы становятся ниже 2000 м и после Галилеи доходят до средних высот.

В Ливане, по сравнению с другими горными массивами Передней Азии, более богатая и доступная для освоения природа. Этим он обязан прежде всего трем особенностям. Они же определили и его значение в хозяйстве, культуре и истории древнего мира. В первую очередь следует назвать геоморфологическую особенность: западный склон хребта образован в виде довольно широких ступеней. В теплом средиземноморском климате с высоко лежащей границей растительного покрова это позволило человеку заселиться почти до самых вершин хребта и заниматься там земледелием. Конечно, эта благоприятная предпосылка может быть реализована только при соответствующем водном режиме. И если в данном случае условия благоприятствуют, то это благодаря второй особенности: большой высоте и близости гор к побережью. Будучи самой высокой частью поверхности, которая господствует над обширной территорией, Ливан, расположенный непосредственно во влажном

морском климате, притягивает к себе значительное количество осадков. На прибрежной равнине их выпадает в среднем 1000 мм, в горах — местами свыше 1500 мм. Такого высокого уровня, как правило, не наблюдается нигде в Передней Азии. Из-за большой высоты Ливана осадки удачно распределяются и по временам года. Большая часть дождей идет между концом ноября и серединой апреля, хотя в горах иногда случаются ливни даже в летние месяцы, когда в районах, прилегающих к хребту, вообще не бывает дождей. То, что большинство зимних осадков задерживается в горах в виде снега, очень выгодно для водного режима.

У горных вершин процесс таяния затягивается до самого лета, и талая вода питает реки и оросительные установки в засушливое время года. В Ливанских горах берут начало три самые большие реки Сирии и Палестины: Эль-Аси (Оронт), Эль-Литани (Леонт) и Иордан, несущие свои воды круглый год.

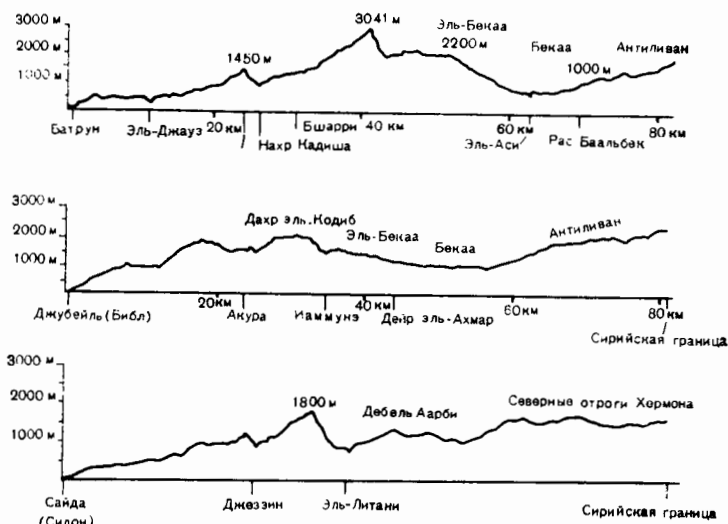
Обилие осадков явилось причиной интенсивного вторичного членения западных склонов гор. В мягком известняке и песчанике здесь образовались разветвленные и глубоко врезаемые системы долин, часто с величавой крутизной, мешающей всякому передвижению. Они ярко выражены уже на верхних ступенях западного склона хребта у самого гребня и делят Ливан на строго обособленные друг от друга участки. Это оказалось столь значительным явлением для культурного развития областей Ливана, что даже и сегодня сообщение между севером и югом осуществляется исключительно по прибрежной равнине или по высокогорной долине между Ливаном и Антиливаном.

Третьей предпосылкой плодородия Ливана являются своеобразные качества известняка, из которого большей частью и состоят горы. Различают два известняковых слоя, между которыми росли более или менее мощные образования песчаника и мергеля. Известняк верхнего слоя принадлежит к меловому периоду. Он податлив, водопроницаем и легко крошится. Цвет у него бурый с различными оттенками. Однако на поверхности, там, где известняк долго соприкасался с воздухом, он приобрел серую, подобно граниту, окраску, характерную для ландшафта большинства областей Ливана. Нижний известняковый пласт юрского периода в результате обра-

зования складок оказался выдвинутым на поверхность вплоть до самых вершин. Поэтому он обнаруживается не только в глубоких долинах, но проступает и на гребне хребта, там, где верхние известняки и находящиеся под ними горизонты песчаника разрушены эрозией. В отличие от верхних известняков красно-бурые известняки юрского периода не принимают серую окраску, что указывает на высокое содержание в них железа. Действительно, железная руда здесь есть и в некоторых местах имеет промышленное значение.

Для хозяйства Ливана важнее, однако, продукт выветривания обоих известняковых пластов. При разрушении горных пород постоянно образуется большое количество известнякового грунта, который в условиях теплого климата особенно богат окисью железа. Этим объясняется темно-красный цвет известняковой почвы, почему специалисты и называют ее *terra rossa*¹. Краснозем очень плодороден, особенно когда он сильно перемешан с продуктами распада песчаников и мергелей. Приносимый на равнину реками, он является основой для продуктивного земледелия. Значение *terra rossa* возрастает еще и оттого, что в Ливане после уничтожения первичного лесного покрова почти нигде не может образовываться перегной. К тому же краснозем создает благоприятные предпосылки для попыток (и с некоторых пор небезуспешных) восстановления древесной растительности.

Условия, позволяющие человеку селиться и обрабатывать землю, всегда соответствуют определенной высоте над уровнем моря и используются различным способом. Поэтому столь разнообразные микроландшафты Ливана обязаны своим самобытным характером различию вегетации и обработки земли. Среди таких микроландшафтов Ливана в первую очередь следует выделить прибрежную равнину, которую местные жители скромно называют эс-Сахель². В общем очень узкая, она к тому же еще в различных местах перерезана выступающими до самого моря отрогами. Прибрежная полоса равнины достигает на юге ширины более 3 км только между Сайдой (Сидон) и Суром (Тир), а на севере — начиная от Тараблуса (Триполи), где северные отроги Ливана довольно далеко отступают от берега моря, так что на равнине Аккара (Акура) земледельцев оказываются го-

Поперечные разрезы Ливана

раздо бoльшие площади, чем в других местах. Надо отметить, что для прибрежной полосы характерно плодoводство. Знамениты обширные апельсиновые сады Триполи и Сайды. Субтропический климат с очень жарким и влажным летом и мягкой зимой при хороших возможностях орошения позволяет развиваться каждому фрукту теплой зоны. Даже мелкие бананы, очень приятные на вкус, выращиваются здесь уже столетиями.

Морской берег по преимуществу скалистый. Но все-таки и он относительно быстро подвергается изменениям. Во время зимних бурь от береговых скал постоянно отрываются крупинки, которые переносятся потоками в другие места в виде наносов. Важными для хозяйственного и культурного развития береговых районов были многочисленные маленькие бухты, удобные естественные гавани.

Расположенное выше эс-Сахеля «Дальнее взморье» (Эль-Васат), к которому относятся горные склоны высотой до 1500 м, как и береговая равнина, в наши дни густо заселено. Однако террасообразная ступенчатость

западного склона Ливана не дает возможность иметь здесь широкие участки пахоты. Вторичное членение местности разветвленной системой долин выражено здесь особенно ярко. Все же самая нижняя ступень «Дальнего взморья», прежде всего на севере между городами Батрун и Триполи, довольно ровная и широкая. Но и здесь полеводству предпочитают выращивание плодовых деревьев. Это прежде всего оливы, а также те фруктовые деревья, которые не выносят морозов. На более высоких уровнях собирают хорошие урожаи яблок, персиков, абрикосов, груш и орехов, которых здесь просто изобилие. Это окупает сооружение дорогостоящих террас и ирригационных устройств на склонах. О былом расцвете шелководства свидетельствуют еще довольно многочисленные тутовые деревья. Виноградная лоза дарит людям свои лучшие, нередко величиной со сливу, плоды вблизи верхних границ «Дальнего взморья».

В целом площади, используемые под сады и другие сельскохозяйственные угодья, занимают лишь незначительную часть «Дальнего взморья». Как раз в границах этой области у Ливана все еще сохранился характер массива, покрытого лесом, а говоря точнее, он вновь приобрел его благодаря охране дикой растительности и насаждениям, сделанным рукой человека. Здесь во многих местах холмистый ландшафт с рощами между садами и нивами, с господствующими над местностью руинами старых крепостей времен крестоносцев или стройными башнями церквей европейского стиля напминает среднегорье Германии.

Очень характерны замечательные скальные образования, которые оживляют западные склоны гор. Вызывает восхищение величавый естественный мост Джизр Эль-Хаджар длиной 35 м возле Фарайи. К его правильным и красивым формам, вероятно, был причастен и человек. Настоящие лабиринты диковинных скальных образований встречаются между Ибрахим и Эль-Кельб. Большие и малые пещеры и гроты здесь можно найти повсюду. Вообще во многих местах имеются подземные сточные каналы, созданные текущей с гор водой. На многие километры тянутся они под землей и снова выходят на поверхность в виде поразительных по силе источников. Особенно это можно наблюдать там, где водонепроницаемые мергелевые горизонты обнажает

эрозия. Дожди и талые воды быстро просачиваются сквозь лежащие выше меловые известняки, следуют по горизонту мергеля и вырываются на свободу там, где мергель выходит на поверхность. Они мощно низвергаются в долину из отверстий, которые иногда огромны как пещеры. Такие источники не иссякают до конца даже поздним летом. В районах «Дальнего взморья» они имеют большое значение и для орошения террасовых культур, и для снабжения питьевой водой. По всей вероятности, горизонт источников часто расположен ниже уровня моря. Крупнейший из таких источников находится возле мыса Рас эш-Шек, в 3 км от берега, на глубине 60 м. Античные авторы сообщают об одном пригодном для использования источнике на морском дне около о-ва Эр-Руад (Арвад) у сирийского побережья.

Высокогорную зону Ливана местные жители довольно метко окрестили эд-Джурд, что значит «голая, бесплодная (земля)». Могучие купола вершин из серого известняка, склоны из каменных глыб и осыпи гальки господствуют здесь в ландшафте. Они отчетливо видны над последней крутой ступенью западного склона. Постоянные поселения почти не выходят за границу 1600 м. Зона сельскохозяйственных угодий простирается несколько выше. Даже на высоте 1900 м то здесь, то там в маленьких котловинах встречаются посевы зерновых и других культур.

Действительно «голыми» являются лишь покрытые галькой склоны вершин, скальные кручи да мрачные нагромождения камней и пепла вулканического происхождения, которые тянутся вплоть до северного Джебель эль-Кнеце. Отсюда юрский известняк начинает покрывать гребни гор. Он, как правило, всегда присутствует там, где есть растительный и животный мир. Даже в местах, в которых закарстовывание гор зашло далеко, живут весьма требовательные растения, если между скал образовалось хоть немного краснозема и он смог там удержаться. Весной склоны покрывает богато цветущая растительность, которая у гребней гор держится до начала лета. Полевки, кузнечики, ящерицы и другая мелкая живность служат богатой пищей для орлов и соколов. Этих хищников еще часто можно увидеть парящими высоко в горах над плато и ущельями. Встречаются здесь более или менее скудные остатки древнего

лесного покрова. Большие ро-
щи во многих местах еще об-
разует знаменитый ливанский
кедр. Сильно разреженные
смешанные леса распростра-
нены на севере высокогорного
Ливана в окрестностях бога-
тых источниками долин р. Абу
Муса, которые спускаются с
массива Курнет-эс-Сауда. В

этих диких, труднодоступных скалистых местах до
20-х годов нашего столетия смогли удержаться мелкий
бурый медведь и волк. Теперь о них напоминают только
названия Айн эд-Диаб («Волчий источник») и Айн
эл-Дубб («Медвежий источник»).

Гребень Ливана большей частью узок и вытянут
почти по прямой с севера на юго-запад. Только в преде-
лах Курнет-эс-Сауда эта правильная линия нарушается.
Здесь хребет разделяется на два горных кряжа, которые
достигают высоты более 3000 м. К югу оба кряжа посте-
пенно понижаются до холмистого высокогорного плато
шириной от 6 до 10 км, высота которого колеблется
между 1850 и 2150 м над уровнем моря. Это «седло»,
которое в южном направлении простирается более чем
на 20 км до массива Джебель-Саннин, в древности было
основной областью кедровых лесов. Теперь здесь лесов
нет, а есть только летние пастбища для овец и коз.
Усиленное использование пастбищ подвергло раститель-
ность древней лесной страны значительным изменениям.
Только те немногочисленные растения, которые были
отвергнуты даже неприхотливыми козами, растут здесь
беспрепятственно. Вообще горные пастбища играют и
поныне большую хозяйственную роль в высокогорных
районах Ливана.

Восточный склон Ливанского хребта имеет совсем
иной характер, нежели ступенчатый ландшафт запад-
ного. Известняковый массив здесь круто обрывается
вниз, так что до высоты 1500 м идет сплошная отвесная
стена. Только там, где потоки с гор сделали доступными
отвесные склоны, смогли притулиться отдельные неболь-
шие поселения. С этими в большинстве своем неглубо-

кими впадинами связаны и многочисленные горные тропы. Некоторые из них очень древние. Вообще гребень Ливана не является непреодолимой преградой для передвижения человека. Конечно, зимой снега и туманы часто парализуют даже современные горные дороги. Но в сухие летние месяцы во многих местах нетрудно пешком или на лошади за несколько часов перейти гребень хребта.

В то время как на юге восточный крутой склон Ливана непосредственно переходит в равнину, в северной части — примерно от Захла, склон хребта отделен от равнины широким холмистым взгорьем Эль-Бекаа. При спуске с гребня сначала встречаешь здесь узкую долину, расположенную на высоте 1300—1700 м. Затем следует снова гористая местность и, наконец, равнина между Ливаном и Антиливаном. Разрез между Ливаном и Эль-Бекаа в древности был важным транспортным путем для перевозки древесины из горных лесов. Немногочисленные поселения этой долины расположены в тех местах, где круглый год бьют ключи. Обычно же горизонт источников находится ниже. Всегда после таяния снегов здесь образуются маленькие озера, самое известное из которых — Биркат Иаммунэ. Обстоятельство, что летом оно быстро уменьшается до небольшого бочага, народные сказания объясняют так: озеро отдает свою воду роднику Адониса по ту сторону хребта у Афки. Это, конечно, вряд ли возможно, так как родник находится на 300 м выше уровня озера.

В наши дни Эль-Бекаа — место голое и почти не заселенное. Приветливым его пейзаж становится только на крайнем юге и севере. На юге этот массив состоит всего из одной узкой горной гряды, в которую с неизменной последовательностью через 2—3 км врезаются поперечные долины. Эти долины из-за их плодородных мергелевых почв и хороших условий для орошения с древнейших времен густо заселены. Виноград и различные фрукты произрастают здесь в изобилии. Известны, например, плантации вишни в долине Эль-Хабис. На севере же среди широко раскинувшихся взгорий еще встречаются довольно крупные леса, растущие в стороне от больших дорог и потому малоизвестные. Заслуживает упоминания кедровый лес (около 350 га) возле эс-Свайзе, в нескольких километрах севернее Вади эш-Шарби-

не, который не соответствует больше своему названию «Кипарисовая долина», так как его склоны покрыты в основном порослью мелкого дуба.

Самой значительной в сельскохозяйственном отношении областью Ливана является высокогорная равнина между хребтами Ливан и Антиливан. На древнем Востоке известная как Амка («Долина»), названная греками «Келесирия» («Сирийская впадина»), в наше время она носит имя Бекаа — «Низина». Геологически это грабен³, который проходит от Амануса до Красного моря. Долина Бекаа, имеющая в ширину всего 8—12 км, живописно окружена гребнями Ливана и Антиливана. Они возвышаются до 2000 м над этой впадиной, лежащей на 900 м выше уровня моря. Ее средняя часть, покрытая плодородным красноземом, создает идеальные условия для земледелия. Менее благоприятны они на севере Бекаа.

Здесь плодородная земля уступает место все более каменистым, почти пустынным плоским участкам, на которых только после зимних дождей короткое время зеленеет ковыль. В некоторых местах можно обнаружить холмы из мелкой черноватой гальки, напоминающие о древней деятельности вулканов. Достоин внимания такой холм в окрестностях замечательного монумента Хермея, который сам покоится на пьедестале из вулканического камня. На рельефах монумента изображены сцены охоты на оленя, кабана и медведя, т. е. на тех животных, существование которых в пустынных местах северного выхода из Бекаа сегодня трудно представить. Очевидно, эти рельефы говорят о более благоприятном состоянии этого района в древности, когда первоначальные леса еще не были полностью уничтожены.

Проблему орошения ставит перед людьми и средняя часть Бекаа, несравненно более плодородная по структуре своих почв. Это может показаться странным. Ведь у подножия Ливана и Антиливана много источников, которые постоянно питают две крупные реки — Эль-Литани (Леонт) и Эль-Аси (Оронт). И иногда здесь прибегали даже к прямому «экспорту» воды. Об этом еще напоминают остатки канала у западного подножия Антиливана. От сильных источников у Лебве он ведет на север и, очевидно, принадлежит к оросительной системе древней Пальмиры, находящейся в 180 км от этих мест. Но,

как видно, благоприятные возможности для орошения сами по себе не могут исправить некоторых недостатков климата. В отличие от западного склона Ливана к востоку от него в высокогорной долине господствует яркий, выраженный континентальный климат. Лето жаркое и сухое, зима сравнительно холодная и суровая. Осадков здесь меньше чем на западном склоне Ливанского хребта, так как Бекаа находится в его дождевой тени⁴. Неблагоприятно сказывается тот факт, что большинство осадков выпадает в зимнее время. Хотя осадки и талые воды основательно пропитывают пашню, интенсивная работа солнечных лучей и большая сухость воздуха быстро лишают почву влаги на глубину до 1 м. Таким образом, предпосылкой доходного земледелия в Бекаа может быть только хорошо действующая система орошения.

Бекаа прошла своеобразный путь развития. Для прибрежных городов вплоть до эллинистического времени долина имела лишь значение транспортного пути. Попадая в Бекаа через перевалы Ливана, эти города получали доступ к важному пути, ведущему из Северной Сирии в Египет. Эти связи представляли собой особую ценность на древнем Востоке, ибо дороги вдоль побережья только позднее стали обладать достаточной пропускной способностью, а восточный караванный путь через Дамаск и Восточную Иорданию был трудней и длиннее. При проведении больших военных операций в интересах снабжения старались избрать для похода с севера на юг или обратно путь по плодородной Бекаа.

Такие походы с середины II тысячелетия до н. э. совершались по долине, и всякий раз ее жители страдали от значительных поборов. К тому же соседние государства — Дамаск на востоке, Хамат на севере и Израиль на юге — стремились, порой небезуспешно, подчинить своему контролю Бекаа. Ее процветание в такой ситуации, по крайней мере в доэллинистический период, было невозможным, хотя посредническая торговля и обслуживание караванных стоянок в мирные времена могли приносить доход. В отличие от этого значительно более благоприятным было территориальное положение городов на прибрежной равнине. Их тылы прикрывали Ливанские горы, которые, кроме того, давали природные

продукты, имевшие в древней Передней Азии большой спрос. Стену Ливанского хребта, хотя и сравнительно легко преодолимую для торговых сношений, лишь с большим трудом могли пройти войска иноземных завоевателей. То, что побережье самой природой было расчленено труднопроходимыми отрогами на обособленные участки, вызвало образование городов-государств, а многочисленные гавани способствовали ориентации на экспансию в заморские страны. За исключением Тира, материковый тыл которого, не имеющий высокой горной преграды, открывался на Верхнюю Галилею, прибрежные города лишь с эллинистического времени все больше завладевали землями по ту сторону Ливанского хребта.

Представление о ландшафтах Ливана будет неполным, если не сказать о разрушительных силах природы, которые часто приносили гибель человеку и уничтожали то, что создавалось его руками. Одной из ужасных губительных сил природы — землетрясению — Ливан, как и вся сирийско-палестинская область, подвержен до сих пор. Самые страшные последствия приносят подобные тектонические катастрофы, если подземные толчки сопровождаются волнами с моря, как это было, по свидетельству древних авторов, при землетрясениях на сирийско-ливанском побережье в 138 г. до н. э., 70 г. до н. э. и 551 г. н. э. Большое землетрясение в 551 г. н. э. принесло гибель 30 тыс. человек только в Бейруте, а катастрофа 70 г. до н. э. на сирийском побережье в целом унесла 170 тыс. жизней. Археологи встречают следы таких стихийных бедствий во многих местах. Превращенные в руины храмы римского времени в Ливане с просевшей кладкой фундамента из крупных каменных блоков, рухнувшими стенами и поверженными колоннами — наглядное свидетельство силы подземных толчков. Землетрясения знакомы и более близким к нам временам.

Взять хотя бы землетрясение 1759 г., оставившее кроме других крупных разрушений руины Баальбека, или катастрофу 1822 г., поразившую в основном Северную Сирию и стоившую жизни 40 тыс. человек, а также землетрясение 1837 г., особенно сильно разрушившее Сидон. О том, что люди всегда принимали в расчет землетрясения, свидетельствуют попытки смягчить их дей-

ствия с помощью соответствующих строительных приемов, повышающих прочность зданий. Особо наглядным примером могут служить стены царского дворца в Угарите XIV в. до н. э.⁵, где в каменную кладку вмонтированы балки. А введение в практику с ироднанского времени^{5а} фундамента из плит, которые превышали обычный запас прочности, объясняется, должно быть, стремлением к противосейсмичности на основе опыта, полученного во время катастроф 160, 138, 70 и 41 гг. до н. э.

Древнейшие поселения

Шаги, благодаря которым осуществлялось господство человека (над природой), были медленными, и их действие усиливалось постепенно.

В. Г. Чайлд. Человек создает самого себя. Дрезден, 1959, с. 71

Известное выражение «неолитическая революция»⁶ оказывается верным лишь с некоторыми оговорками. Конечно, переход к земледелию в корне изменил жизнь людей каменного века во всех ее областях. Но это было результатом очень долгого развития. Вероятно, вначале была попытка выращивать плодовые деревья и откармливать в загонах диких животных, нужных человеку. Очевидно, такие улучшения для добычи пищи совершались не без внешних побудительных причин. Убыль дикого поголовья, рост числа охотников и собирателей могли сыграть в этом отношении решающую роль. Во всяком случае, с начала мезолита (примерно с 12 000 до н. э.) в Ливане уже заметно освоение новых источников питания. В среднем каменном веке, судя по археологическим находкам, среди все более утонченных, «микролитически»⁷ выполненных первобытных орудий из кремня и кости растет количество и качество крючков и снастей гарпунного типа. Это говорит о том, что богатства моря стараются теперь использовать более совершенным способом. На побережье в этот период идет образование первых рыбацких поселений, которые первоначально представляли собой не что иное, как группы временно обитаемых скромных хижин.

Сокращение сферы деятельности семей, посвятивших себя в основном рыбной ловле, вынуждало их активнее использовать источники растительной пищи.

Неолит, начало которого относят сегодня к концу VIII тысячелетия до н. э., означал не только переход к земледелию и оседлой жизни в поселениях. Он принес с

собой более четкую дифференциацию среди людей каменного века, прежде довольно единых в своем образе жизни. В то время как в одних областях мира земледелие возникло довольно рано, в других человек еще долго оставался на ступени охотников и собирателей, особенно в такой лесистой горной стране, как Ливан. Он все еще продолжал быть страной охотников и рыболовов, которые лишь по случаю переходили к земледелию, когда в долине Иордана на месте более позднего Иерихона уже долгое время существовало первое поселение городского типа с воротами и стенами.

Древнейшее поселение в Ливане, известное археологам, восходит лишь к эпохе поздней стадии неолита, когда человек научился делать сосуды из глины. Это частично раскопанное селение находится на территории позднее возникшего Библа, который поэтому достоверно может считаться древнейшим «городом» Ливана. Но здесь идет речь только об остатках бедных домишек маленького рыбацкого поселения начала V тысячелетия. Каждая хижина имела лишь одно помещение — не более 4—5 кв. м основной площади — и, следовательно, была скорее убежищем, чем жильем.

Как и в других неолитических поселениях, так и в древнем Библе мертвых хоронили под полом хижины. Это делалось простейшим способом: рыли небольшую яму и помещали в нее умершего в сидячем положении. Существуют различные попытки объяснить этот странный обычай домашнего захоронения, который встречается иногда и в более поздние времена. Может быть, в этом сказалось желание как бы удержать человека в кругу семьи и после его смерти. Но не исключено, что таким образом хотели просто уберечь тело покойного от диких зверей, поскольку при захоронении вне жилья в то время это вряд ли было возможно. Связан ли данный обычай и в каких формах с верой в загробную жизнь, мы не знаем.

Все это указывает на то, что Библ долгое время оставался очень скромным рыбацким поселением. И в последующий за неолитом период, называемый халколитом (медным веком), в связи с постепенным распространением меди (приблизительно с 4100 г. до н. э.), согласно находкам археологов, характер этого поселка менялся очень мало. Правда, Библ в те времена (3500—

3200 гг. до н. э.) стал обширнее и уже занимал площадь, приблизительно равную библскому акрополю позднейшего времени. И дома стали крупнее и солиднее. Плоские крыши делались из тонких бревен хвойных деревьев, на которые сверху накатывали плотный слой глины. Они и сегодня в обычае у жителей переднеазиатских деревень. Судя по планировке, дома, как и раньше, однокомнатные, но теперь уже разного типа, и их различия, вероятно, отражали те цели, которым эти дома служили. Наряду с прямоугольными существовал тип строений с апсидоподобными⁸ выступами и, наконец, просто круглые здания. Они напоминают известные сирийские «дома-ульи» и были, вероятно, амбарами, где хранился урожай, который давало уже развивавшееся земледелие. Теперь отдельные группы домов связаны дорогой, мощенной булыжником. На известную зажиточность и развитие торговых связей указывают остатки золотых и серебряных украшений, тогда как медь, ставшая материалом для изготовления орудий труда и войны, очевидно, больше не представляла особой ценности. Бросаются в глаза новые формы более высоких по качеству керамических изделий и более богатый инвентарь при захоронении мертвых. Хоронят по-прежнему под полом жилых домов, но умерших сначала укладывают в большие керамические сосуды, а затем уже зарывают в землю. Свыше 1800 таких захоронений было обнаружено при раскопках в Библе. Найденные в захоронениях кувшины и кубки указывают на то, что уходящие в мир иной получали в дорогу пищу. Вероятно, жертвами для покойника заботились и о собственной «загробной жизни».

Передовая культура медного века Ливана, безусловно, развивалась в тесном контакте с древней культурой Передней Азии вообще. Это нашло отражение в керамике Ливана, которая близка керамическим изделиям городов Северной Сирии и Месопотамии. Бесспорно, это свидетельствует о довольно тесных контактах между областями ранней человеческой культуры в Передней Азии. Должно быть, и торговые связи играли при этом важную роль. Но, видимо, главными носителями новых импульсов развития культуры в медный век были пришельцы, которые к концу V тысячелетия стали проникать из соседних степей в пределы так называемого

1121830

«Благодатного полумесяца», протянувшегося от Палестины до Южного Двуречья через Северную Сирию. Можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с первой известной в истории волной миграции групп семитского населения в плодородную область Передней Азии.

К концу медного века Ливан начинает играть все более крупную роль в торговой жизни. Его строевой лес находит применение уже в додинастическом Египте. Конечно, вывоз леса тогда был еще незначительным. Но даже случайные египетские экспедиции на ливанском побережье, конечно, способствовали ускоренному развитию обратных торговых связей. Поэтому надо полагать, что стадия скромных рыбацких и земледельческих поселков была пройдена даже раньше, чем это нам кажется сейчас на основе данных археологических находок.

Во всяком случае, по результатам раскопок, проведенных в Библи, становится ясно, что во время перехода от медного века к эпохе ранней бронзы (около 3200—3000 гг. до н. э.) быстро возникли некоторые важные предпосылки городской культуры. Здесь обнаружены первые признаки существования защитных укреплений, вначале состоявших только из вала, ограждавшего отдельные группы домов, в которых часто проживала одна большая семья. Мертвых теперь уже не хоронят внутри поселения. Возникает тип жилого строения, приспособленного к ливанскому климату. От «домов-ульев» его отличает слегка наклонная кровля, которая встречается до сих пор повсюду в прибрежных горах, богатых осадками. Конструкция крыши этих уже довольно внушительных домов своеобразна. Коньковый прогон (брус) подпирается в центре дома мощным колоннообразным столбом. Балки верхней рамы страхуют другие столбы вдоль стен. Важнейшим элементом этой конструкции является средний несущий столб, который долгое время оставался типичным для домовых построек, обнаруженных в Библи. Он напоминает «хаузбаум» жилых строений северогерманской кирпичной готики.

Весьма примечательно, что библиский «хаузбаум» был включен в атрибут египетской мифологии. По версии легенды об Осирисе, которую передает Плутарх (46—120)⁹, саркофаг с телом Осириса был брошен в море его убийцей Сетом. Течение прибило его к песчаному берегу Библи. Укоренившийся в этом месте тамариск с

течением времени объял саркофаг Осириса своим стволом. Могучий тамариск показался царю Библа подходящим, чтобы служить центральной опорой в самом большом зале его дворца. Дерево было свалено и доставлено с этой целью во дворец, и никто не заметил находящегося в нем саркофага. Между тем Исида в поисках своего супруга достигла Библа. Благодаря оракулу саркофаг был обнаружен в деревянной колонне. Царь велит выдернуть ее и передает гроб Исиде...

Несомненно, эта легенда не такая древняя, как считают многие исследователи, которые видят в борьбе Осириса с Сетом отражение столкновений между Египтом и семитскими переселенцами в конце IV или даже в V тысячелетии. Важнее другое: этот миф говорит о связях между Библом и Египтом. Согласно ему, они существовали с незапамятных времен и имеют мифологически культовый аспект. При этом весьма знаменательна связь с элементами культа растений в характерной для Ливана как страны вывоза леса форме культа дерева. В этом обнаруживается и то определяющее значение, какое ливанский лес с самого начала имел для тесных исторических связей между Ливаном и страной Нила.

Кедровые леса

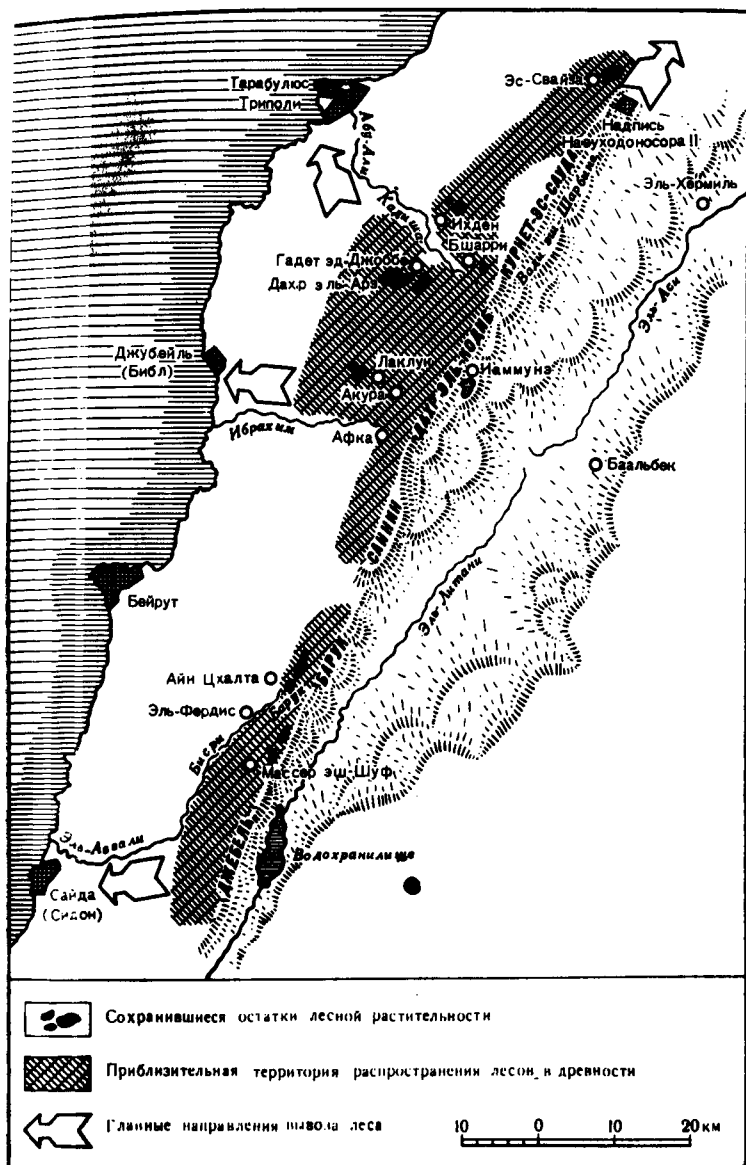
Был кедр на Ливане с красивыми ветвями и тенистой листвою, и высокий ростом; вершина его находилась среди толстых сучьев¹⁰.

Иезекииль. XXXI, 3

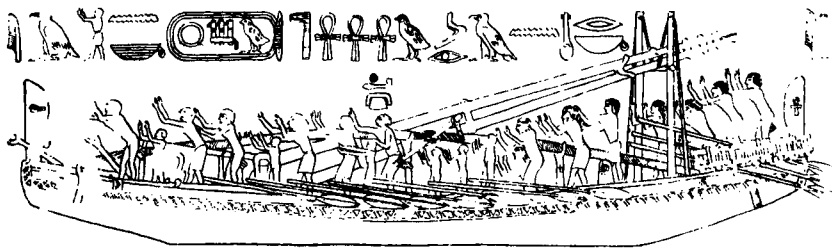
Кедр недаром украшает государственный флаг Ливана. Во все времена Ливан считался «классической» страной кедра. Но слава кедра не осталась непоколебленной. Вряд ли сойдут за строевой лес суковатые, с разветвленными стволами ветераны знаменитых кедровых рощ в Бшерри, которые первыми приходят на ум, если речь заходит о кедрах. Поэтому предпринимались попытки отождествлять ливанские деревья, дававшие деловую древесину и в Ветхом завете упоминавшиеся как «эрез», а в аккадских текстах как «эрину», с другими хвойными. Но ни древовидный можжевельник (*Juniperus excelsa*), ни киликийскую ель (*Abies cilicica*) нельзя принимать всерьез, поскольку в неблагоприятных условиях они вырождаются точно так же, как и почтенные экземпляры *Cedrus libani* в Бшерри, которые уже в юности были обезображены в результате козьих потрав и обломов веток под тяжестью снега.

В закрытых и заповедных местах кедр вырастает значительно прямоствольнее. Тому в Ливане и сегодня достаточно примеров. Но, очевидно, ботанические названия в древневосточных и античных источниках не всегда точны. С ошибками в названиях, особенно в пользу кедра, приходится часто считаться. Впрочем, бревна и предметы из ливанского кедра во множестве обнаружены при раскопках в Египте и Мари. Словом, не может быть сомнения, что ливанский кедр и то дерево, что в древности называлось «агс» или «агис», идентичны.

Хозяйственное значение этого дерева в древности определялось прежде всего тем, что оно, будучи типич-

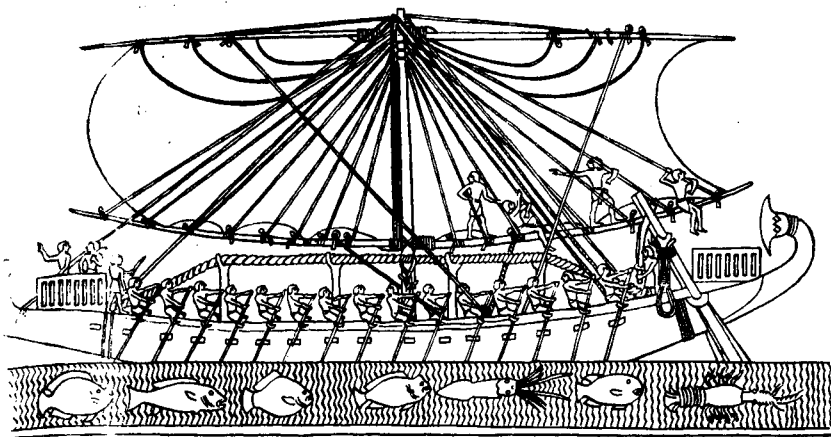
Кедровые леса Ливана

Египетское морское судно из флота царя Сахуры (около 2500 г. до н. э.). Рельеф из заупокойного храма царя в Абуcире

ным жителем высокогорья, росло большими лесными массивами. Ливанская деловая древесина была представлена преимущественно древесиной кедра. Было много кедровых лесов, и была высокого качества древесина. Критики кедра считают его мягким и недолговечным. Но это справедливо только в отношении годовых колец, близких к коре (заболони). А красноватая благовонная сердцевина этого дерева тверда и долговечна. Важными побочными продуктами были смола и древесный клей, а также получаемое путем перегонки кедровое масло. Его гонят иногда и сейчас тем же древним способом: из кедровых ветвей, заложённых между двумя каменными плитами, под которыми разводят огонь.

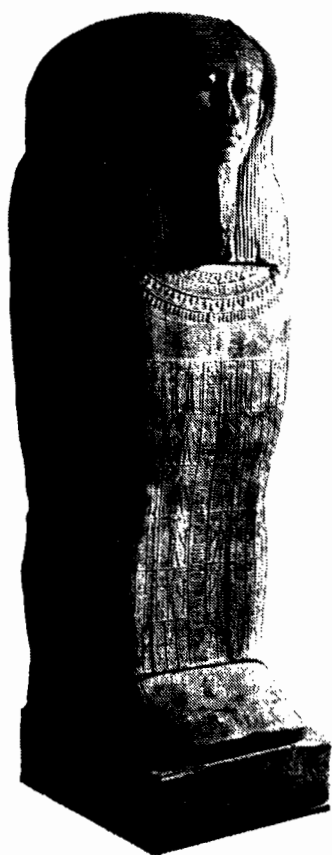
Кедровые леса не были монополией Ливана. Они встречались и в сирийских и в малоазиатских прибрежных горах, а также на Кипре и в Северо-Западной Африке. Особое значение Ливана среди этих кедровых районов кроется в его близости к стране Нила. Древний Египет не мог удовлетворить свои растущие потребности в лесоматериалах за счет собственных ресурсов. Использование отечественных древесных пород ограничивали прежде всего большая твердость и суковатость древесины. Но их все же использовали. Корпуса больших судов собирали из коротких планок, изготовленных из местной акации и платана. Преодолеть недостаточную остойчивость¹¹ пытались с помощью мощных канатов, которыми, как сетью, затягивали корпус корабля. Эти суда обладали удивительной мореходностью. На

Египетское морское судно из флота царицы Хатшепсут
(около 1490—1468). Рельеф из заупокойного храма

них можно было добраться по морю до Ливана, а заодно и до его лесных богатств. Показательно древнейшее письменное свидетельство о египетском вывозе леса из Ливана, извлеченное из анналов о трех следовавших друг за другом годах правления фараона Снофру, царствовавшего с 2723 г. до н. э.¹², в котором сообщается об использовании для постройки судов части материала, привезенного на 40 кораблях. Но количественные результаты этой грандиозной экспедиции не следует преувеличивать. Собственный вес египетских кораблей был велик, а экипажи многочисленны. Передвигались и с помощью весел, так как на обратном пути могли быть встречные течения или по крайней мере ветер. Следовательно, грузоподъемность этих судов не могла быть высокой. Из доставленного материала год спустя после прибытия флота построили только три корабля, которые должны были служить явно показным целям возвеличивания царской власти. При строительстве торговых судов соблюдались строгие ограничения: из привозного леса изготовляли только каркас, для которого местный материал был совершенно непригоден. Это касалось прежде всего поперечных балок от борта

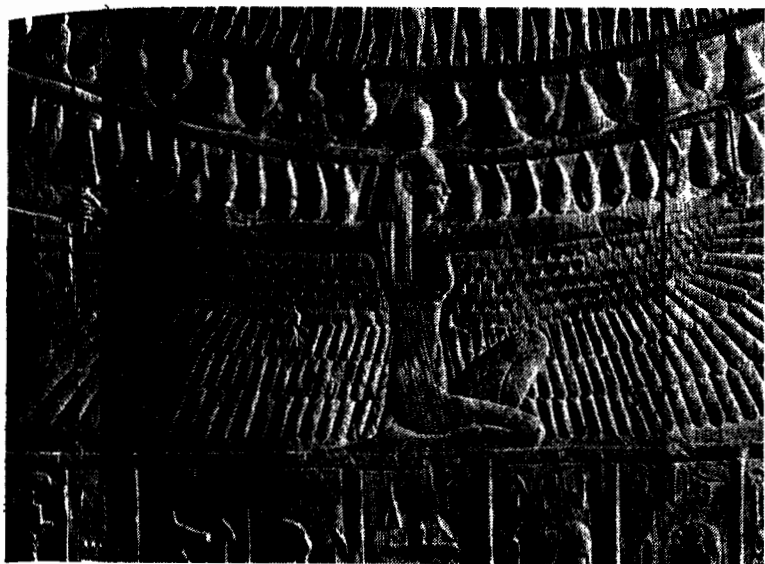
Египетский саркофаг из кедрового дерева. Высота 2,12 м, ширина 0,75 м

до борта, применявшихся с середины II тысячелетия. Благодаря такому нововведению затягивание корпуса канатами теперь отпало. Но продольная остойчивость у судов, которые, как и прежде, не имели киля, достигалась с помощью мощного каната, который туго стягивал нос и корму. Конечно, даже при небольших размерах судов, чтобы ими управлять на волнах, требовались шести-восьмиметровые рули, которые испытывали огромную нагрузку. Поэтому для их изготовления предпочитали ливанский кедр, отличавшийся особой долговечностью в воде. Но на корабельные мачты из-за своей тяжести кедр был менее пригоден. Если, по Иезекиилю (XXVII, 5), мачты корабля-символа, олицетворявшего Тир, были сделаны из ливанского кедра, то это вряд ли соответствовало реальной практике судостроения. Более

подходящими для этой цели были киликийская ель или алеппская сосна, которая также относится к деревьям ливанских лесов.

Должно быть, большая часть леса, привозимого в Египет из Ливана, использовалась в культовых целях. И здесь наряду с внутренней отделкой храмов на первом плане стояло сооружение судов. Для египетских богов, так же как и для людей, корабль был средством сообщения. Инвентарь, которым располагали храмы, всегда включал в себя ладью для религиозных процессий. Такие суда сооружались из дорогостоящего привозного леса, доставленного с «лучшей из террас», как

Изображение богини Нут с египетского саркофага

метко называли Ливан за особенности его рельефа. Даже в период ухудшения международного положения Египта, несмотря на большие трудности, для культовых целей старались добыть кедровую древесину в Ливане, как это явствует из доклада Ун-Амуна, который в 1080 г. до н. э. отправился в Библ, «чтобы доставить строительный лес для великой священной ладьи Амуна-Ра, царя богов»¹³. Очевидно, материалом для судна, предназначенного богу, мог быть только кедр. И среди погребального инвентаря можно встретить корабль в качестве предмета, опускаемого в могилу вместе с покойником, чтобы уходящий в потусторонний мир не остался без транспортных средств. Обычно для таких целей было достаточно маленькой модели. Однако во время Древнего царства в захоронения царей клали вместе с ними настоящие нильские корабли до 50 м длиной. И для этих церемониальных судов материалом служили преимущественно строевой кедр и другие деревья из Ливана. Для деревянных саркофагов, которые ис-

пользовались на всем протяжении истории Египта, тоже требовалась привозная древесина.

Весьма значительная доля привозного дерева шла на могильные сооружения — эти обители вечного покоя. Возводимые со всей основательностью, какая только была возможна, они походили на жилища живых, особенно грандиозные подземные усыпальницы царей и знати в раннединастический период и в эпоху Древнего царства (3000—2300). Зачастую они состояли из более чем 40 помещений с массивными, а в главных отсеках еще и весьма обширными деревянными потолками. Им надлежало быть достаточно прочными, чтобы выдерживать груз насыпаемых над ними могильных холмов. Наконец, для погребения мертвых требовалось большое количество консервирующей кедровой смолы, чтобы заполнить ею полости тела при мумификации. Да и при совершении культовых обрядов такие продукты из кедра, которые использовались для умащения и воскурения, были незаменимы.

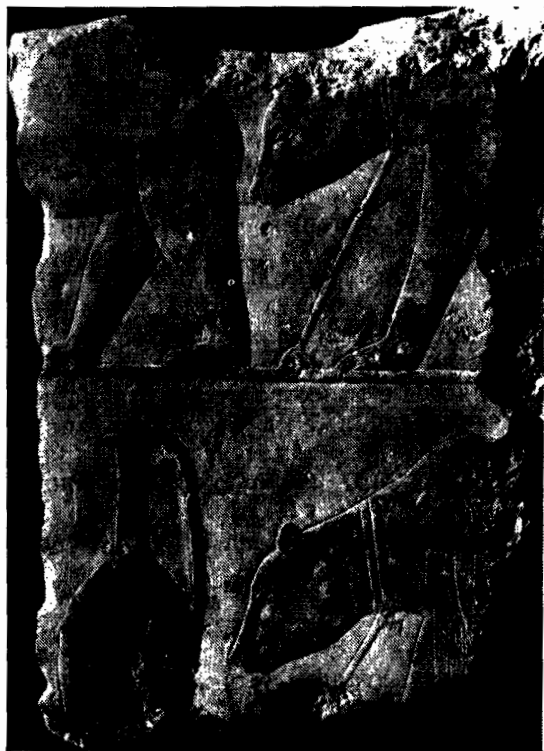
Данный обзор, вероятно, вполне достаточен, чтобы наглядно показать значение для Египта ввоза древесины и продуктов леса из Ливана. Месопотамия не в меньшем объеме вынуждена была ввозить древесину; но государства Двуречья могли ее привозить из лесных областей, расположенных ближе Ливана. Только из-за сведения этих лесов в I тысячелетии до н. э. Ливан стал больше поставлять дерева в Месопотамию. Несколько раньше стали покупать ливанский кедр небольшие сирийско-палестинские государства. Более точно нам известно о поставках кедра Соломону израильскому для его репрезентативных зданий. Доля кедровых лесоматериалов в этом строительстве, если судить по Библии (III Книга царств. VI), была очень велика. В храме не только перекрытиями служили кедровые бревна, но и сам он был облицован изнутри кедровой доской. «Все было покрыто кедром, камня не видно было» (III Книга царств. VI, 18).

Этот храм с полным основанием можно было назвать «кедровым домом» Яхве, бога Израиля (II Книга царств. VII, 7). Только пол был сделан из кипарисовых брусьев, но и они были из Ливана. Кедровую отделку имел также (III Книга царств. VII, 7) притвор с престолом для судилища. Своеобразным сооружением был

«дом из дерева Ливанского» основной площадью 50×25 м, крупнейшее здание дворцового комплекса в соломоновом Иерусалиме. Его потолок из кедровых балок поддерживали 45 колонн высотой 15 м.

Интересные параллели к описанию строительства храма Соломона встречаются в текстах мифов о Баале, обнаруженных при раскопках древнего северосирийского портового города Угарита, которые, судя по их характеру, восходят примерно к XIV в. до н. э. В этих текстах среди прочего сообщается о строительстве храма для бога этого города Баала. Судя по плану, он явно принадлежит к тому же типу, что и храм Соломона. Это святилище Баала описывается так же, как и «кедровый дом», а Ливан восхваляется в качестве места, откуда доставлен кедровый лесоматериал. Это тем более удивительно, что в древние времена на массиве Эль-Акрад, резиденции Баала угаритского, росло довольно много кедров. Кроме того, уже в 30 км от Угарита, в глубину страны, начиналась обширная область распространения кедра. Там, в северном Эль-Ансария, и сейчас еще можно встретить на труднодоступном месте возле горного курорта Силинфа кедровую рощу. Можно было бы допустить, что ко времени создания сказаний о Баале кедровники в окрестностях Угарита были уже сведены на нет. Но вряд ли это соответствует действительности. Возможно также, что портовый город Угарит вообще предпочитал получать кедровую древесину из южных прибрежных городов морским путем, поскольку морские перевозки были значительно доступнее иных. Но вряд ли стоит отказываться от религиозно-исторического объяснения, согласно которому Ливан был «лесными угольями» богов, чьи кедровые рощи только и могли дать строевой лес соответствующего качества для «кедровых домов» божеств. Это культовое значение ливанских кедров, привлекшее наше внимание, в дальнейшем приведет к более близкому объяснению сути дела. Только сначала необходимо учесть еще некоторые важные историко-экономические и географические аспекты.

Как же осуществлялись заготовки кедровой древесины? Где и каким способом валили деревья, как доставляли их в долину и дальше отправляли морем или сухопутным путем? Действия египетской экспедиции в III тысячелетии, по всей видимости, были весьма просты.

Обломок рельефа из заупокойного храма царя Сахуры в Абу-Сире (около 2500 г. до н. э.) с изображением сирийских медведей и сосудов, ввозимых в Египет. Высота обломка около 35 см

Снаряжали солидную флотилию, выходили в море и уже через четыре-пять дней при попутном ветре достигали какого-нибудь подходящего для высадки места на ливанском побережье. Благодаря вербовке местной рабочей силы египтяне там, видимо, не очень долго задерживались. Топор из инвентаря египетского отряда лесорубов тех лет, найденный в долине р. Ибрахим, указывает на то, что пришельцы брали на себя даже непривычную работу — лесоповал в горах. Команда флотилии с 40 кораблей была достаточно многочисленной, чтобы спра-

виться с такой работой. Она, должно быть, насчитывала по меньшей мере от 3 тыс. до 4 тыс. человек. Такое внушительное подразделение вполне могло обеспечить безопасность мероприятия, тем более что тогдашние поселения на ливанском побережье вряд ли были в состоянии выставить серьезную военную силу. Впрочем, нетрудно было войти в контакт с местными жителями и добиться их расположения. Это подтверждают довольно многочисленные жертвования египетских фараонов или чиновников от времени II — VI династий, которые удалось извлечь из руин старейшего храма г. Библа. Не будет ошибочным предположить, что солидные подарки делали благосклонными не только богов, но и людей, правивших городом. Словом, египтяне не были чужаками в прибрежных поселениях у подножия Ливанских гор. Обмен некоторыми товарами существовал здесь уже в раннединастический период и в эпоху Древнего царства. Но можно ли говорить о какой-то колонии египетских купцов, постоянно проживающих в крупных поселениях ливанского побережья? Сомнительно и маловероятно. Если египтяне не покупали лес от «свободного причала», а сами и заготавливали и грузили его, то это наверняка не оставляло жителей побережья внакладе. Многочисленную команду необходимо было снабжать питанием. Нужен был свежий провиант на обратный путь, который составлял, как правило, двойной минимум на случай неблагоприятного ветра. Силой тут вряд ли можно было чего-нибудь добиться, так как еще не очень многочисленные жители прибрежных селений всякий раз могли быстро скрываться со своим имуществом в недоступных горах. Следовательно, надежность продовольственной базы зависела от хороших отношений с местным населением. Приходилось платить столько, сколько запрашивали.

Экспедиции такого рода имели смысл, пока высокоствольные участки леса, будучи в хорошем состоянии, находились близко к побережью. Это могло иметь место в различных районах. Наименьшие затруднения возникали там, где горы не слишком далеко от берега и много естественных гаваней. Такие условия существовали прежде всего на побережье между Бейрутом и Батруном. В этом районе протекает р. Ибрахим, в долине которой был найден египетский топор. Прилегающая с севера к

долине р. Ибрахим средняя горная терраса, которая сегодня носит название Джебель Эль-Кура,— это прежде всего край древних лесов. Должно быть, здесь находилась страна Негу (Ngw), которую египетские надписи времени Нового царства называют родиной вывоза кедрового леса. Здесь сохранились остатки кедровых лесов. Кое-где очень маленькие рощи еще встречаются на массиве средней террасы, который возвышается до 1900 м севернее дороги к современному зимнему спортивному центру Лаклук. Даже эти отдаленные остатки древесной растительности, расположенные в непосредственной близости к вершинам хребта, находятся всего в 15 км от Библа. А чтобы добраться от берега моря до отрогов Джебель Эль-Кура, протянувшихся дальше на запад, нужно вообще преодолеть всего несколько километров. Именно в этом горном «хинтерланде (тылу)» Библа следует искать древнейшую и самую важную область кедрового леса, вывозившегося в Египет. Поэтому не случайна и интенсивность египетских связей с Библом. Не без основания морские транспортные суда Египта назывались «библские корабли». Вероятно, в скором времени египтяне от полувоенных экспедиций за кедром отказались. Расход не соответствовал доходу. В конце концов ведь было дешевле предоставить лесоповал и транспортировку к берегу знающим дело местным жителям, а лес закупать, что называется, от «свободного причала». Тем не менее у нас имеются сведения еще об одной экспедиции на 20 кораблях за кедром от времени первого правителя Среднего царства — Аменемхета I (1991—1962).

Как, в частности, проходили заготовки леса, мы узнаем из египетских текстов Нового царства и более поздних времен. Особенно интересен в этом отношении уже упомянутый доклад Ун-Амуна. После того как прояснялась финансовая сторона дела, царь Библа посылал в лес 300 человек и 300 рабочих волов выполнить данную работу. Деревья валили и оставляли на зиму на месте. На следующее лето их сволакивали на берег моря и складывали там готовыми для погрузки на суда.

В полном согласии с этим и Тутмос III (1468—1436) сообщает, что местные царьки повелели переправить стволы для флагштоков с гор в гавань с помощью быков. Об огромном количестве рабочей силы и тягловых

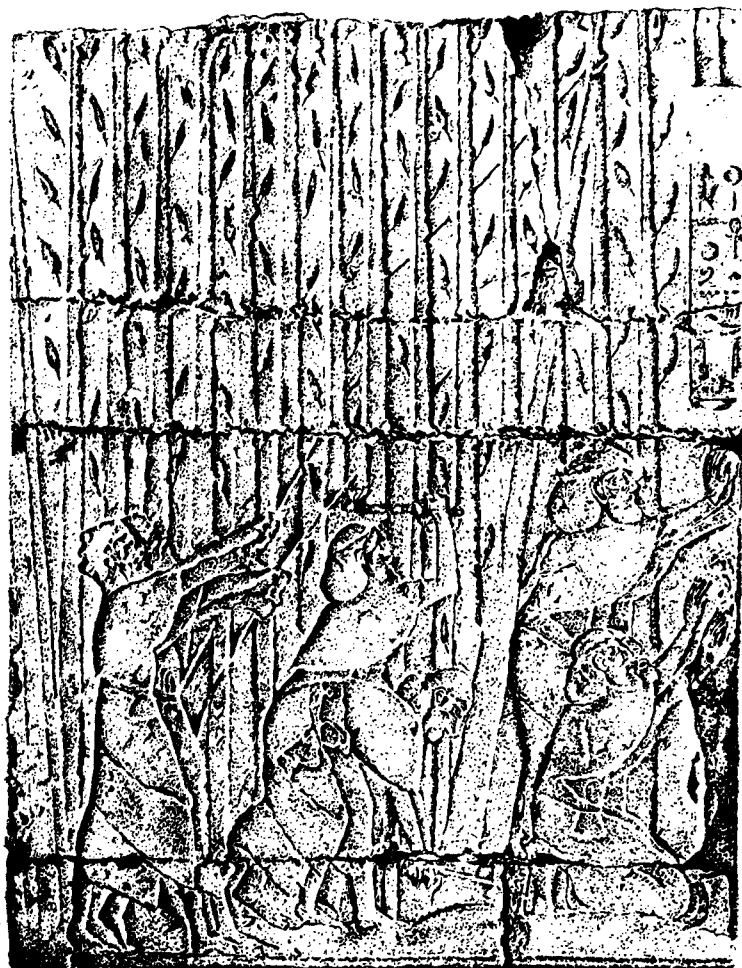
животных узнаем мы от историка значительно более поздних времен Диодора Сицилийского (I в. до н. э.). По его словам, один из диадохов, правитель Антигон, в 315 г. до н. э. должен был направить для доставки леса с гор 8 тыс. человек и 1 тыс. упряжных волов.

Порой возникали соображения об использовании водного пути при переправке стволов в долину. Однако здесь среди заслуживающих внимания рек или сезонных потоков нет пригодных для лесосплава. Есть дикие ущелья, местами узкие и со множеством утесов, которые в крайнем случае могут пропускать поленья, но уж никак не стволы деревьев 30-метровой длины.

А вот в договоре о поставках кедрового и кипарисового леса, заключенном Соломоном израильским с Хирамом I тирским, засвидетельствован сплав леса по морю. По библейскому тексту, Хирам обязуется: «Рабы мои свезут их с Ливана к морю, и плотами доставлю их морем к месту, которое ты назначишь мне, и там сложу их, и ты возьмешь» (III Книга царств. V, 9). В данном случае заказчик получает строевой лес, как говорится, с доставкой на дом; правда, всего лишь до Яффы, что становится ясным из заметок об аналогичных перевозках древесины для восстановления Иерусалимского храма после 538 г. до н. э. (I Книга Ездры. III, 7).

Целесообразность подобного способа очевидна: примерно 170 км морского пути вместо 200 км сухопутных дорог частью по труднопроходимой местности. Причем предполагается, что Хирам выбирал леса в горном «хинтерланде» Сидона, который на рубеже II—I тысячелетий находился под верховенством Тира.

Можно подозревать, что уже в очень давние времена ливанские поставщики леса специализировались на доставке готовых деталей. Какой бы маршрут перевозок ни избирался, в любом случае снижение объема грузов, подлежащих транспортировке, было выгодным. Так, Ун-Амун рассказывает о погрузке различных тесаных деревянных заготовок, среди которых были форштевень и ахтерштевень для священной ладьи бога Амуна. И флажки привозили в Египет уже готовыми — их нужно было только вмонтировать. Это могло побудить египетского художника времен Сети I (1305—1290) изобразить ливанский лес в виде бамбуковой заросли. Уже Тутмос III велел небольшие весельные ладьи стро-

Рубка ливанских кедров для Сети I. Рельеф на наружной стене храма Амона в Карнаке

ить на месте, в Библе, а потом из гавани отправлять в Египет. Этот властитель сообщает также об использовании в военных действиях египтян судов, построенных на Ливанских горах. Во время своего восьмого похода

в Азию он повелел соорудить «множество кораблей из кедрового дерева». «Они были поставлены на повозки с запряженными в них волами. Они двигались впереди Моего Величества, чтобы можно было переправиться через большую реку (т. е. Евфрат)». Вероятно, это были всего лишь ладьи. Ведь переброска их на расстояние по крайней мере в 350 км — труд немалый. Насколько известно из источников, тысячелетием позже таким же образом были переправлены суда к Евфрату, только в еще большем количестве. Историк Флавий Арриан (I в. н. э.) сообщает, что Александр Великий незадолго до своей смерти приказал перевезти суда из Финикии на Евфрат. Речь шла о больших транспортных судах с семью скамьями для гребцов, которые переправлялись в разобранном виде и на берегу Евфрата собирались снова. Живший немного раньше римский историк Квинт Курций Руф имеет об этом событии несколько иное, вероятно более правильное, представление. По его словам, Александр якобы велел в Ливане валить деревья, затем везти лес в г. Фапсак и там строить суда.

Как уже упоминалось, государства Двуречья долгое время могли покрывать свои потребности в лесоматериалах за счет южных районов гор Малой Азии, в особенности Амануса — «Кедровой горы» клинописных источников. Но, вероятно, в отдельных случаях и в те отдаленные времена месопотамские экспедиции посещали и леса Ливана. Например, известно подобное предприятие царя Мари Иахдунлима (1825—1793), связанное с ливанскими лесами. Правда, в донесении об этом не приводится название лесного массива. Ясно лишь, что он был близок к морю; но это характерно и для Амануса, и для Эль-Ансарии. Вполне возможно, что это были северные отроги Ливана, которые ближе всего расположены к Мари. Нельзя точно определить и место происхождения «Благовонного и смоляного дерева, кедров, кипарисов и мирт», о доставке которых из Катны говорится в одном из текстов Мари. Принимая во внимание расположение Катны (ныне Мишриф, 25 км северо-восточнее Хомса), это, скорее всего, будет Эль-Ансария. Самое раннее достоверное упоминание «Лабнани» как цели месопотамских экспедиций за кедром падает на время правления ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115—1077). Но интенсивная эксплуатация лесных

богатств Ливана Ашшуром начинается только со времени Новоассирийского царства, после 900 г. до н. э.

Условия для перевозок леса в Ассирию были неблагоприятными. Разумеется, стремились сократить трудные сухопутные дороги. Можно было, например, поступать подобно Хираму тирскому и часть пути провозить бревна морем — от ливанского побережья до северосирийских гаваней, а может быть, еще и вверх по Оронту до места, где позднее возникла Антиохия. А дальше можно было везти по древней караванной дороге на севере по кратчайшему маршруту через Алеппо.

Чтобы добраться до главной области Ассирийского царства, примерно 600 км пути нужно было преодолеть по суше. Правда, существовала также возможность, достигнув Евфрата, сплавлять лес по реке сначала до Вавилона, потом груз мог быть переправлен по суше к Тигру, с тем чтобы, наконец, с помощью «бурлаков» доставить его к верховью против быстрого течения этой реки до городов Ассирии.

Один рельеф дворца Саргона II (721—705) в Хорсабаде (Дур-Шаррукин) подтверждает, что, действительно, строевой лес доставлялся таким образом.

Само собой разумеется, что транспортные условия для ввоза в Вавилон были благоприятнее, чем в Ассирию, тем более что вавилонские правители предпочитали вывозить лес из Северо-Восточного Ливана, откуда древесина через Бекаа доставлялась сухим путем на восточную сторону горного массива, непосредственно к Евфрату. Навуходоносор II (605—562) в своей надписи в Вади эс-Шарбине (ранее также известной под названием Вади Бриза) оставил описание работ, которые необходимо было провести в этих местах, чтобы подготовить условия для вывоза кедров: «То, что ни один из царей, бывших до меня, не мог совершить, я свершил. Я прорубил крутые горы, разбил скалы, открыл пути и построил таким способом гладкую дорогу для кедров».

Вероятно, Навуходоносор преувеличивает размах дорожного строительства в этом еще не освоенном кедровом районе Ливана. Хорошо известно, что перевозка леса в Месопотамию в любом случае была трудным делом. Поэтому с привозным ливанским лесом в Ассирии и Вавилоне обращались очень бережливо. Его предоставляли в изобилии только для возведения храмов и

дворцов. Из сообщения Софонии (II, 14) в пророчестве против Ниневии: «Пеликан и еж будут ночевать в резных украшениях ее; голос их будет раздаваться в окнах, разрушение обнаружится на дверных столбах, ибо не станет на них кедровой обшивки» — становится ясно, что кедровый материал применялся не только в качестве несущих элементов репрезентативных зданий, но и для внутренней отделки, например, Соломоном. В частности, для огромных ворот дворцов и крепостей новоассирийского времени (от 2 до 5 м шириной и от 4,5 до 7,5 м высотой) нужен был кедровый и кипарисовый материал высшего качества. Для судостроения в Месопотамии привозной лес использовался довольно редко. Правда, Синаххериб ассирийский (704—681) при случае сообщает о сирийских ремесленниках, которые в Ниневии строили военные суда. Однако относительно происхождения используемого при этом леса он не приводит никаких данных. Зато в греческой легенде о сказочной царице Семирамиде прямо сказано, что она якобы снабдила кораблестроителей из Финикии, Сирии и с Кипра привозным материалом хвойных пород для строительства по ее повелению речных судов для переправы через Инд¹⁴. Ввиду транспортных трудностей строевой лес в Ливане тут же, на лесных делянках, разделявали на типовые заготовки соответственно его назначению, как это обычно делали при доставке в Египет. На рельефе из дворца Саргона II, получившем в науке обозначение «Большой флот», изображена транспортировка грубо обработанных лесоматериалов на палубах и буксировкой. Проще было перевозить малые строительные детали, так как для этого могли использовать караваны верблюдов. Считалось, например, что один хороший выючный верблюд способен перенести два трехметровых кедровых бревна толщиной 15 см на большое расстояние. Иногда еще и сегодня в Ливане можно встретить одногорбого верблюда, перевозящего лесоматериалы.

Пожалуй, наиболее дальние пути перевозок кедровой древесины вели из Ливана в Иран на сооружение дворцов ахеменидских царей, чьи роскошные кедровые палаты прославили античные писатели. Дарий I (521—485) в своих надписях о строительстве дворца в Сузах упоминает о месте, откуда прибывали грузы: «Дерево это, которое называется кедр,— есть такая гора по названию

Ливан (Лабнана) — оттуда его доставили. Ассирийский народ довез его до Вавилонии. Карийцы и ионяне (вероятно, военнопленные?) привезли его из Вавилонии в Сузы».

Коммерческая сторона эксплуатации ливанских лесов нуждается в дополнительном разъяснении. Само собой разумеется, что оба партнера всегда стремились заключать как можно более выгодную сделку. Для получателя было идеальным случаем, если ему удавалось в конце концов завладеть лесом. Пожалуй, еще лучше было, когда вождь лесной строевой лес поставлялся владельцем в качестве дани прямо к причалу или даже «с доставкой на дом». При этом также могли быть сокращены «административные» расходы, которые при собственном ведении хозяйства были бы большими и тормозящими дело. Такую выгодную позицию долгое время обеспечивали себе в азиатской политике фараоны Нового царства страны на Ниле. При этом, конечно, не следует забывать, что, в представлении египтян, все страны были покорны египетскому государственному божеству Амуну-Ра, и поэтому вполне обычный торговый обмен на основе взаимной выгоды ими толковался как приношение дани. Во всяком случае, Тутмос III вскоре после своего первого азиатского похода в интересах царского хозяйства Египта упорядочил эксплуатацию кедровых лесов. В докладе чиновника Сен-Нефера, который при Тутмосе III руководил одной экспедицией за кедром, употребляет для обозначения библского лесного хозяйства слово, которым в египетском языке обозначали обычно царское хозяйство. Вполне возможно, что ведение этого «хозяйства» потом было передано зависимым царькам Библа. В своих более поздних надписях Тутмос III мог уже радоваться богатым поступлениям дани кедровым лесом. «Правители Ливана» строили «царские корабли» и приводили их, груженные другими видами дани, в Египет. Каждый год кедровые леса пунктуально поставляли ко двору. «Ничего из этого я не оставил азиатам»¹⁵. Эта система действовала долгое время.

Возможно, египтяне в этот период содержали в кедровом районе Библа свои опорные пункты, чтобы доставка дани проходила гладко и не случалось нелегальной рубки. Таким опорным пунктом мог быть загадочный «Город, что в Долине Кедра», который упомина-

ется в «поэме» о победе Рамсеса II (1290—1223) над хеттами при Кадеше¹⁶. Эта Долина Кедров играет важную роль еще в одном литературном произведении Египта приблизительно тех же лет — «Сказке о двух братьях». Большой частью ее отождествляют с Бекаа, по которой обычно войска фараонов двигались на север. Однако трудно понять, почему Бекаа должна была называться Долиной Кедров. В «Сказке о двух братьях»¹⁷ Долина Кедров к тому же имеет выход к морю, что вряд ли является вымыслом. В топографическом описании места похода Рамсеса II легко можно узнать одну из долин «хинтерланда» Библи, есть и другие ссылки, указывающие на то, что египтяне в этот период часто использовали перевальные дороги через Ливан.

Во времена политического ослабления государства фараонов их взаимоотношения с ливанскими царьками резко менялись. В период одного из таких упадков, начавшегося после конца Нового царства, это ясно почувствовал несчастный Ун-Амун. Очень впечатляюще описывает он те несправедливости, которые ему пришлось претерпеть во время деловой поездки для закупки материалов для ладьи бога Амуна. Царь Библи обращается с Ун-Амуном, как считает для себя правильным, и старается вытрясти последнее из не очень-то богатой мощны египтянина. Характерно, что на этого дельца не производит никакого впечатления теологическая аргументация, которая у Ун-Амуна еще никогда не давала осечки: «Ты стоишь здесь, чтобы торговаться из-за Ливана, с Амуном, его владыкой!»

В отличие от этого торговля кедром между дружественными соседями — Хирамом тирским и Соломоном иерусалимским, которой предшествовала соответствующая сделка с Давидом, выглядит делом солидным. В качестве платы Хирам запросил с Соломона пшеницу и оливковое масло. По договору ежегодные поставки должны были составлять около 3500 т пшеницы, что приблизительно соответствовало урожаю с площади 40—50 кв. км пашни, и около 7000 гл чистого оливкового масла. Достоверны ли эти цифры, сказать трудно. Вообще в сообщении Ветхого завета о договоре между Соломоном и Хирамом (III Книга царств. V) в результате позднейшей обработки многое было дополнено и преувеличено. Таковы, например, слова о посылке Соломоном

Ассирийские воины на перевозках строевого леса

30 тыс. подневольных работников на подкрепление Хираму (V, 13—14), которые следует понимать как благочестивый вымысел и которые в тексте договора самого Хирама (V, 8—9) не упоминаются. Но, без сомнения, большие поставки кедра и кипариса могли стоить значительных затрат. Реакция Хирама на встречное предложение Соломона передана рассказчиком в Ветхом завете безусловно правильно: «Когда Хирам услышал слова от Соломона, очень обрадовался».

Напрашивается предположение, что в мирное время торговля кедром проходила таким же образом и с месопотамскими партнерами. Правда, из надписей ассирийских царей мы узнаем только о захвате кедровых лесов при помощи оружия или получении древесины в виде дани, которую должны были приносить зависимые правители. Экспедиция за кедрами Синаххериба ассирийского выглядит в направленных против него пророчествах Исаии совсем в духе ассирийских царских надписей: «Со множеством колесниц моих я взошел на высоту гор, на ребра Ливана, и срубил рослые кедры его, отличные кипарисы его, и пришел на самую вершину его, в рощу сада его» (Исаия. XXXVII, 24).

Во время грабительских набегов первых властителей Новоассирийского царства, по-видимому, чтобы быстро собрать как можно больше древесины, использовали войско. На бронзовых фризах, которыми Салманасар III (858—824) велел украсить ворота своего дворца в Балавате, художник изобразил ассирийских воинов за переноской бревен к месту сбора. Утвердив свое господство в западноазиатской прибрежной области, Ассирия по примеру египетских фараонов доверила подобные рабо-

ты зависимым царькам. Грандиозной кампанией прославился Асархаддон (680—669). Он сообщает, будто бы созвал 12 таких царьков с побережья, в том числе правителей Тира и Библа, а также 12 царей городов Кипра: «Их всех послал я обратно и велел, несмотря на тяжкий труд, обеспечить доставку в подвластную мне Ниневию строительного материала для ее дворца — мощных бревен, длинного бруса и тонких досок из кедра и кипариса — продуктов Сираы (Хермон?) и Ливанских гор...» Его преемник Ашшурбанапал (668—635/27) несколькими десятилетиями позже провел подобное мероприятие для перестройки храма бога Луны Сина в Харране. В его распоряжении были «благородный кедр» с Ливана и «благовонный кипарис» из Сираы, то, что, по его словам, «цари морского берега», «покорные слуги, приказали срубить и со своих гор с великим трудом доставить волоком в Харран». Подобного рода дань была связана с жесткими принудительными обязанностями для населения лесных районов. Об их последствиях рассказывает Навуходоносор II в своей надписи в Вади эш-Шарбине, осуждая господство Ассирии, этого «иноземного врага», над Ливаном. Местные жители, по словам Навуходоносора, были рассеяны и вынуждены бежать в отдаленные районы. Но он изгнал врага и вернул население на обжитые места. «Я обеспечил жителям Ливана жизнь в безопасности и спокойствии». Это могло означать, что правители Нововавилонского царства поступали менее жестко по части привлечения населения к принудительным работам.

Во всяком случае, нет никакого сомнения, что и Навуходоносор, и другие нововавилонские цари заставляли спускать в долину кедры и кипарисы не только силами местных жителей. Возможно, это в некоторой степени меняло положение населения тех областей, в окрестностях которых росли кедры. Подобное наблюдалось также и в эксплуатации кедровых лесов в последующие века. Во времена эллинизма не только нужды судостроения вызывали все более широкие посягательства на кедровые массивы, но и быстро растущие потребности в длинноствольном строевом лесе для общественных и частных зданий, помещения которых становились все более крупными. Развивающаяся военная техника также истощала леса Ливана.

Александр Великий получал для осадных работ при взятии островного города Тира лес с Ливана. Иоанн из Гисхалы, один из вождей в Иудейской войне против Рима, строил защитные машины из кедровых бревен¹⁸. Их складывали у Иерусалимского храма для широкого применения в городе, обложенном римскими войсками.

Перед лицом усиливавшейся эксплуатации леса были предприняты попытки предохранить его от полного уничтожения. Вероятно, первые шаги в этом направлении сделал еще Тутмос III, объявив библские леса царскими угодьями. От времени ассирийского господства до нас не дошло ничего, что говорило бы о щадящем отношении к лесу. Но в это время наряду с повинностями кедром и просто захватами древесины военными отрядами развивавшаяся торговля кедром, которую вели приморские города — владельцы леса — и которая ранее поощрялась, теперь, по всей видимости, ограничивалась ассирийскими властями.

Более определенные сведения о мерах по защите лесов имеются у нас только от персидского времени. Когда Неемия в 445 г. до н. э. отправлялся в качестве наместника от двора Артаксеркса I в Иерусалим, он перед отъездом попросил у великого царя письмо к Асафу, главному управителю царских лесов, «чтобы он дал мне дерев для ворот крепости, которая при доме Божиим, и для городской стены, и для дома, в котором бы мне жить» (Неемия. II, 7—8).

Интересно само название должности Асафа. В буквальном переводе это «страж (хранитель) царского парадиза (др.-евр. пардэс)». Парадиз — слово, заимствованное из персидского и имевшее там значение «ограды, ограждение». Здесь оно означает не сад¹⁹, а лесной заповедник царя. Такие заповедные участки лесов имелись в различных местах Ливана. Одно из них находилось в окрестностях хермельского монумента. Возможно, напоминание об одном из парадизов персидского времени хранит современное название селения Эль-Фердис, расположенное неподалеку от кедров Джебель Барука.

Совершенно точно известно нам о защитных мерах, которые предпринимал римский император Адриан в 134 г. н. э. Он объявил все высокогорные лесные области Ливана собственностью государственной казны и обоз-

начил границы заповедника на скальных надписях и стелах со ссылками на владельца и указаниями запретов. Сохранилось более 100 таких надписей. Они дают представление о размерах области, в которой в то время еще имелись леса, дающие кедровую и другую полезную древесину. Границы заповедника приблизительно соответствовали региону, где вообще могут произрастать кедры.

Итак, хотя экстенсивная эксплуатация кедровых лесов и сильно сокращала количество пригодных на сруб деревьев, она все же не мешала распространению кедровой растительности. Поскольку вокруг кедра, весьма способного к размножению, при благоприятных условиях даже на каменистой почве быстро возникают бесчисленные побеги молодой поросли, подобные прореживания не могли стать угрожающими. Уничтожение кедровых лесов было вызвано преимущественно разведением коз. В связи с заселением средних горных террас с византийских времен молодая древесная поросль все чаще становилась жертвой этих животных. Пожалуй, определенное участие в уничтожении лесов принимали также ливанские угольщики, которые даже из тонких стволиков умели выжигать древесный уголь. Опустошительно подействовала на остатки лесов железная дорога, топливные потребности которой во время первой мировой войны заставляли топор лесоруба проникать в лесные места, которые до той поры почти не трогали.

Кедр в поэзии и мифологии

Терн, который на Ливане, послал к кедру, который на Ливане же, сказать: Отдай дочь свою в жену сыну моему. Но прошли дикие звери, что на Ливане, и истоптали этот терн.

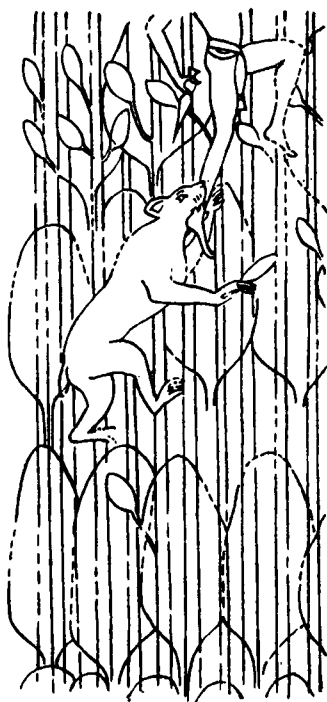
IV Книга царств. XIV, 9

Невозможно было бы полностью оценить значение ливанского кедра в древности, если рассматривать его только в хозяйственном аспекте. Ведь в текстах очень часто содержатся намеки и на эстетическое впечатление от кедрового леса. Величественное зрелище роскошных деревьев, их благотворная тень, приятный своеобразный аромат — все это неоднократно упоминается в древних источниках. Египтянин, правда, не очень был склонен предаваться восторгам по этому поводу. Одна только мысль о густых лесах Передней Азии с их дождями, туманами и нередко снегопадами, в которых обитало много диких зверей и разбойников, вызывала у него опасение. Характерна в этом отношении Долина Кедра из египетской «Сказки о двух братьях», расположенная в отдаленной части подконтрольной Египту Передней Азии. Однако и в данном сказании кедр — дерево, которому придают особое значение. Недаром младший брат, чтобы сделать неуязвимым для врагов свое сердце, прячет его на вершине кедра «в цветке кедра». Если же дерево срубят, то он должен будет умереть. Но и в таком случае есть еще возможность спасти младшего брата, если старший найдет его сердце под поваленным деревом в течение семи лет и положит в воду. Так все и происходит, когда фараон посылает воинов срубить «древо жизни» младшего брата, чтобы убить его. Старший на четвертый год поисков все же нашел сердце брата. Оно напоминало кедровый плод... Здесь вымысел не лишен довольно меткой наблюдательности. Кедровая шишка, пока она еще не созрела и не раскрылась,

при некоторой доле фантазии может показаться похожей на сердце. Кедровые шишки, растущие на широких, раскидистых ветвях, производят впечатление, будто они «лежат» на зеленых ворсистых ковриках.

Поэтическими образами кедра довольно богат Ветхий завет. В этом нет ничего удивительного. Даже мудрый царь Соломон в своих песнях воспел «дерева от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены» (III Книга царств. IV, 33). Как самое высокое и величественное дерево Ливана, кедр считался царем деревьев. Его качества и особенности вошли во многие иносказания и сравнения. Праведник, например, «возвышается подобно кедру» (Псалом XCI, 13). Да и высокомерный фараон сравнивается с роскошным кедром Ливана, который за гордыню свою был низвергнут богом (Иезекииль. XXXI). Весьма поэтично сравнение, касающееся верховного жреца Симона: «Вокруг него был венец братьев, как отрасли кедра на Ливане» (Иисус Сирахов. L, 14). А сравнение хвоста бегемота с кедром говорит, пожалуй, о причудливости поэтической фантазии (Иов. XL, 12).

Как это часто бывало в древности, поэзию широко использовала религия. Особенно показательны в этом отношении ветхозаветные предания о райском божьем саде на Ливане. В этом саду, разумеется, преобладают кедры как деревья бога в прямом смысле. Причем примечательно, что «кедровый сад» на Ливане имеет отношение к Яхве, богу Израиля. «Насыщаются древа

Господа²⁰, кедры Ливанские, которые Он насадил», — говорится в Псалтири (СIII, 16).

У пророка Иезекииля даже мифическое древо мира выступает в виде ливанского кедра, растущего в божьем саду (Иезекииль. XXXI). В пророчествах о погибельных временах также фигурирует образ господнего сада на Ливане. «Слава Ливана» с его кедрами, кипарисами и другими деревьями придет в новый Иерусалим, говорится у Исаии (LX, 13). Странно противоречивым выглядит отношение Яхве к саду на Ливане. Он и творец его, и в то же время губитель: «Вот, Господь... страшную силою сорвет ветви дерев, и величающиеся ростом будут срублены, высокие повержены на землю. И посечет чашу леса железом: и Ливан падет от Всемогущего» (Исаия. X, 33—34).

Как и во многих других изречениях, здесь скрыт инносказательный смысл. Возможно, это намек на судьбу Иерусалима, которому в 734—733 гг. до н. э. угрожала военная коалиция Рецина дамасского и Пекахии (Факея) израильского. Но случайно ли возникло противоречие в образе всемогущего? Как появилось представление о нем как о хозяине и в то же время губителе божьего сада на Ливане? Псалом (LXXIX, 11) подводит нас к некоторому объяснению. Здесь идет речь также о кедрах в божьем саду. Однако их владелец — бог Эл. Это свидетельствует о принятии на себя функции ханаанского бога Эла, бывшего владыки Ливана, богом Яхве. Подобный пример не единичен. Известно, что к богу Яхве перешли функции целого ряда более древних божеств.

Связь Эла с божьим садом на Ливане подтверждается не только Ветхим заветом. В одном тексте из древнего Угарита речь идет о вине, «высшей гордости Ливана омытого росой, Ливана, который насадил Эл». Но все же, как кажется, кедр, по угаритским представлениям, находился под особым покровительством бога Баала. Возможно, в перипетиях угаритской истории богов функции Эла перешли к Баалу. Нечто подобное можно наблюдать и в других случаях. Но в любом из них за богом кедров, отождествленным в Ветхом завете с Яхве, скрывается божество типа Баала. Особенно это находит выражение в описании его действий как бога грозы — задача, которая обычно не входила в обязан-

Стоящий на горах Баал угаритский — бог грозы с палицей и деревом. Небольшая фигурка в молитвенной позе изображает царя Угарита. Рельеф стелы из Угарита; около XIII в. до н. э.

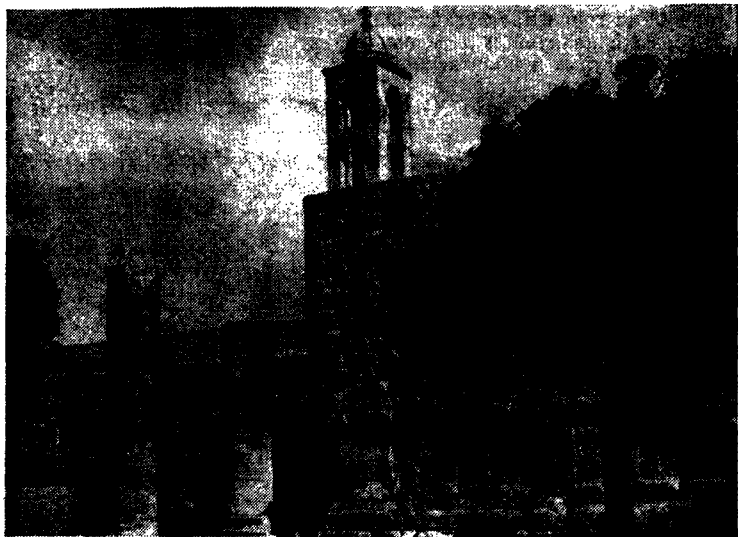
н. э.

ности Эла. Псалом XXVIII, который, как можно было бы предположить, весьма тесно примыкает к более древнему ханаанскому образцу, свидетельствует о связи бога грозы с кедровым лесом. «Глас Господа сокрушает кедры; Господь сокрушает кедры Ливанские» (Псалом XXVIII, 5). Идентичность бога кедров и бога грозы попросту вытекала из здравого смысла, она подсказывалась естественным знанием того, в каких местах находились кедровые леса. И в описании угаритского Баала по отношению к кедрам выступает именно черта бога грозы. Он является богом, от руки которого «кедр бессильно никнет», как поэтично сказано в текстах о Баале.

Как не провести в связи с этим еще раз параллель между архитектурой храмов Баала в Угарите и Яхве в Иерусалиме. Оба бога жили в «кедровых домах Ливана» (одного типа). Это сходство относительно «кедрового сада» на Ливане двух далеко отстоящих во времени и пространстве богов становится понятным, если признать, что оба — и бог Угарита и бог Иерусалима — отождествлялись с Баалом кедрового леса. Идентичность бога кедров и Яхве подкрепляется еще и особыми обстоятельствами, при которых возводили Иерусалимский храм: «Кедровый дом Ливана» сооружали в нем специалисты из Тира по известной им модели.

Об одном из важнейших святилищ Баала ливанско-

Дейр эль-Калаа — маронитский монастырь на развалинах храма. Частично сохранившиеся колонны портика и подий из мощных каменных плит. Наружные размеры целлы 28×11 м

го у нас имеются довольно точные представления. Речь идет о принадлежащем Бейруту горном храме, расположенном над Бейт-Мери, на высоте 732 м над уровнем моря.

Среди руин храма находится ныне маронитский монастырь, насыщенный имя Дейр эль-Калаа (монастырь-крепость). Раскопки последних лет обнаружили основание обширного комплекса, включающего помимо храма еще различные малые святилища. О значении этого очага религиозных культов свидетельствует также ряд надписей, которые хозяином храма называют Баала Маркода. В римское время он носил витиеватый титул *Jupiter Optimus Maximus Balmarcodes*²¹. Уже в древности имя бога толковали как «владыка, господин танца». Что имели в виду под «танцем», становится очевидным из ветхозаветных параллелей. Глагольная форма от слова, соответствующего прозвищу Маркод, безусловно,

употреблялась в связи с картиной опустошения кедрового сада богом Яхве: «Он заставляет их скакать подобно тельцу, Ливан и Сирион (Антиливан.— *Примеч. авт.*), подобно молодому единорогу» (Псалом XXVIII, 6; ср. также СХІІІ, 4 и 6).

Здесь, по-видимому, подразумевается одно из явлений природы — землетрясение, которое в районе Ливана не редкость. Таким образом, под Баалом Маркодом нужно понимать «владыка, господин землетрясения», который заставляет танцевать горы. Правильность подобной интерпретации подтверждается отождествлением Баала Маркода с Посейдоном Эносихтоном, «землеколебателем» в посвященных надписях из Дейр эль-Калаа.

Баал ливанский как владыка высочайших гор Сирии и Палестины и их горных лесов был широко почитаем. Ученый Филон Библиский причислял его к самым значительным горным божествам Ханаана. У хеттов, которые стремились приобщить как можно больше чужих богов к своему пантеону, он фигурирует в качестве божества клятвы при заключении договоров. В Египте культ Баала получил большое распространение в период Нового царства, когда наблюдались особенно тесные связи с Ливаном. В одном из египетских магических текстов темные силы заклинают словами: «Да поразит тебя Баал кедровым деревом, что в руке его!» Это выражение заставляет вспомнить рельефное изображение Баала угаритского. Бог несет в левой руке оружие, чрезвычайно похожее на дерево, заостренное снизу подобно копью.

Религиозное значение кедра как дерева божьего сада проливает свет на его культовую ценность. Как никакой другой материал, кедр считался пригодным для сооружения жилищ богов. Охотно использовался он и при изготовлении малых предметов культа. Тутмос III сказал об этом просто и выразительно: «Это дерево, которое он (бог Амун) любит».

В такой ситуации рубка кедра на постройку храмов представлялась богоугодным делом. Навуходоносор, например, гордился тем, что собственноручно валил строевой лес для башни храма в Вавилоне. Зато предосудительным считалось использовать «священный» лес в мирских целях. В связи с этим становится понятным

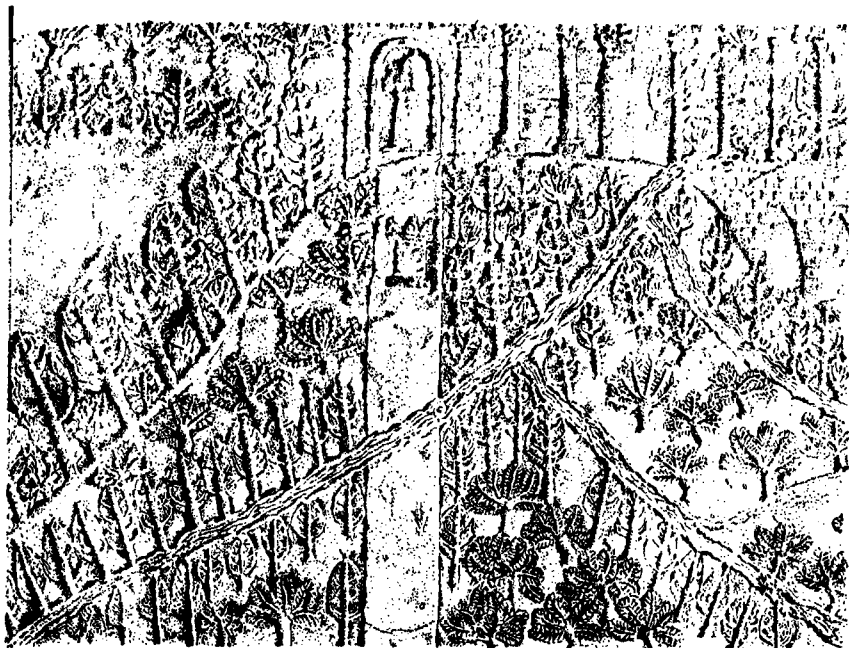
негодование, когда Иоанн гисхальский для сооружения оборонительных машин взял сложенные в Иерусалиме кедровые стволы, предназначенные для расширения храма. По мидрашу²² Раввы к I Моисея 2, 8, раввин Йоханан сказал: «Мир недостойн пользоваться кедром. Для чего же тогда был создан кедр? Ради храма!»

Гильгамеш, самый знаменитый сокрушитель священных кедров в саду бога, родом из Двуречья, был царем Урука (около 2600 г. до н. э.), первым из правителей этого города, кто имеет уже контуры исторического лица, но находится еще на грани сказаний и мифов. С его образом связаны многочисленные легенды, особенно те, которые составили обширный «Эпос о Гильгамеше»²³.

По поручению бога Солнца Шамаша Гильгамеш должен был предпринять поход против Хумбабы — грозного стража священных кедровых лесов на горе богов. После длительного путешествия со своим другом Энкиду он достигает кедрового леса. «Остановились, дивятся лесу, кедров высоту они видят, леса они видят проходы, где Хумбаба, бродя, протоптал тропинки — дороги прямы, пути удобны...» Посланцы бога Солнца быстро освоились в лесной глуши и начали валить кедр за кедром, чтобы выманить Хумбабу. Это им удалось, и яростный страж божьего леса был убит Гильгамешем. И все же это приключение добром не кончилось. Боги решили, что один из богохульников должен умереть, хотя они выполняли поручение бога Солнца. Эта участь постигла Энкиду; но, судя по всему, и Гильгамеша ждала смерть в заключительной части эпоса, которая не сохранилась.

Вполне вероятно, что первоначально кедровый лес, о котором шла речь в «Эпосе о Гильгамеше», находился не на Ливане, а на Аманусе. Но существует один из вариантов текста, относящийся к началу II тысячелетия до н. э., который прямо называет Ливан местом кедровых лесов богов.

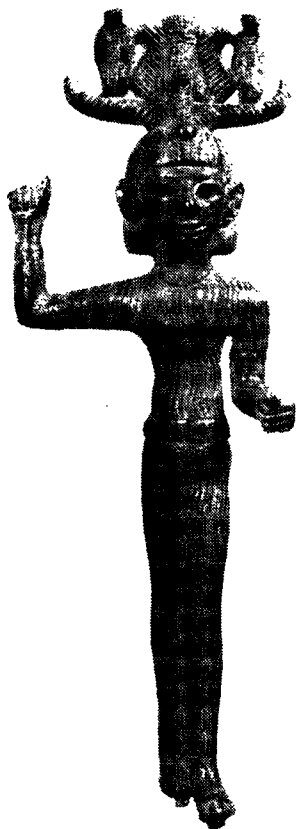
Удивителен в этой версии рассказ о рубке священного кедра на Ливане, который доставляют по Евфрату в Вавилон. Мы не знаем, отражены ли здесь какие-либо исторические воспоминания и возможен ли сам факт, что Гильгамеш доходил до Ливана. Но и по этой редакции ясно, что в «кедровый сад» не проникают безна-

Храм со священной рощей. Перед храмом алтарь со статуей божества

казанно. Много позже и совершенно в другой связи пророк Исаия усматривает прямое богохульство в том, что Синаххериб ассирийский поднялся до самых высоких мест в Ливане, где растут кедры, и валит их там (Исаия. XXXVII, 24).

Гильгамеш и Энкиду во время своего похода по кедровому лесу богов заметили святилище, которое находилось на горе посреди леса. Наглядное представление о такой горе со священной рощей и храмом дают изображения, найденные в храмах Месопотамии. Ассирийские владыки особенно гордились искусством оформления священных рощ, состоящих из кедра и других деревьев, «как на Аманусе». К этим кушам, которые частично служили мирским целям, могло относиться также гневное пророчество Исаии против ассирийского царя: «И славный лес его и сад его (бог) истребит; и остаток

Финикийская богиня.
Корона и прическа
в египетском стиле.
Бронза, высота 17,5 см

Финикийская богиня;
около XIV в. до н.э.
Бронза, высота 16,5 см

дерев леса его так будет малочислен, что дитя в состоянии будет сделать опись» (Исаия. X, 18—19).

Ужасный Хумбаба, несомненно, имеет некоторые черты Баала. Но обращает на себя внимание, что кедровые леса Ливана, расположенные в глубь страны от Библа, подчинены уже не Баалу, а Баалат, богине

г. Библа. Когда уже неоднократно цитированный нами сановник Сеннефер по поручению Тутмоса III взобрался на горы для рубки кедра, он не преминул принести богатые жертвы библской Баалат. Да и замечание Тутмоса III о том, что он велел изготовить корабли для своей евфратской экспедиции «вблизи пребывания богини Библа», вряд ли следует понимать в другом смысле. Египтяне отождествляли библскую Баалат с богиней страны на Ниле Хатхор. Мин-месу, «майордом» Аменхотепа II (1436—1412), сообщает, что ему, кроме прочего, было якобы поручено руководство строительными работами храма Хатхор, «владычицы Библа». Конечно, в этом отождествлении двух богинь сыграл определенную роль первоначальный характер Хатхор как богини деревьев. Ей были подвластны погребальные обряды с их высокой потребностью в кедровой древесине и продуктах из кедра. Под ее особым покровительством находилось изготовление весел для корабля, на котором умерший должен был пересечь «реку мертвых».

Сегодня в горах Ливана больше ничто не напоминает о Баале ливанском и о библской Баалат. Но многое еще связано с ними в христианских традициях Ливана. В литургии церкви христиан-маронитов, встречающихся главным образом в Ливане, Мария выступает под титулом «Кедр Ливана». Древнейшие кедровые рощи и сегодня — бережно охраняемая собственность этой церкви, которая в Бшерри и Гадеше имеет небольшие капеллы. «Праздник кедров господних» в роще Бшерри еще устраивался вплоть до последних десятилетий. Даже потомков древних паломников — постоянно куда-то спешащих туристов охватывает благоговение, когда их приводят в высоко почитаемую (верующими) рощу Бшерри, чтобы полюбоваться *ars sleman* — «кедрами Соломона». Да и имеет ли значение, что в действительности даже старейшие кедры-богатыри при самых благоприятных обстоятельствах могли застать в своей юности лишь время крестоносцев. Эти кедры больше, чем памятник природы, — они символ Ливана, символ его бурной истории и вместе с тем олицетворение его неизбывной силы, пережившей все превратности судьбы.

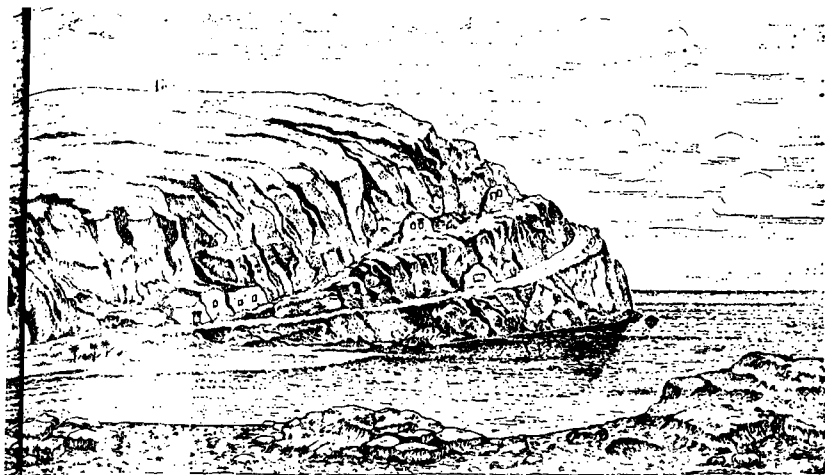
Вступление в мировую историю

Я воздвиг стелу с моим великим именем в стране Ливан на берегу Великого моря.

Шамшиадад I ассирийский, 1813—1783

Тот, кто сегодня держит путь от Бейрута на север по берегу моря, совсем не испытывает тех затруднений, которые выпадали здесь на долю путешественников в древности. Вдоль нижней горной террасы выше узких прибрежных долин проходит автострада без пересечений. Только крутые предгорья, выходящие к самому морю у р. Эль-Кельб, вынуждают ее на несколько сот метров уйти под своды тоннеля. Сооружение здесь современного тоннеля знаменует собой позднейший период длинной истории береговой дороги. До 1960 г. она опоясывала массив Рас эль-Кельб по узкой ступени, отвоеванной у предгорий, всего в нескольких метрах выше уровня моря. Ее предшественница, пробитая в скалах в 179—180 гг. н. э., при императоре Марке Аврелии, и расширенная префектом Татианом в 382 г., пересекает крутой склон уже на высоте 30 м. А следы самых первых дорог, построенных здесь в древности, обнаруживаются еще выше. Это говорит о том, что перевал в те времена быстро и легко не могли преодолеть ни большие караваны, ни крупное войско. А для транспорта с тяжелым грузом он был вообще непреодолим.

Сам по себе переход у Эль-Кельб с дорогами различных эпох вряд ли привлек бы особое внимание (на пути вдоль берега из Палестины в Северную Сирию есть и другие труднопроходимые отроги), если бы его не выделяло среди остальных перевалов столь внушительное количество надписей, отразивших ливанскую историю более чем за 3000 лет. И если именно здесь сосредоточены наскальные надписи властителей разных стран и эпох, это, безусловно, говорит об особом значении пере-

Прибрежная дорога на Рас эль-Кельб; около 1880 г.

вала на прибрежном пути. Топографическая картина местности и сегодня свидетельствует о том, что здесь проходит естественная граница между северной и южной частями ливанского побережья.

Эту границу создает не столько массив Рас эль-Кельб, сколько непосредственно прилегающая к нему с севера долина р. Эль-Кельб, несущей свои воды в Средиземное море. Речка сама по себе не является значительной преградой. Восходящее к Страбону и возрождавшееся порой вплоть до нового времени утверждение, будто Эль-Кельб в древности была судоходна и по ней далеко в глубь страны проходили торговые суда, является во всех отношениях ошибочным. Эль-Кельб, если судить по ее руслу, никогда не была судоходной. Из-за глубоко врезанной долины реку могли пересекать в крайнем случае только в устье, а не в глубине страны. Лишь несколько лет назад в верхнем течении, в 15 км от берега моря, появилась дорожная связь через ее извилистое ложе.

В древности не было возможности обойти массив Рас

эль-Кельб со стороны материка, как это делалось, например, в предгорьях Рас эш-Шека севернее Батруна. Переход через Эль-Кельб, вероятно, уже в те времена облегчался с помощью моста. А дальше двигались по узкой тропе, пробитой в скалах над круто обрывающимся мысом. Этот проход был, так сказать, игольным ушком, через которое дорожная нить протодергивалась на прибрежную равнину. Военное значение такого перевала очевидно. Кто держал его под своим контролем, тот действительно имел повод именно здесь воздвигнуть стелу или выбить на скале надпись в знак своего владения.

Правда, в этом сказались еще и сила традиции. Длинный ряд надписей, начинавшийся со свидетельств о господстве древневосточных владык, доходит и до наших дней. Военное значение перевала нашло отражение в местной легенде. По этой легенде, Эль-Кельб («Собачья река») обязана своим названием собаке, которой когда-то был воздвигнут памятник на древней римской дороге. Эта собака, почуя приближение врага, так громко залаяла, что было слышно за 2 мили вокруг. Скорее же всего это арабское название всего лишь перевод греческого слова «ликос» («волк»), нередко употребляемого для обозначения быстрого потока. Но так или иначе, саперы в 1942 г. при строительстве железнодорожного тоннеля нашли барельеф какой-то собаки или волка.

Самая древняя надпись на Эль-Кельб сделана по повелению Рамсеса II. Вероятно, он вообще был первым властелином, который рискнул двинуть войско по прибрежной тропе. Обычно пользовались удобным путем через Бекаа, одновременно для обеспечения фланга высылая вдоль берега флотилию, которая могла бы действовать с моря и высаживать воинов на сушу. Вполне вероятно, что превосходство вражеского флота вынудило Рамсеса II отказаться от этого испытанного маневра.

В середине XIV в. до н. э. главной морской силой в восточной части Средиземного моря становятся ахейцы. В борьбе за господство над Сирией между хеттами и египтянами они встали на сторону проникших с севера хеттов.

Рамсес II не раз пользовался перевалом у Эль-Кельб. Он—единственный, кто оставил здесь три надписи. Правда, одной из них пришлось уступить место для

прославления Наполеона III. Командующий военной экспедицией генерал Бофор распорядился в 1860 г. изгладить одну из надписей Рамсеса II, чтобы без особого труда получить достойное обрамление для своих слов, высеченных в память о предпринятой им операции.

Эпоха надписей у «Собачьей реки» весьма далеко отстоит от тех времен, когда Ливан начал втягиваться в общий поток политической истории Передней Азии, Но они, эти надписи, весьма характерны как символ ливанской истории вообще. Знаменательно, что все эти надписи оставлены иноземными владыками и полководцами. Исключение составляет только самая поздняя. Она посвящена уходу из Ливана последних англо-французских войск 31 декабря 1946 г.

Роль небольших общин, которые складывались на территории Ливана в IV—III тысячелетиях до н. э., с самого начала была определена и ограничена географическим положением страны. Предпосылки для образования великой державы здесь отсутствовали. Более того, природные условия обрекали Ливан, как в общем и всю прибрежную часть Передней Азии, на судьбу транзитной (проходной) страны.

Подобная ситуация имела как свои преимущества, так и весьма серьезные недостатки. С одной стороны, положение на перепутье способствовало развитию торговли. Обмен товарами между восточной частью Передней Азии, странами эгейского мира и Египтом во все времена проходил преимущественно через гавани средиземноморского побережья, среди которых самое большое значение имели те, что находились под защитой Ливанских гор. С другой стороны, особенность географического положения привлекала сюда военную мощь великих держав всякий раз, когда дело касалось господства в древнем мире, когда важно было получить под свой контроль транзитную территорию. Овладевший землями между Палестиной и устьем Оронта держал в руках ключи от мирового господства. Надо еще учесть и то, что страны транзитной области с их огромными природными богатствами сами по себе были весьма привлекательны для вершителей мировой политики. Правда, до конца III тысячелетия ни одно государство на обжитых землях древнего мира не было в состоянии проводить долгое время столь широкую великодержавную полити-

ку, чтобы включить в ее сферу Ливан и соседние с ним области Сирии и Палестины.

Материал источников позволяет удаленному от тех эпох историку набросать в общих чертах картину того, как большие государства Двуречья и долины Нила постепенно нащупывали пути к Сирии. Этот процесс начался очень рано. Если не считать легендарный поход Гильгамеша из Урука историческим фактом, то, по сохранившимся сведениям, первым из месопотамских владык, пославшим экспедицию в горы Амануса на средиземноморское побережье в 2350 г. до н. э., был Мескигала из Адаба²⁴. В дальнейшем такие походы повторялись не раз. Почти каждый из царей Месопотамии, чтобы поднять свой престиж, предпринимал поход к «верхнему морю», как в отличие от «нижнего» — Персидского залива — называют в текстах Двуречья Средиземное море. Вскоре племена Месопотамии проникают дальше на юго-запад.

Несколько сообщений о ранних экспедициях к Средиземному морю, которыми мы располагаем, весьма похожи одно на другое. Цари «омывали» свое оружие в водах «верхнего моря» и воздвигали на подходящих местах стелы, возвещавшие миру об их пребывании здесь. Вряд ли следует рассматривать походы к Средиземному морю как обследование неизвестных дальних стран. Западноазиатский приморский район благодаря интенсивной и обширной торговле, свидетельства которой находим мы при раскопках в различных местах, давно был известен в городах Месопотамии. И нет никаких сомнений, что вооруженные походы месопотамских царей на запад были связаны именно с торговыми отношениями. Такие демонстрации силы укрепляли позиции месопотамских купцов. Для последних было весьма выгодно находиться под покровительством могущественного государства, которое, безусловно, могло развернуть военные действия и далеко от своей территории. Естественно, подобные походы-демонстрации не могли повторяться ежегодно, во всяком случае в ранний период развития государств Месопотамии. Но в этом и не было необходимости, так как царственный предводитель военного похода оставлял здесь о себе память-стелу, которую он воздвигал.

В сознании древних изображение человека и начер-

Библ. Вид с цитадели крестоносцев на храм Баалат.
Сооружение периода ранней бронзы (около 2800 г. до н. э.),
восстановление после разрушения (около 2100 г. до н. э.);
в персидское время было перестроено

тание его имени отождествлялись с самим человеком. Такие воплощения были больше чем только знаки, напоминающие о доблестных делах. Они сохраняли действенность, пока существовала сила, которую они представляли. В этом смысле возведение стел и начертание скальных надписей выглядело актом экспроприации, неким вступлением во владение. Если выражавшееся в них притязание и не могло реально осуществляться в политическом плане, то, во всяком случае, в плане пропагандистском оно оказывало свое воздействие.

Не слишком тесные политические связи с державами Двуречья для малых государств Передней Азии во многих отношениях могли быть выгодными. Для отдельных правителей таких государств, постоянно раздираемых различием интересов и устремлений, даже слабая связь с великой державой означала большую безопасность и больший политический вес. В системе государств, где каждый мало-мальски приличный городской правитель был милостью божьей царем своего города, титул высокопоставленного чиновника дальней великой державы

был в большой цене. Даже при известной потере суверенитета — возможно, лишь условной — с таким положением можно было смириться. Отсюда становится понятным тот факт, что Ибдати, один из правителей Библа в XXI в. до н. э., первый, как нам известно, носил титул «энси»²⁵, царя, косвенно подчиненного владыкам III династии Ура. Выраженное в этом признание верховной власти Ура, без сомнения, не было результатом завоевания. Тягостное иго южномесопотамской великой державы правитель Библа в те времена смог бы быстро сбросить. К подобным отношениям должны были привести лишь обоюдные интересы. Вообще в духе политики III династии Ура было подчинить своему влиянию торговых-политические интересы городов-государств сирийского региона. Это, возможно, особенно коснулось Библа, когда Ур захватил позиции Египта, где в конце Древнего царства к 2250 г. до н. э. наступил период упадка.

Перед лицом хозяйственного и политического упадка Египта в эпоху I Переходного периода Библ, несомненно, расширял свои торговые связи с Месопотамией, искал и находил политическую опору в царстве Ура. Убедительность нашего предположения подтверждается тем, что и сам Библ в середине XXIII в. до н. э. находился в кризисном положении. По свидетельству раскопок, его дела стали поправляться лишь к 2100 г. до н. э. В такой ситуации связи с шумерским царством Ура были особенно полезными.

Таким образом, Египет надолго перестал быть торговым партнером Библа. Вот почему при раскопках в Ливане не обнаружено предметов египетского происхождения за время между правлением Пепи II и Сенусерта I (около 2270—1970 гг. до н. э.). В связи с этим и сетовал автор «Поучения египетского мудреца» I Переходного периода: «Ни одного паруса больше не направляется в Библ. Что нам делать, чтобы найти замену кедровым доскам для наших мертвых?»²⁶.

Фараоны и Ливан

Ты наполняешь радостью все страны, и там, где
твое величество, нет никого, кто бы скорбел.

Гимн Тутмосу III

Политика Египта в отношении района Передней Азии в основном походила на политику ранних месопотамских государств в отношении Сирии. Фараоны также старались постепенно расширять здесь сферу своего влияния. Однако удобные морские связи с рынками на переднеазиатском побережье делали излишним создание надежного плацдарма путем подчинения сколько-нибудь крупных территорий. Очевидно, в период Древнего царства и без того удавалось держать Библ с его лесными массивами под контролем настолько, что лес бесперебойно поступал в Египет. Египетской колонией в точном смысле этого слова Библ никогда не был. Египет не стремился укреплять свои позиции в Библе, как и позднее в других областях Передней Азии, с помощью переселенцев с берегов Нила.

Библу тесный контакт с Египтом был не без выгоды, поскольку фараоны старались расширять свою торговлю, осваивая окрестности Библа. Это касалось в первую очередь богатых лесом гор. Но Египет зависел и от ввоза других важных товаров Передней Азии, к которым относилось прежде всего оливковое масло. Оливы в стране на Ниле не росли. Но масло из их плодов было необходимым продуктом питания и сырьем для египетской косметики. Многочисленные керамические сосуды палестинского и южносирийского происхождения, найденные археологами в слоях, относящихся к раннему периоду истории Египта, вероятно, были тарой из-под привозного оливкового масла. Конечно, самой значительной областью выращивания оливок уже в те времена была территория к северу от Библа. Египет, естественно, стремился

контролировать не только сам город, но и ее. Возможно, здесь и следует искать ту землю, которая впервые в конце XVIII в. до н. э. в отличие от собственно города упомянута как «земля Библ».

Поскольку признание верховной власти Египта служило интересам правителей Библа, они после краткой эпохи номинальной верховной власти Шумера вновь открыли двери египетскому влиянию в эпоху Среднего царства. Правда, перед этим лежит темный период, когда, по-видимому, произошли изменения в господствующем слое населения. Царьки Библа того времени носят уже западносемитские имена и принадлежат к амореям, племена которых с конца III тысячелетия появились в Передней Азии. Как свидетельствуют надписи из Библа, египетское влияние возобновляется лишь в конце XII династии при Аменемхете III (1842—1797), хотя ввоз леса в Египет увеличился уже при основателе этой династии Аменемхете I в самом начале II тысячелетия.

Перед фараонами Среднего царства стояла задача восстановить свои позиции в Восточном Средиземноморье после более чем 250-летнего перерыва. Хети (III?), один из владык X династии, обращался к своему сыну Мерикара в 2100 г. до н. э. с советом, который был в то время в ходу: «Отправь свою статую в далекую чужбину!»²⁷. И фараоны Среднего царства следовали этому совету. Почти всегда при раскопках торговых городов Восточного Средиземноморья, если достигали слоев тех времен, обнаруживали статуи и другие предметы, меченные картушами царей XII династии. Характерно, что скульптуры, о которых идет речь,— в большинстве своем сфинксы, а они, как известно, символизируют власть египетских царей. Разумеется, эти произведения искусства отнюдь не были платой за полученные из Ливана товары. Кто же в качестве платы за лес, оливковое масло или скот принял бы гранитного сфинкса, которого перепродать невозможно? В обычных торговых сделках египетские партнеры рассчитывались золотом, серебряным ломом, одеждой из льняных тканей, папирусом, бобовыми, а также различными предметами роскоши. Наряду с этим от них ожидали еще и «царских даров» правителям городов и городским божествам. Имеются в виду прежде всего подарки от владык Среднего царства. Такая «политика даров» имела успех. Она вызывала до-

Библ. Городская стена с контрфорсами (примерно 2500 г. до н. э.) у подножия крепости крестоносцев. Правее контрфорсов остатки самой древней стены города (около 2800 г. до н. э.), к которой примыкают фундаменты жилых построек примерно тех же времен

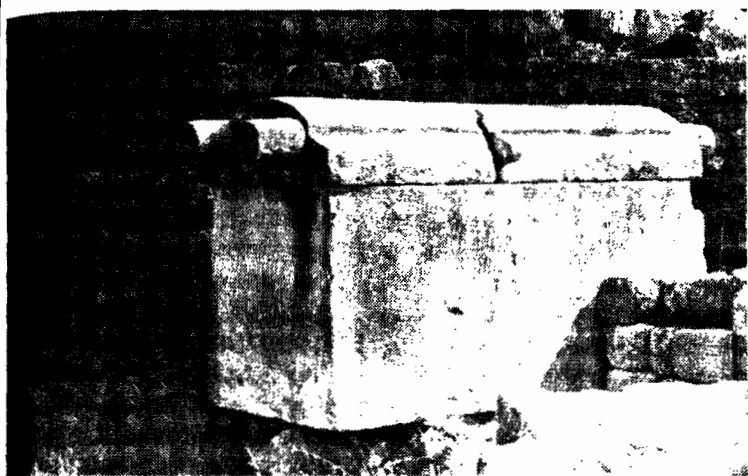

Библ. Храм Решепа; вмазанные глиняные сосуды, вероятно, использовались для жертвенных возлияний или окроплений

верие ко вновь усиливающемуся могуществу страны фараонов и делала очевидной выгоду тесных контактов с Египтом.

Кроме того, «царские дары» своеобразно представляли древнеегипетскую культуру, достигнув в этом отношении большого успеха. Об этом красноречиво свидетельствуют предметы периода XII династии из девяти могил библиских царей. Первая из них была вскрыта в 1922 г. и послужила толчком к раскопкам древнего Библа, продолжающихся до настоящего времени. Предметы заупокойного культа — преимущественно мелкие украшения из благородных металлов, бронзы и драгоценных камней — очень похожи здесь на те, что найдены в египетских могилах того же времени. Но только несколько вещей, среди которых был футляр для украшений, сделанный из обсидиана (вулканического стекла), с картушем Аменемхета IV (1798—1790 гг. до н. э.), можно считать подлинным даром фараонов. Все прочие предметы — всего лишь копии, выполненные мастерами Библа. В этом можно убедиться по неумело и даже с ошибками воспроизведенным египетским иероглифам, а также по более низкому художественному уровню самих изделий.

Копирование в Библе в период средней бронзы дорогостоящих египетских предметов роскоши говорит не только о высоком развитии местных ремесел. Это дает некоторое представление о стиле жизни двора правителя в приморском городе. По предметам заупокойного культа можно судить о вещах, составлявших церемониальный наряд царей. Это были преимущественно кольца, браслеты, серьги, обручи, украшавшие голову, и нагрудные подвески большей частью прямоугольной формы. Один клад из разграбленного, не поддающегося локализации погребения содержит среди прочего даже такие вещи, как золотые «галоши» для парадной лошади царя. А вот предметы обихода встречаются редко. Чаще всего это зеркала, кинжалы и светильники. Сосуды для мази свидетельствуют, что излюбленный обычай египтян умащаться ароматическими маслами, должно быть, проник и сюда. Однако местные представления о загробной жизни не подверглись египетскому влиянию. Нет никаких намеков на мумифицирование мертвых. Отсутствует также столь характерное для египетских могил наличие

Сохранившийся саркофаг царя из библского царского некрополя; первая половина II тысячелетия до н. э.

утвари, необходимой в повседневной жизни, которой снабжали покойника.

Саркофаги в царских могильниках Библа, изготовленные по египетским образцам, наглядно свидетельствуют о высоком мастерстве ливанских камнерезов, которое позднее получило признание и в других странах. Устройство гробниц также представляет собой значительное техническое достижение. В скале вырубали прямоугольные шахты глубиной до 11 м и на их дне устраивали погребальные камеры. Некоторые из них сообщались между собой. Завершив эту работу, шахту заполняли доверху песком и многотонный саркофаг из известняка или базальта ставили на этот песок. По мере того как песок выгребали, сам саркофаг постепенно опускался до уровня погребальной камеры. Напоследок оставалось опустить двухтонную крышку саркофага на канатах, прикрепленных за специально предусмотренные «ручки».

Свидетельством развития камнеобработки являются также городские стены, храмы и репрезентативные (представительные) здания тех лет. По сравнению с сооружениями более раннего Библа они ограждают с

пристройками относительно большую площадь. Жилые кварталы не могли быть в связи с этим уж очень обширными. Жильем горожанина, как и прежде, служил однокомнатный дом, хотя и более просторный, чем в предыдущие эпохи. Причем дома людей побогаче отличались более тщательной кладкой каменных стен из тесаных глыб. По всей вероятности, многолюдной общиной с сильным социальным расслоением глава Библа в те времена еще не управлял как деспот. Но прибыльные торговые операции по вывозу, видимо, шли в основном через его руки. Положение в торговле лесом, наглядно показанное в истории Ун-Амуна, было характерным и для эпохи Среднего царства: глава города являлся правителем и купцом одновременно. Какими политическими полномочиями царь Библа обладал, находясь под верховной властью XII династии, точно неизвестно. Во всяком случае, обнаруженный в надписях от более позднего времени Среднего царства его египетский титул (хати-а), переводимый обычно как «правитель», в табели о рангах схожих почетных титулов стоит довольно высоко. В этом титуле следует видеть не столько признак зависимости, сколько знак отличия. Возможно, это заставляло царя Библа соблюдать интересы Египта более надежно, чем присутствие здесь египетского военного гарнизона. Правитель Библа в ту эпоху был одновременно и сувереном, и знатным египетским сановником. Владыки города весьма дорожили своим египетским титулом и связанными с ним функциями. Это обнаруживается хотя бы в том, что они пытались копированием направляемых им даров фараонов увеличить их количество. Они пользовались египетским письмом и писали свои имена иероглифами. Местные царьки даже вставляли их в так называемый картуш — овал, окружавший иероглифы, содержащие родовое имя. В Египте картуш был отличительным признаком имени фараона.

Собственная письменность Библа, с которой археологи впервые столкнулись при раскопках в 1929 г., начала развиваться под влиянием египетской. Были найдены две бронзовые таблички и четыре лопаточки для умащений, каменная табличка и три обломка таких же табличек; они относились приблизительно к XX в. до н. э. и несли знаки «протобиблского» письма. Близость этих знаков к египетским иероглифам несомненна. Их количество дохо-

дило до 114 и свидетельствовало, что древнейшее библское письмо было переходным от слогового к буквенному. Во всяком случае, его возможности были ограничены²⁸.

Хотя египетские элементы и доминировали в культуре Библа, однако в первой четверти II тысячелетия до н. э. в ней появляются элементы и другого происхождения. В Сирии и Ливане в слоях, предшествовавших времени XII египетской династии, археологи обнаружили бронзовое оружие, которое по качеству и внешнему виду сильно отличалось от более древнего. Этот рывок в развитии, вероятно, можно объяснить влиянием нового пришлого элемента. Можно предположить, что это были переселенцы из Малой Азии, родины металлообработки. Но это предположение в какой-то мере уязвимо, так как новая технология и особенности стиля могли распространяться и благодаря торговле. Вообще культурное развитие городов в Ливане того периода состояло, скорее всего, в восприятии и преломлении тех разнообразных влияний, с которыми жители Ливана сталкивались на почве широких торговых связей. В царских гробницах Библа наряду с предметами египетского стиля эпохи Среднего царства найдены художественные изделия, образцом для которых послужили изделия эгейского и месопотамского происхождения. Это создало своеобразное смешение стилей, о чем свидетельствует роскошное оружие, найденное в храме бога Решепа в Библе.

Oриентация на Египет продолжалась и после XII династии. Еще Иакинэль из Библа обозначал себя на своей печати как «слуга Сехетэпибрэ», второго владыки с этим именем из XIII династии (1770 г. до н. э.). На одном из рельефов библский царь Иантин оказывает почести фараону Неферхотепу I (1740 г. до н. э.). Сын последнего Сихатхор был верховным правителем библского царя по имени Хазрурум. А среди руин Тель-Хизина (Хази?) в Бекаа обнаружен даже обломок стелы фараона Себекхотепа IV, преемника Сихатхора.

Но все большее значение для Библа и прочих торговых городов Ливана приобретали связи с другими государствами. Кое-что об этом известно из архива царей Мари. Губла, так обычно назывался Библ в аккадских текстах, упоминается довольно часто²⁹. Гонцы держат путь от одного владыки торгового города к другому и

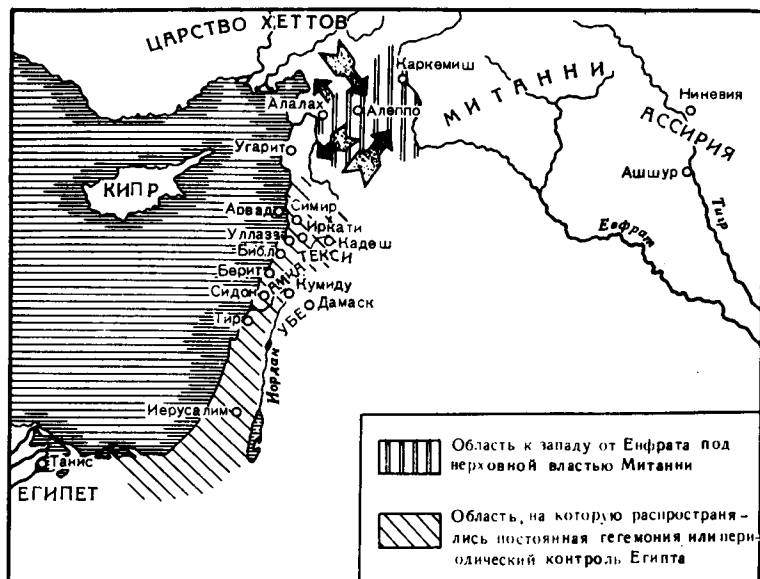
обратно. В текстах Мари Библ встречается впервые как поставщик одежды и тканей. В одном инвентарном списке числится золотая чаша, которую царь Библа Иантинхамму подарил своему коллеге Зимрилиму, царю Мари (1782—1759). Вероятно, этот Иантинхамму и Иантин, который признал верховную власть Неферхотепа I,—одно и то же лицо.

О конце эпохи средней бронзы в Сирии и Ливане у нас нет ясного представления. Приблизительно с 1750 г. до н. э. в Сирию и Месопотамию с севера постепенно проникают новые пришельцы, несемитские племена хурритов, связанные происхождением с индоарийской (индоевропейской) группой. Египет, переживавший упадок, попал примерно с 1675 г. до н. э. под господство племен преимущественно западносемитского происхождения, так называемых гиксосов, вторгшихся из Сирии и Палестины. О тех переменах, которые произошли в смутное время после 1700 г. до н. э., можно составить лишь приблизительное представление по археологическим находкам. В отличие от создавшегося положения в других местах, особенно в Палестине, в Библе отсутствуют какие-либо определенные признаки, свидетельствующие о разрушениях. Однако о неблагоприятных изменениях политической ситуации говорят те значительные работы, которые проводились в целях укрепления городских стен. На неспокойные времена указывают также многочисленные вклады ценных вещей, которые были помещены на хранение в храмы Библа, вероятно, к концу XVIII в. до н. э. Археологам удалось найти около 40 таких вкладов, содержащихся в сосудах для хранения припасов. Там было сокрыто свыше 1 тыс. металлических фигурок, различных драгоценностей, дорогого оружия, мелких предметов культа и т. п. Некоторые специалисты считают, что ценные вещи были вкладыми по случаю основания храма или как жертвоприношения. Многие говорят о том, что сокровища были спрятаны перед лицом грозящего нашествия. Но они могли быть и пожертвованиями. Поскольку вклады не были потом изъяты владельцами, опасения тех, кто их сделал, видимо, оправдались. В надписях имеется также указание на то, что Библ уже вскоре после 1700 г. до н. э. подпал под верховную власть нового господина. Абишему II библский был верховным повелителем некоего Куккуна, явно ликийско-

го происхождения. А несколько позднее в Библие правил царь, видимо, тоже с ликийским именем — Куирьян.

История Ливана становится нам доступной опять только со второй половины XVI в. до н. э., когда он снова попал в сферу политического влияния Египта. Однако бывшая в ходу «политика даров» не повторилась. Ей на смену пришло подчинение с помощью меча и боевой колесницы. Последние фараоны XVII и первые XVIII династии не довольствовались изгнанием гиксосов из долины Нила, а попытались захватить еще Палестину и Южную Сирию, чтобы исключить повторение захвата Египта западными семитами. Но азиатская политика царей Нового царства определялась и другими целями — стремлением к мировому господству и эксплуатации покоренных территорий. Уже в результате первого похода Тутмоса I в 1520 г. до н. э. египетское войско проникло в глубь Северной Сирии до восточного берега Евфрата под Каркемишем. Конечно, в планы фараонов входило покорение Месопотамии, но даже Тутмос III, действовавший в Передней Азии активнее других владык Нового царства, существенно не продвинулся за пределы, уже достигнутые войском Тутмоса I. Военная сила Египта была способна быстро преодолеть сопротивление сирийско-палестинских городов-государств. Но в Северной Сирии войска фараонов встретили в лице молодого хурритского государства Митанни сильного соперника, который в XIV в. до н. э. также стремился присоединить Сирию и вытеснить оттуда великую Хеттскую державу. Несмотря на все возобновляемые попытки, приводившие порой к успеху, Египет в Северной Сирии не смог достигнуть прочного господства. Постоянная и только в исключительных случаях нарушаемая врагами северная граница территории, на которую распространялась власть Египта, проходила через впадину Хомса на восток, причем часто и горячо оспариваемый Кадеш большей частью оставался вне ее пределов³⁰. Города-государства Ливана находились, таким образом, в тыловых районах, и непосредственно военные действия великих держав-соперниц в основном их не затрагивали.

Различные сведения по истории Ливана того времени можно почерпнуть из надписей фараонов и их сановников, а также из найденной в 1887 г. в Эль-Амарне

Передняя Азия; около 1500 г. до н. э.

(Верхний Египет) части служебной переписки сирийских и палестинских правителей с египетскими властями конца правления Аменхотепа III и времен царствования Аменхотепа IV— примерно с 1375 по 1347 г. до н. э. Египетские тексты знакомят нас с более чем 40 городами на ливанском побережье и в долине Бекаа, большая часть которых была политически независима. Хотя отождествление этих городов еще не во всех случаях дает удовлетворительные результаты, тем не менее ясно, что обе местности имели довольно густое оседлое население. А к нему добавлялось и все растущее неоседлое население вроде шосу-бедуинов и хабиру³¹.

Очень немногое знаем мы о социальной структуре этих городов. Городские правители являлись представителями городской аристократии. Возможно, к тем же слоям принадлежала и высшая военная знать — воины на колесницах, которых называли митаннийским термином «марьянну». Торговые посты занимали зажиточные горожане — купцы и ремесленники, оказывавшие изве-

стное влияние на судьбу общины. Среди документов из Эль-Амарны имеется письмо фараону от старейшин г. Иркати (ныне Телль Арка) и два других письма, написанных явно представителями горожан Библа. Материальное положение низших слоев, принимая во внимание большие поборы, было, скорее всего, весьма скромным. Упоминания подневольных работников встречаются довольно часто. Вероятно, среди людей, которые ничего не имели, кроме своих рабочих рук (так называемые хушшу), была распространена тяга к уходу в кочевники. Это объясняет также и большое число кочевников в египетских списках военнопленных.

Египетское управление представляло собой сочетание разумного использования уже сложившейся структуры и бюрократической волокиты. Прежде всего весьма ловкой мерой было восстановление после успешного покорения города его царя в той же должности, но уже как зависимого правителя, а также сохранение системы мелких государств вообще. Исторически сложившаяся экономическая структура захваченной территории, дееспособная в хозяйственном отношении, сохранялась. Поддерживалось и соперничество между городами-государствами. Зависимые правители сами заботились о том, чтобы никто из них не сделался слишком сильным.

Фараоны, чтобы обеспечить верность правителей, приказывали увозить их детей к египетскому двору в качестве заложников. К практике заложников прибегал еще Тутмос III после своего первого похода в Азию. Его сын и преемник Аменхотеп II (1432—1412) среди трофеев называет 232 сына и 323 дочери представителей сирийской верхушки³². В «Большом папирусе Гаррис»³³ времени Рамсеса III сообщается о 10 тыс. юношей из чужих стран, находящихся под господством Египта, которые должны были посылать свою молодежь ко двору фараонов. Пожалуй, лишь немногие из них возвращались потом на родину в качестве правителей. Тем не менее жители Тунипа в одном из амарнских писем просят вернуть им в качестве правителя города сына их бывшего господина.

В таких условиях обеспечить египетские интересы могли и немногочисленные гарнизоны. Как правило, это были отряды численностью от 10 до 50 человек, которые к тому же можно было встретить не в каждом городе, а

только там, где не было уверенности в преданности правителя. Но иногда такие гарнизоны служили защитой верным Египту правителям городов от их собственных подданных. Мятежи истощенного поборами населения приводили часто к изгнанию или к убийству царей. Важнейшими египетскими чиновниками, под непосредственной властью которых находились местные правители городов, были «областена начальники», носившие в амарнских письмах аккадский титул «рабицу». Резиденциями этих «начальников» были на юге Газа, а на севере Кумиду и Сумур — места стратегического значения. Из Кумиду можно было держать под надежным контролем южную часть Бекаа. А кроме того, город этот лежал у места, где древний торговый путь из Дамаска входил в Бекаа. Равнина Элевтероса³⁴ и прибрежные города Ливана были в компетенции «начальника» области Сумура, расположенного севернее устья р. Эль-Кебир. В этом районе находились гавани для высадки войск и их снабжения.

«Начальники» управляли также территориями, которые не входили в ведение правителей городов. Речь идет прежде всего о еще не заселенных или уже покинутых людьми землях, о таких важных источниках сырья, как главные лесные районы, а также о владениях египетских храмов, которые еще в XII в. до н. э. называли своими девять городов в Сирии и Палестине.

Кроме того, под управлением египетских военных властей находились различные опорные пункты и крепости, в основном на морском берегу. К ним принадлежала Уллаза, гавань в нескольких километрах севернее Тараблуса, через которую, вероятно, вывозили также кедровую дань. Такие опорные пункты в XIII в. до н. э., когда была пробита прибрежная тропа для переброски войск фараонов, приобрели еще большее значение. В них стояли сильные военные гарнизоны. В особых случаях можно было затребовать также войска из Дельты. В остальных случаях все необходимые карательные мероприятия фараон проводил, как правило, попутно во время своих походов через Палестину и Ливан в связи с боевыми операциями в Сирии.

Должность «областена начальника» предъявляла к занимавшему ее высокие требования. «Рабицу» должен был хорошо разбираться в разнообразных военных и

экономических вопросах и держать в повиновении своих многочисленных подчиненных — правителей городов. Дополнительные административные сложности рождала двойственность управления. Как свидетельствуют амарнские письма, наряду с обращением «по служебной инстанции» через «областена начальника» местный правитель мог свободно обращаться и непосредственно ко двору. Само собой разумеется, и египетские власти имели прямую связь с правителями городов. Последние обычно не упускали случая для подкрепления своей просьбы послать с гонцом рабынь и другие «подарки для царя».

Можно себе представить, что подобные «почтовые сношения» со двором фараона были небезопасны, так как большей частью дело касалось обвинений против других правителей и высших египетских чиновников. Те, на кого жаловались, естественно, старались, чтобы жалобы на них не достигали двора или в крайнем случае где-нибудь там «терялись». Рибадди из Библа сетовал, например, на следующее: «Моего человека к моему господину я послал, но двух лошадей его отняли. У другого человека был похищен его человек (видимо, сопровождавший писец?), и табличка царя в руки моему человеку отдана не была»³⁵.

Не менее опасной была и служба гонцов при обмене письмами между местными правителями. В этих случаях уже египетская администрация проявляла интерес к содержанию подобных писем. Показательно, что часть найденных в Эль-Амарне текстов представляет собой переписку правителей городов между собой, которая могла попасть в «канцелярию» фараона только в результате перехвата ее в пути.

В период Нового царства приморские города Ливана находились в заметно более благоприятных условиях, чем города-государства в глубине страны. Давняя привязанность к Египту делала хозяев гаваней более достойными доверия в глазах египетских властей, чем их «коллег» в городах, удаленных от моря. Определенную роль в этом играл тот факт, что приморские города в азиатских владениях Египта были не только местами снабжения египетских войск и пунктами, через которые доставляли дань, но и, как в былые времена, торговыми центрами, в процветании которых страна на Ниле была заинтересована. Библ — этот древний центр египетской

торговли — находился на особом положении. Область, подчиненная библскому правителю, охватывала северный прибрежный район до территории, лежащей близ позднее возникшего Триполи. К ее гаваням помимо самого Библа и Батруна относились еще Шигата и Амбия. Название «Шигата», вероятно, сохранилось до сих пор в имени деревни Шекка, хотя существование здесь древнего городища не доказано. Амбия отождествляется с современным Энфе, который благодаря своему выгодному положению на узком полуострове был важной крепостью в период крестовых походов. Маловероятно, что пробитая здесь в скале гигантская траншея, отделившая мыс от материка, или небольшой слип³⁶, которым еще и сегодня пользуются рыбаки, восходят к древневосточным временам. В ту пору Амбия, скорее всего, была гаванью меньшего размера.

В отличие от приморских города-государства долины Бекаа чаще подвергались нападениям, связанным с военными операциями фараонов, поскольку были расположены непосредственно на пути следования войска. Это особенно касалось местности на севере Бекаа, служащей воротами для вылазок на равнину Хомса. Египетские тексты называют эту область между Баальбеком и Кадешем «страной Техси (Техес)». Именно здесь чаще всего дело доходило до отчаянных восстаний против египетского господства, до массового бегства населения в ближайшие ущелья и дебри Ливана и Антиливана. Это говорит о тяжком бремени, которое приходилось нести жителям Техси в результате хотя и преходящего, но часто повторяющегося присутствия египетских войск. Представить, как проходили операции фараонов в этом важном тыловом районе, дает надпись о сирийском походе в 7-м году царствования Аменхотепа II, сохранившаяся в мемфисской и карнакской редакциях³⁷.

Рассказ начинается с описания похода в Северную Сирию, в результате которого египетское войско достигло Угарита. На обратном пути некоторые правители городов дали клятвы на верность фараону, последним из них был правитель Кадеша. Вступив в Бекаа, на свою исходную базу, и закончив поход, войско несколько дней отдыхало. Аменхотеп II упражнялся в метании диска и посвящал досуг охоте в лесу возле Рабиу, который, пожалуй, тождествен уже упоминавшейся лесной области

поблизости от нынешнего Хермея. Были добыты газели, красные олени (антилопы?), зайцы и онагры. Охота сочеталась с «умиротворением» непокорного правителя г. Хаашабу, который находился где-то южнее хермельского леса. По карнакской версии, правитель со своим сыном был захвачен в плен и из города, который, очевидно, с поспешностью сдался, победители увезли богатые трофеи.

Мемфисская версия, склонная к высокопарным преувеличениям, изображает это событие как единоличное предприятие фараона: «Был он один, никого не было с ним. Спустя короткое время прибыл он оттуда, привел он 16 живых колесничих (марьянну), которые шли позади его боевой колесницы, 20 отрубленных кистей рук (убитых врагов) на челках своих коней, 60 быков — вот то, что перед собой гнал он».

Уже в своем первом походе в Азию Аменхотеп II наводил жестокие порядки в этой области и «семь глав-рей, находившихся в стране Техси», убил собственной палицей. Трупы были «развешаны головой вперед на носу корабля Его Величества», переправлены в Египет и там выставлены для публичного обозрения. Возможно, в те времена и был создан рельеф, изображающий перевозку захваченного живьем сирийского мятежника, запертого в клетке на корме судна.

Подобные строгие меры осуществлялись и позднее и привели к тому, что область Техси (Техес), да и вообще вся Бскаа в период Нового царства оставалась в руках египтян. Правда, хеттский царь Мурсилис II (1331—1306) сообщает в своей молитве от чумы: «Мой отец (Шуппилиума I) направил пешее войско и отряды боевых колесниц. Они напали на пограничную область страны Египет, на землю Амка (=Бекаа). И он послал их опять, и они напали снова».

Однако в этих своих делах, которые падают приблизительно на 1337—1335 гг. до н. э., сами хетты видели нарушение установленной по договору с Египтом границы и считали их причиной чумы, постигшей Анатолию. Эти действия не привели к перераспределению владений, хотя и вызвали опустошение Техси, тем более что уже за добрый десяток лет до этого вспыхнули споры между правителями городов данной области, открыто разжигаемые хеттами. Биери из Хаашабу, например, жаловался

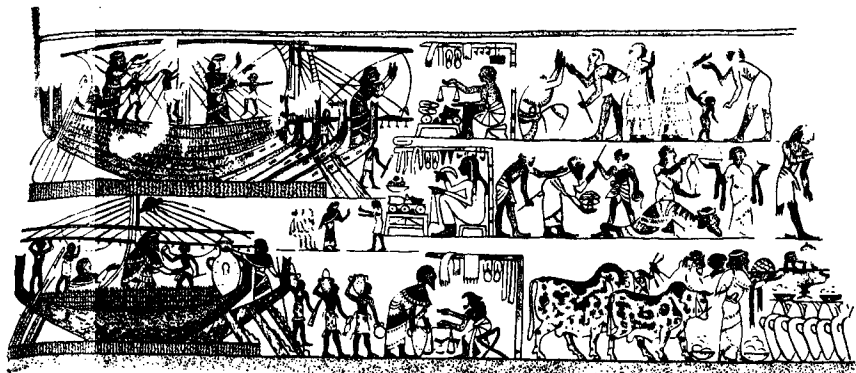
на Аитакаму кадешского, что тот якобы переметнулся к хеттам и предал огню города фараона. А сам Аитакама обвинял Бирявазу, правителя Убе, который будто бы отнял у истца его землю и опустошил города ³⁸.

Города ливанского побережья при первых фараонах XIX династии в связи с утратой северной части равнины Элевтероса и прокладкой прибрежной тропы — надежного пути для наступления войск — попали в ситуацию, аналогичную положению Бекаа. Повеление Рамсеса II изобразить на скале у Эль-Кельб себя вместе с закованными в кандалы пленными указывает на антиегипетское сопротивление местных жителей. Скорее всего, оно было особенно сильным в окрестностях перевальных путей, до сих пор мало подверженных египетскому контролю, значение которых теперь резко возросло. Конечно, донесения о походе позволяют лишь смутно догадываться об этих затруднениях.

О реальном положении дел некоторое представление дает папирус Анастаси I ³⁹. Это литературное полемическое сочинение описывает, между прочим не без некоторых преувеличений, путешествие одного махира (гонца-сорохода) из Северной Сирии в Египет.

Путь, который живо описывает автор, судя по всему, пересекал Ливан приблизительно на широте Библа. Кипарисы, дубы и кедры, «достигавшие неба», так густо покрывали здесь горы, что «небо сумрачно даже днем». Львы и другие хищные звери водились во множестве. Со всех сторон путника окружали бедуины. Повозку махира на крутых подъемах тропы приходилось подтягивать на канатах и переносить через гигантские горные потоки. В то время как утомленный гонец «с разбитостью во всем теле» проводил ночь в глубокой дремоте, его обокрали. Когда возница это заметил, он забрал все, что оставили воры, и примкнул к кочевникам. Махир должен в одиночку тащиться своей дорогой. Особенно опасным выглядит в этом произведении переход по так называемому «тирскому проходу» через мыс Накура. Нечто подобное характерно и для перевала Хермея, где кочевники «запрятались в кустах... их сердца недружелюбны, и лезть на них не действует».

С предостережениями этого рассказа совпадают предостережения из египетских поучений относительно профессии воина. В сирийских горах воин должен «на

Сцены в египетской гавани. Настенная роспись из усыпальницы Кенамуна в Фивах

плечах тащить свой хлеб и воду, подобно грузу осла». «Враг лежит, спрятавшись в кустарнике, и противник стоит готовый к бою. Воин шагает и взывает к своему богу: „Приди ко мне и спаси меня!“».

Само собой разумеется, что в период 350-летнего египетского господства в Ливане не было постоянного состояния войны или положения, близкого к этому. Выпадали и длительные промежутки мирной жизни. Хозяйственное бремя, связанное с сирийскими походами фараонов, в отдельных случаях было, безусловно, велико; но нужно сказать, что таких походов известно не более 60. Они могли проводиться лишь в то время, когда хозяйство, и в особенности сельское, в азиатских областях находилось в хорошем состоянии и могло обеспечить войско фараона во время похода.

Вообще размеры дани должны были держаться в рамках реальных возможностей, иначе египтяне рисковали потерять ее совсем. Несомненно, наряду с данью существовал и нормальный торговый обмен, не считая оплачиваемых услуг и мелкой торговли между находившимися в азиатских областях египтянами и местными жителями.

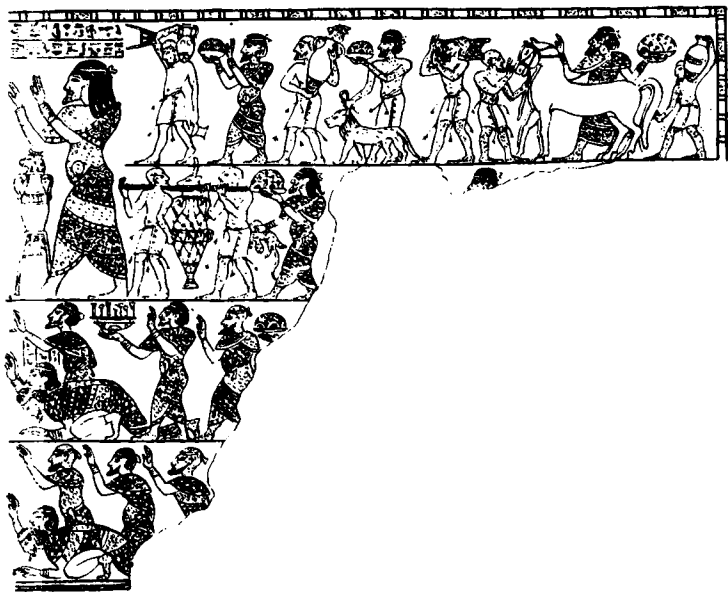
Наглядное представление о торговых связях с сирийскими приморскими городами дают фрески из гробницы Кенамуна в Фивах времени XVIII династии. На них си-

Дань из переднеазиатских провинций.
Настенная роспись из усыпальницы Собекхотепа
(около 1410 до н. э.) в Фивах

рийские суда пришвартованы и разгружаются. Прямо на пристани возвышаются маленькие постройки. Разложенные рядом товары и весы говорят о том, что торговцы, по-видимому, торгуют «со свободного причала». Чуть поодаль у пирса идет приемка главного груза от служителя Кенамуна. Смиренные позы купцов соответствуют древнеегипетскому пониманию всякой внешней торговли как формы дани. Конечно, могло случиться, что груз порой состоял как из предметов дани, так и из купленных товаров.

Подобные сцены дают интересные сведения о составе товаров, которые доставлялись по морю в Египет из гаваней Ливана и со всего сирийского побережья. На фреске из гробницы Кенамуна обращают на себя внимание быки с большими горбами, которых, по всей вероятности, завозили в Египет для племенного разведения. Рамсес III, например, упоминает, что он повелел доста-

Поступление дани Тутанхамону от правителей
из переднеазиатских провинций. Деталь настенной росписи
из усыпальницы в Фивах

вить храму Амуна в Фивах 19 голов крупного рогатого скота различных сирийских пород. Гигантский глиняный сосуд на борту одного судна, видимо, следует считать вишной тарой, как и подобные сосуды, уже сгруженные на берег. В кувшинах с ручками, которые тащат рабы следом за торговцем, можно предположить оливковое масло. В более мелких сосудах, вероятно, содержали мед, а также кедровый бальзам или косметику.

На фресках, изображающих принесение дани и военную добычу, преобладают драгоценности. Характерны сосуды из благородных металлов и искусно выполненные вазы. Большим спросом пользовались парадные колесницы из Северной Сирии, обитые золотыми и серебряными пластинками, а также сирийские лошади благородных кровей. Если встречаются медные листы, по форме напоминающие звериные шкуры, то, видимо, речь идет о

Фигурка из слоновой кости из Камид эль-Лоз. Высота 7 см

ввозных товарах с Кипра, которые хранились на складах приморских городов. Часто среди дани встречаются живые дикие быки, хищные звери и антилопы. Хватало и рабов с рабынями.

В целом налицо широкий выбор привозных товаров со значительной долей предметов посреднической торговли. Изображения изделий из благородных металлов позволяют судить о высоком уровне развития культуры. Судя по изображениям, жители азиатских провинций одеты, как правило, с большим вкусом. Это вполне соответствовало тому факту, что ткани из Библа, Сидона и

Тира пользовались большим спросом даже в придворных кругах Египта.

Фараоны Нового царства постепенно утратили все свои владения в Азии. Первый удар нанесли проникшие с севера так называемые «народы моря», опустошившие на своем пути Малую Азию и Сирию⁴⁰. Хотя Рамсесу III и удалось в 1175 г. до н. э. отбросить пришельцев, все же отдельные группы «народов моря» осели, в том числе и в Ливане. Но протекало это — по крайней мере на прибрежной равнине — под египетским контролем и без серьезных помех для древней городской культуры.

Филистимляне же на палестинской части побережья, вероятно, были поселены даже самими египтянами в качестве военных колонистов. Известие, переданное римским историком Юнианом Юстином⁴¹, согласно которому «царь аскалонцев» завоевал Сидон, содержит, пожалуй, только неясное воспоминание о событии, происшедшем в более поздние времена. Заметные следы спада египетского влияния отмечаются при преемниках Рамсеса III. Но, кажется, только в начале XI в. до н. э. египетский контроль полностью потерял свою силу.

Финикийская работа по слоновой кости из Мегиддо (около XIII в. до н.э.).
Мебельная обивка с изображением сфинкса

Тесные политические связи городов-государств Ливана с Египтом в период Нового царства далеко не во всем определяли степень культурного влияния страны Нила. Египетскому языку и письменности не удалось получить права гражданства в азиатских владениях. Даже в официальной переписке египетского двора с ханаанскими правителями пользовались аккадской клинописью и объяснялись на аккадском языке⁴². И влияние культа Египта эпохи Нового царства, безусловно, не следует переоценивать. Правда, нам кое-что известно об основании фараонами храмов египетских богов в азиатских владениях. Но в большинстве случаев речь, вероятно, шла о местных культах, божества которых отождествлялись с египетскими богами. И это не в последнюю очередь делалось для обеспечения культовых потребностей египетских гарнизонов. Влияние, сказавшееся в постройках святилищ и храмов, чаще всего относится к более раннему времени. И в художественных ремеслах египетское влияние было уже не столь ощутимо, как в эпоху Среднего царства. Зато возросло влияние стран эгейского бассейна, которое в значительной степени проявилось не только в привозной, но и в местной керамике, имитирующей кипрскую и микенскую. Продукция местных художественных ремесел представляет собой смешение стилей. Примером тому могут служить прекрасные детали мебельной обивки из слоновой кости, обнаруженные в палестинском городе Мегиддо, происхождение кото-

рых, безусловно, относится к городам-государствам ливанско-сирийского побережья. Эти произведения прикладного искусства сочетают в себе египетские, эгейские и северосирийские элементы. Подобное смешение стилей представляют собой и детали обивки при- близительно того же времени из древнего Угарита⁴³. Маленькая фигурка из слоновой кости, найденная в 1964 г. в Камид эль-Лоз (древний Кумиду), — отпечаток преимущественно египетской традиции. Однако в изображении лица и одежды проявилась и особенность местного стиля. Элементы египетского и северосирийского искусства соединились в рельефе на саркофаге царя Ахирама библского, который покоится на четырех львиных фигурах в хеттском стиле⁴⁴. Правда, этот шедевр, созданный, вероятно, вскоре после 1100 г. до н. э., ведет нас уже в «золотой век» городов Ливана.

Финикийцы и их города

Я уроженца меднобогатого града Сидона; Там
мой отец Арибант знаменит был великим богатством...

Гомер. Одиссея. XV, 425—426

Период от конца египетского господства до первых успешных попыток Ассирии взять под свой контроль Сирию и Ливан называют «золотым веком» Финикии. Эта более чем 200-летняя эпоха независимости от чужеземных владык создала предпосылки для самостоятельного развития во всех областях культуры. Прежде всего на южносирийской и палестинской территориях впервые образовались крупные независимые объединения, которые по сравнению со старыми городами-государствами обладали большими возможностями экономического и социального развития. Самым значительным из возникших здесь государств было Израильско-Иудейское царство Давида-Соломона, граница которого иногда достигала северного выхода из Бекаа. Правда, это крупное палестинское государство просуществовало совсем недолго.

Однако система городов-государств на ливанском побережье сохранилась в своих основных чертах. Это объяснялось не только географическим своеобразием прибрежной полосы, но и особым характером экономических отношений. Города, имевшие гавани, вообще были склонны расширять свою прибыльную торговлю, а не стремиться к присоединению больших территорий на материке. Их экономические потребности легче и полнее удовлетворял ввоз и вывоз товаров через море, чем самостоятельное освоение земель в глубине страны. Именно поэтому финикийская колонизация была в первую очередь торгово-экономической экспансией. Финикия не стремилась к территориальному завоеванию и пе-

реселению части населения на захваченные земли. Тем не менее и то и другое играло известную роль, но как следствие торгово-экономической экспансии.

Эпоха независимости — это и время, когда культура городов-государств в Ливане подвергалась стойкому воздействию новых сил. Осевшие здесь группы «народов моря», возможно, были невелики, но их культурное влияние оказалось значительным. Пришедшие из Малой Азии принесли с собой железо и искусство его обработки. Переселенцы из эгейского мира, которые с моря грабили побережье Сирии и Палестины и большей частью оседали в приморских городах, способствовали дальнейшему развитию мореплавания. Они заложили основу будущей славы финикийцев как смелых мореплавателей и открывателей новых земель.

К переселенцам с Крита восходит финикийское буквенное письмо, знаки которого очень близки к знакам крито-минойской письменности⁴⁵. Его древнейшими образцами, относящимися к XI в. до н. э., являются монограммы на наконечниках стрел, найденных близ Набатьет эль-Фока (севернее нижнего течения Эль-Литани) в Бекаа и неподалеку от палестинского Вифлеема. В общем и целом пришлые элементы, видимо, сравнительно быстро восприняли местную ханаанскую культуру. Но все же в искусстве и религии сохранились разнообразные следы их влияния. Показательно, что библейская «генеалогия» не причисляет Ханаана, чьим первенцем был Сидон, к потомкам Сима (Бытие. X, 15)⁴⁶. Тем не менее семитский элемент в этническом и языковом отношении оставался доминирующим.

Начало эпохи независимости знаменовало собой весьма существенный этап в истории и культуре прибрежной части сирийско-палестинского региона. Временем рождения того, что мы обычно называем финикийской цивилизацией и культурой, был как раз этот период, а местом рождения — города-государства ливанского побережья. Только с этого времени жителей береговой полосы, между Эль-Кебир и мысом Накура, следует называть «финикийцами», а их культуру — отличать от более древней — ханаанской, которая охватывала значительно большую территорию. Название «финикийцы», правда, представляет проблему, поскольку «финикийцы» сами себя «финикийцами» никогда не называли.

В зависимости от исторических условий они брали названия своих родных городов — сидонец, тириец и т. д. Что касается их этнической принадлежности, то они и в более позднее время все еще называли себя ханаанеянами.

Отец церкви Августин, происходивший из североафриканской колонии финикийцев⁴⁷, писал в начале V в. н. э.: «Жители страны на вопрос о происхождении отвечали на пуническом языке: мы ханаанеяне». Итак, «финикиец» — название чужеземное. Оно встречается уже в крито-микенском греческом языке и родственно среднеегипетскому фенху (fnh-w), а в греческом мире, во всяком случае со времен Гомера, оно получило прочные права гражданства. По своему значению оно связано с греческим словом «rhoînîx» — «темно-красный». Поэтому обычно вспоминается пользовавшийся большим спросом в древности финикийский пурпур. Но столь же вероятно, что своим происхождением название «финикиец» обязано темно-красному цвету «terra rossa» («красной земли»)⁴⁸.

Независимость финикийских городов не была завоевана в освободительной борьбе. Власть фараонов сходилась все более на нет, и все меньше удавалось поддерживать ее эффективность. Тесные связи с Египтом сохранялись, но характер их стал иным. Времена данничества прошли. Внешней торговлей теперь занимались преимущественно финикийские купцы — владельцы судов, которые имели в Нижнем Египте свои «конторы». Новые взаимоотношения между Египтом и финикийскими городами наглядно изображены в уже упоминавшемся рассказе о путешествии Ун-Амуна, которое относится к первым десятилетиям периода независимости. Из поведения правителя Библа Чекер-Баала (Закар-Баала), несомненно, можно сделать вывод, что связи с храмом Амуна представляли собой чисто торговые сделки. Обращает на себя внимание значительный объем товарообмена. Закар-Баал упоминает 20 обслуживающих египтян судов, бросивших якорь в гавани его города, и 50 других, причаливших в Сидоне, зафрахтованных финикийским торговым обществом, находившимся в Танисе⁴⁹. Примечательно, что у правителя Библа служили и египтяне. Так, его высокопоставленный придворный, который вел дела с Ун-Амуном, был египтянином. Чтобы повесе-

лить Ун-Амуна, Закар-Баал посылал ему одну из своих египетских певиц.

В этом «отчете» о путешествии Ун-Амуна интересно описание «народов моря». С момента их поселения в Ливане прошли всего лишь десятилетия, когда Ун-Амун познакомился с представителями племени чекеров, которые осели в приморском городе Доре на палестинском побережье и стали здесь господствующей прослойкой. Их предводитель, правитель города, принял египтянина доброжелательно. В подарок гостю были посланы на борт его судна хлеб, вино и «нога быка». Если потом их взаимоотношения все же испортились, то виноват в этом был сам Ун-Амун. Судя по всему, чекеры из Дора были в состоянии защищать свои интересы и за пределами собственного города-государства. На 11 судах появились они у Библа и потребовали выдачи Ун-Амуна. Библский правитель нашел выход из создавшегося положения: «Я не смогу пленить посланца Амуна в моей стране. Дайте мне отправить его, а потом преследуйте его, чтобы задержать его». Это мудрое решение было справедливо по отношению к обеим сторонам, а Закар-Баал, заботясь о своих торговых связях, избежал осложнений как с Египтом, так и с чекерами. В общем рассказ Ун-Амуна создает впечатление, что торговля в Восточном Средиземноморье к началу XI в. до н. э. была оживленной. Но из него видно также, как легко могли возникать серьезные разногласия между малыми государствами. Подобной ситуации вполне соответствует и упомянутое выше сообщение о покорении Сидона царем аскалонцев.

Примерно в то же время ведут нас и некоторые сведения из Ветхого завета. Из песни Деворы мы можем, между прочим, составить представление о положении осевших в пограничных областях Финикии племен дан и асир⁵⁰. О племени дан сообщается, что этим чужеземцам с кораблями бояться нечего, а «асир сидит на берегу моря и у пристаней своих живет спокойно» (Судей. V, 17).

Положение племени асир уточняют другие библейские сведения (Судей. I, 31, 32), согласно которым оно не смогло вытеснить жителей Акко и Сидона и поселилось среди ханаанеян. Странно выглядит упоминание Сидона в этом контексте. Сам город и его окрестности

едва ли могут здесь подразумеваться, поскольку между ним и областью расселения племени асир находились другие финикийские города-государства, в частности такой значительный, как Тир. Возможно, здесь содержится намек на ту историческую ситуацию, когда Сидон достиг превосходства над южными финикийскими городами. С этим согласуется и тот факт, что название «сидонец» в Ветхом завете и у Гомера употреблялось применительно ко всем финикийцам. Во всяком случае, из ветхозаветных сведений о племенах дан и асир видно, что финикийские города-государства не только умели охранять свою собственную территорию, но и обладали значительным экономическим влиянием в районах, удаленных от моря. Даны давали рабочую силу для их портов, а асиры, достигшие больших успехов в освоении земель, поставляли яства к царскому столу (Бытие. XLIX, 20). Вообще с ростом численности населения финикийских городов все большее значение приобретает вывоз продовольствия из глубинных районов.

Также ко времени вскоре после начала XI в. относится и третье сообщение — краткий доклад ассирийского царя Тиглатпаласара I о его походе в Сирию и Финикию. Уже этим предприятием великая держава во всеуслышание объявляет о своих притязаниях, которые спустя два столетия положили конец независимости Финикии. Тиглатпаласар I во время этого похода приказывал не только вырубать и вывозить кедры, но и собирать дань с приморских городов. Среди них кроме Арвада определенно названы Библ и Сидон.

К концу XI в. до н. э. Тир добился значительных успехов среди финикийских городов, и, вероятно, Сидон попал в зависимость от него. Ветхозаветное предание говорит о Тире времен Давида и Соломона, который распоряжался богатыми кедровыми лесами за Сидоном, как о равноправном партнере Израильского государства: Тир был единственным соседом, с которым у Израиля не доходило дело до военных столкновений. Вероятно, Тир в союзнических отношениях с Израилем был более сильной стороной. Это видно хотя бы по торговым соглашениям с Хирамом, которые отнюдь не были так уж выгодны Соломону, и прежде всего по передаче Хираму Галилеи, важной для Тира холмистой области позади ливанской прибрежной равнины. На этот счет в III Кни-

ге царств имеются сведения, которые позднее были снабжены различными добавлениями. Первоначально событие освещалось так: «Царь Соломон дал Хираму двадцать городов в земле Галилейской... И послал Хирам царю сто двадцать талантов золота» (III Книга царств. IX, 11, 14). Разумеется, позднее продажа Соломоном целой области вызвала возмущение, так как вместе с землей было продано и население. Поэтому авторы книги Паралипоменон вернулись к этому происшествию и, совершив насилие над текстом, попросту заставили Хирама отдать некоторые города Соломону обратно (II Паралипоменон. VIII, 2).

Утрата могущества и экономические трудности царства Давида в период правления Соломона объясняются конкретными причинами. Имели место столкновения с соседними государствами, которые в свое время признали верховенство Давида. К этому добавились еще и конфликты с северными израильскими племенами, стремившимися к самостоятельности. Но самое главное, что во время правления фараонов XXI династии Египет окреп и снова смог заняться своими бывшими азиатскими владениями. Ветхий завет упоминает о походе не названного по имени египетского царя, который привел свое войско под самый Иерусалим и покорил населенный ханаанеями г. Гезер (III Книга царств. IX, 16). И только благодаря браку с египетской царевной Соломон получил право на владение этим важным для него городом, который был дарован ему в качестве приданого невесты. Сложилась ли отношения с Египтом в результате этой родственной связи более благоприятно? Весьма сомнительно. Чаше египетский двор, как мы знаем, оказывал содействие как раз противникам династии Давида (III Книга царств. XI, 14—22, 40; XII, 2). В своей внешней политике Египет не только был заинтересован в распаде царства Давида, но и способствовал этому. Через пять лет после смерти Соломона это привело в 922—921 гг. до н. э. к новому походу в Азию при фараоне Шешонке I. Наследнику Соломона Ровоаму тогда пришлось поплатиться такой значительной данью, потери от которой он уже никогда не смог восполнить (III Книга царств. XIV, 25 и далее).

Вполне понятно, что в такой ситуации Соломон искал дружбы у правителя Тира, заключал с ним не очень

выгодные для себя сделки и даже соглашался на территориальные уступки «за наличные», что, конечно, способствовало развитию Тира. Поэтому отношение Тира к южному соседу оставалось неизменным до конца эпохи независимости. Во всяком случае, после ликвидации царства Давида Тир больше всего интересовался северным царством Израиль. С его первой значительной династией, домом Омри⁵¹, Итобаал (Ефваал) тирский установил родственные узы, отдав свою дочь Иезавель в жены Ахаву из этого дома. Но и в этих взаимоотношениях доминировала явно тирская сторона. В библейском изложении истории

Ахава дочери тирского правителя Иезавели не без оснований приписывается чрезвычайно сильное влияние на государственные дела и вопросы культа. Это проявилось прежде всего в возведении храма Баала тирского, т. е. главного божества г. Тира, почитавшегося в столице царства Израиль Самарии под именем Мелькарт.

Подобный союз с Тиром в IX в. до н. э. для израильской стороны был вызван внешнеполитической ситуацией. Отпав от Иудеи и став самостоятельным государством, царство Израиль вплоть до правления Ахава постоянно сталкивалось с Иудеей. На востоке и северо-востоке цари Израиля должны были решать пограничные споры с Моавом и Арамом, в то время как на западе дело не раз доходило до территориальных раздоров с филистимскими городами.

Если в союзнических отношениях с царством Израиль правители Тира выступают партнерами-гегемонами, то это, конечно, объяснялось культурным и техническим превосходством Тира над сравнительно молодыми территориальными государствами Палестины. Это превосходство проявлялось, в частности, в различных формах дорогостоящей помощи для развития этих стран. Тирийцы создали на Красном море предпосылки для торговых экспедиций в далекий Офир. Строители из Тира возводили для Давида и Соломона дворцы и культовые сооружения с прекрасным внутренним убранством. Ничто так не иллюстрирует отношение Израиля к более высокой тирской культуре, как тот факт, что изображение бога Яхве было помещено в культовое здание, созданное по финикийскому образцу.

О значении, которое приобрел Тир в эпоху независимости, весьма впечатляюще свидетельствует «Стела Мелькарта», найденная в 1938 г. севернее Алеппо. На памятнике имеется краткая надпись Бархадада, «царя Араму», вероятно первого из правителей с этим именем, который стоял у власти в начале IX в. до н. э. в Дамаске. Стела посвящена тирскому богу Мелькарту, которого Бархадад называет «своим Господом». Это указывает на тесные связи между обоими государствами и на большое влияние Тира на сирийской территории, не имевшей выхода к морю. В основном отношения определялись территориальным соседством. Часть долины Бекаа в это время входила в Арамейское царство. А поскольку ее юг принадлежал царям Дамаска, то они поддерживали через эту местность контакты непосредственно с тылом — «хинтерландом» Тира. Здесь пролегал также древний торговый путь, связывавший Тир с внутренними районами Передней Азии. Возможно, что благодаря успешным усилиям арамейских царей, которые постепенно изменяли границу своих владений в Северной Галилее, продвигаясь на юг, была обеспечена безопасность на этом пути.

Если об отношениях Тира с ближайшими соседними государствами мы знаем довольно подробно, то о его связях с другими финикийскими городами пока еще ничего не известно. Во всяком случае, из-за выгодного географического положения, а также благодаря нажитым в заморских владениях богатствам Тир оказался

ведущим среди городов Ливана в эпоху независимости, как раньше Библ и — на некоторое время — Сидон. Однако внутреннее положение богатого Тира было так же малоустойчиво, как и его соседей — Израиля и Арама. Из пяти владык, правивших Тиром в течение 47 лет, за период между смертью Хирама и восшествием на престол Итобаала, трое были убиты их преемниками. Только при Итобаале можно обнаружить стабилизацию, которая, несмотря на первые удары Ассирии, принесла Тиру длительный период процветания.

Пурпур, стекло и бронза

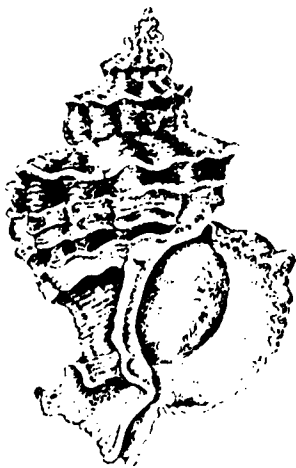
Зебулон сказал Всемогущему (Да будет прославлен Он!): Братьям моим дал Ты земные угоды; мне же Ты дал только море и реки! Но Всемогущий сказал ему: Все от тебя они будут зависеть из-за улитки пурпуровой.

Вавилонский Талмуд. Мегилла, стб. 6а

Среди знаменитых промыслов финикийских городов пурпуровый был хотя и не самым древним, но в техническом отношении наиболее интересным и, пожалуй, самым прибыльным. Добыча пурпура никогда не была монополией городов Ливана. Различные виды моллюсков во множестве встречались и в других местах Средиземноморья. Для получения красящего вещества их использовали там уже в дофиникийское время. А позднее финикийцы позаботились о распространении изготовления пурпурных красителей в своих заморских колониях. Особая известность именно ливанского пурпура объясняется его качеством, умением опытных мастеров добиваться редкостных оттенков, а также превосходным развитием ткацкого дела, продукция которого повсюду пользовались большим спросом, особенно тонкие шерстяные ткани.

Способ получения дорогих красителей, с которым знакомит нас древнеримский писатель и ученый Плиний Старший (23—79) в своей «Естественной истории», был довольно сложным⁵². Прежде всего нужно было выловить пригодных для этого живых морских моллюсков (главным образом *Murex trunculus* и *Murex brandaris*), для чего требовалась вершеобразная снасть, снабженная приманками из мяса или ракушек. Раковины пойманных моллюсков открывали и находящиеся в их полости железистые тельца извлекали наружу. Они содержат беловатые выделения — исходный материал для процесса крашения. Чтобы добыть эту жидкость,

железистые тельца — а иногда, если экземпляры были мелкие, моллюски целиком — давили каменным «прессом» и три дня выдерживали под консервирующим воздействием соли. Затем следовали отстой и сгущение жидкости путем десятидневного выпаривания в металлических котлах на слабом огне. Потом подлежащий окраске материал пропитывали еще беловатым красителем и сушили на солнце.

Постепенно под влиянием света в ходе просушки образовывалась пурпурная окраска. Благодаря различным способам получения и обработки исходного красящего вещества, неоднократным пропиткам и другим искусным приемам финикийцы достигали широкой гаммы оттенков — от ярко-красного до темно-фиолетового. Овечью шерсть красили до изготовления из нее ткани. Красили и тонкое египетское полотно (бисс), а позднее — китайский шелк. В данном случае имели дело уже с готовыми привозными тканями.

Окрашенная в пурпур материя ценилась за то, что она не линяла и не выгорала. Пурпурные ткани пелопоннесского происхождения стоимостью, по преданию, в 130 талантов⁵³, которые Александр Великий захватил в Сузах, были еще свежего глянцевого оттенка, хотя пролежали на складах персидских царей 190 лет.

Такие цены на пурпурную ткань были вызваны ее высокой себестоимостью и дефицитностью красильного сырья. Из 1 кг жидкости красителя-сырца после выпаривания оставалось всего каких-нибудь 60 г красящего вещества. А для окраски 1 кг шерсти требовалось примерно 200 г пурпурной краски, т. е. 3 кг жидкости, выжимаемой из моллюсков. К тому же надо принять во внимание, что железистое тельце одного моллюска весит всего несколько граммов, а красящий состав из него, в свою очередь, составит лишь малую толику его веса. Вот почему пурпурные ткани всегда были очень дороги.

Во время правления императора Августа в Риме 1 кг тирской шерсти, дважды окрашенной в пурпур, стоил 2 тыс. денариев, да и самые дешевые все же ценились в 200 денариев. После денежного указа (о максимальных ценах) императора Диоклетиана от 301 г. н. э. высшая цена 1 фунта пурпурного шелка составила 150 тыс. денариев — колоссальную сумму. Тирская пурпурная шерсть лучшего качества поднялась в цене до 50 тыс. денариев, тогда как за 1 фунт первоклассной, но обычной багряной шерсти платили всего 1500 денариев, т. е. сумму, за которую можно было купить рубаху лучшего качества для воина. Столько же в среднем получал в месяц и опытный ремесленник. Примечательно, что твердая цена 1 фунта золота в слитках составляла тогда как раз 50 тыс. денариев. Словом, тирский пурпур высшего качества был буквально «на вес золота».

В связи с этим становится ясно, почему одежда из пурпура являлась привилегией царей, высшей знати и богачей. В Ветхом завете есть подтверждения тому, что пурпурные одежды были прежде всего одеянием царей (Судей. VIII, 26 и др.), идолов (Иеремия. X, 9), облачением жрецов во время богослужения (Исход. XXVIII; XXIX), а также знаком царских полномочий чиновникам (Иезекииль. XXIII, 6; Есфирь. VIII, 15, и др.).

Из пурпурных тканей делали также покровы для укрывания культовой утвари и «храмовые завесы» (Числа. IV, 6 и сл.; II Паралипоменон. III, 14). Парадный паланкин Соломона из ливанского дерева имел сиденье «из пурпурной ткани» (Песнь песней. III, 10). О пурпурных покрывалах для лож и кресел считают нужным сообщить Гомер и Овидий. В греко-римское время пурпур как предмет роскоши стал использоваться еще больше. Гораций высмеивает в своей сатире одного выскочку, который из тщеславия велел стирать со стола пурпурными платками. Женщинам, искушенным в вопросах моды, опытный Овидий все же советует:

Нужно ли мне говорить и о платье? И здесь бесполезно
И золотое шитье, и финикийский багрец.
Право, безумно таскать на себе все свое состояние,
Ежели столько вокруг красок дешевле ценой! ⁵⁴

Вряд ли этот совет нашел отклик, так как даже «добродетельная жена» в ее идеальном образе, по Книге

притчей соломоновых, не пренебрегает одеждой из биссона и пурпура (XXXI, 22).

Добыча пурпура на финикийском побережье вплоть до раннего средневековья была прибыльным делом, хотя другие, более дешевые красители уже в римское время создавали растущую конкуренцию пурпуру. Вероятно, и строгие законы по защите «императорского пурпура» снижали доходы пурпурных промыслов Финикии. В 353 г. император Констанций II получил известие, что в Тире «императорскую одежду ткали тайно»⁵⁵. Такое соучастие в фактической или мнимой подготовке возмущения, как свидетельствует дальнейший ход событий, обошелся ткачам тюрьмой и пытками. И все-таки еще галльский епископ Аполлинарий Модест Сидоний (около 428—488 гг.) в одной дидактической поэме среди товаров, ввозимых в Рим из Тира, на первом месте называет пурпурные ткани.

В настоящее время очень немного напоминает нам о древнефиникийском промысле пурпура. Ведь большую часть отходов тирских красильщиков море унесло назад в свою пучину. И все же в Сайде можно еще подивиться на мощный холм из ракушек тигех. Покрытый слоем земли с расположенным на нем кладбищем, он дает основания предполагать, что в его недрах скрыто более 200 тыс. куб. м остатков ракушек, из которых добывали пурпур. Его необычное расположение в непосредственной близости от древнего акрополя Сидона с южной стороны делает понятными жалобы людей античного мира на надоедливый дурной запах, который исходил от мест пурпурных промыслов.

Море давало возможность развиваться и другим ремеслам и промыслам в финикийских городах на территории Ливана. Рыболовство для жителей побережья Ливана в древности имело определенно большее значение, чем в настоящее время. В Книге Неемии (XIII, 16) сообщается о тирийцах, которые в период персидского господства торговали в Иерусалиме «всяким товаром», в том числе и рыбой. Торговля подобным товаром могла процветать только при условии применения консервирующих средств. Важнейшее из них, соль, в те далекие времена также было даром моря. Бассейны для добывания морской соли методом выпаривания довольно часто встречаются и сегодня между Батруном и Тара-

блюсом. А в других местах побережья можно найти лишь остатки древних сооружений для добычи соли.

«Итак, я посылаю тебе человека умного, имеющего знания, Хирам-Авия... умеющего делать *изделия* из золота и из серебра, из меди, из железа, из камней и из дерев, из *пряжи* пурпурного, яхонтового *цвета*, и из биссона, и из багряницы, и вырезывать всякую резьбу, и исполнять все, что будет поручено ему». Исключительные способности этого человека, которого, как явствует из цитируемой главы второй книги Паралипоменон (13—14), Хирам тирский посылал царю Соломону по его просьбе,— это, разумеется, литературная гипербола. Она восходит к более древним и более скромным сведениям III Книги царств (VII, 13 и др.), согласно которым умелец из Тира был только «медником», бронзовых дел мастером. А то, что приписывает ему книга Паралипомена, по существу, полная опись тирских и вообще финикийских ремесел. Здесь не упомянуто только изготовление стекла. Это ремесло возникло позднее, чем другие. Стеклоделие зародилось в Сидоне, который стал потом благодаря этому очень знаменит, пожалуй, едва ли не ранее VII в. до н. э., после того как почти тысячу лет на рынках господствовали египетские поставщики стекла. Однако Плиний Старший приписывает открытие способа получения стекла экипажу одного финикийского судна.

Мореходы, шедшие якобы с грузом глыб селитры из Египта, причалили к берегу в районе Акко, чтобы приготовить себе обед. Но поскольку кругом был лишь один песок, они притащили с корабля несколько кусков селитры, чтобы поставить на них котлы. «Когда же они разогрелись и соединились с песком побережья, то образовался прозрачный поток жидкости нового рода. И это, как говорят, было возникновение стекла»⁵⁶. Страбон передает, что кварцевый песок для сидонской стекловарни привозили с побережья между Акко и Тиром (XVI, II, 25). Но, должно быть, на финикийском берегу хватало и других мест для добычи песка, пригодного для стекловарения. Кроме Сидона оно занимало видное место в Тире, Берите и Сарепте.

И все же стеклоделие приобрело по-настоящему большое значение только в римское время, после того как — предположительно в Сидоне — был открыт спо-

соб выдувания стекла⁵⁷. Если автор библейской книги Иова еще ставил стекло в один ряд с золотом (XXVIII, 17), то благодаря развитию стекольных ремесел в Финикии оно превратилось в дешевый материал, из которого стали делать всевозможные сосуды для удовлетворения растущих потребностей быта.

В Риме и Галлии благодаря переселению туда специалистов, в особенности из Сидона, также довольно рано стали производить стекло. Поэтому стеклянные художественные изделия с клеймом сидонских мастеров, обнаруженные в различных местах Средиземноморья и даже за его пределами, не дают полного права утверждать, что они были созданы ремесленниками, жившими именно в Сидоне. Дочерью сидонского стекольного дела была знаменитая венецианская мануфактура. Ее расцвет повлек за собой упадок производства стекла в самой Финикии. И все же сидонское и тирское стекло еще и в пору крестовых походов пользовалось самым высоким спросом. Остатки стекловаренных печей римского и византийского времени можно встретить и сегодня во многих местах побережья между современными Суром и Сайдой. Под Сарафаном (Сарептой) их обнажило море, а среди развалин древнего Тира — заступы археологов. Стекло, оставшееся в этих печах, приятного зеленоватого цвета, довольно чистое, светопропускаемое, но не прозрачное.

О дальнейшем развитии бронзового литья и вообще о металлообработке в период от эпохи независимости до римского времени литературные и археологические источники дают весьма скудные сведения. Подробнейшее представление о способностях тирских умельцев по металлу дает Ветхий завет в уже не раз привлекавшемся нами сообщении об отделке внутренних помещений Иерусалимского храма (III Книга царств. VII). Этот библейский отзыв соответствует замечаниям Гомера об искусности сидонцев, т. е. вообще финикийцев, в обработке бронзы и благородных металлов. Особо выделяет Гомер кратер, что весь «из серебра, но края золотые, искусной работы бога Гефеста»⁵⁸. И другой — «серебряный, пышный сосуд, шестимерную чашу, чудной своей красотой помрачавшую в целой вселенной славные чаши, сидонян искусных изящное дело»⁵⁹.

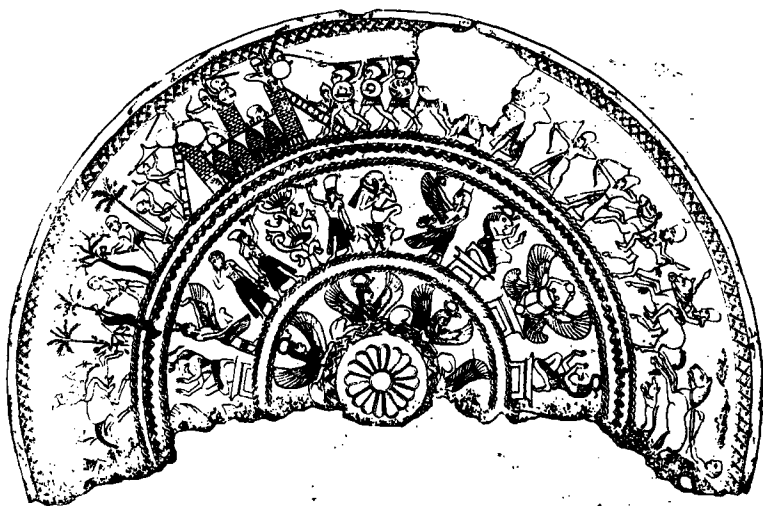
Представление о великолепной резьбе на этих под-

Кипро-финикийская чаша. В центре египетский мотив «фараон избивает своих врагов». Позолоченное серебро; диаметр 18,5 см; VI в. до н. э.

линных произведениях искусства дают большие серебряные и бронзовые чаши, обнаруженные при раскопках прежде всего на Кипре, а также в Месопотамии (Нимруд) и других местах. Их финикийское происхождение не подлежит сомнению, тем более что некоторые чаши имеют на себе пометки владельцев, сделанные финикийским письмом.

Вероятно, чаши для пира, найденные в Нимруде, попали туда из финикийских городов побережья, а кипрские находки, скорее всего, следует приписывать

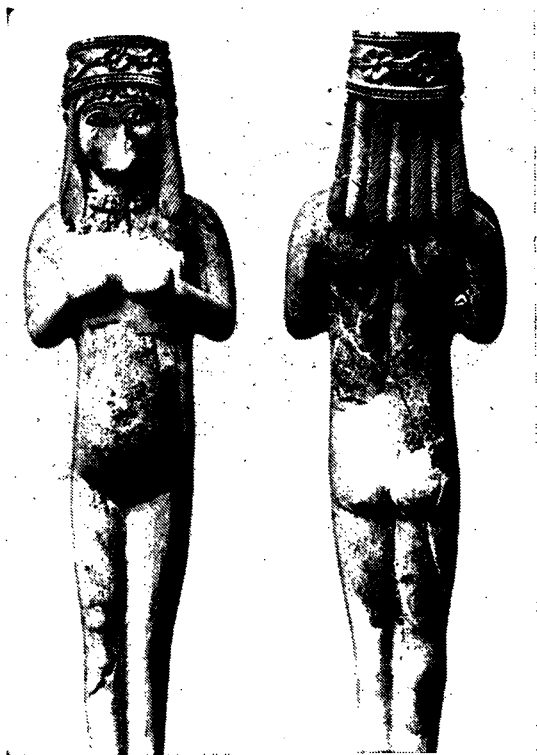

Кипро-финикийская чаша с египетскими, ассирийскими и греческими мотивами. Серебро; диаметр 19 см; XIII в. до н. э.

мастерам с финикийских островов, на что указывает более заметное присутствие здесь эгейских мотивов.

Известные в настоящее время изделия, отлитые из серебра и бронзы в 800—600 гг. до н. э., позволяют обнаружить, по существу, то же самое смешение стилей, которое уже наблюдалось у археологических находок в Библе II тысячелетия до н. э. Но разнообразие мотивов стало еще шире; в частности, среди них появились также и ассирийские. Надо сказать, что финикийским художникам удалось удивительным образом свести в единую замкнутую композицию образцы различного происхождения.

О мастерстве финикийцев в обработке металла и о популярности их изделий в Ливане помимо разрозненных мелких находок, чаще всего бронзовых статуэток богов, свидетельствуют также многочисленные предметы, которые клали в могилу вместе с покойником. Мы имеем в виду прежде всего предметы заупокойного культа из гробниц периода от персидского до византийского времени. Характерным образцом искусства отливки из бронзы в приморских городах Ливана можно назвать

Финикийская статуэтка слоновой кости.
Нимруд; VIII в. до н. э.

модели кораблей, которые интересны еще и как свидетельство развития финикийского судостроения.

В отличие от пурпурных и стеклянных ремесел бронзовое литье в древнем Ливане вряд ли могло опираться на местное сырье. Неясный намек на выплавку меди как будто бы содержится в названии города (Chalkis) — Халкида («Медный град») у подножия Ливана (sub Libano), который, по-видимому, соответствует библейскому Суву (Цобу). Вероятно, Сув следует искать в районе нынешнего Анджара. В Ветхом завете говорится (II Книга царств⁶⁰. VIII, 3 и сл.) о победе Давида над Адраазаром (Хададазаром) сувским, кото-

Корова с теленком. Слоновая кость. Финикийская работа
из северосирийского Арслан Таша; IX в. до н. э.

рый отдал царю Иерусалима, кроме всего прочего, «весьма много бронзы» (VIII, 8) в качестве дани. При этом речь могла идти и о привозных запасах бронзы, но все же с большей или меньшей уверенностью можно утверждать о наличии некоторых следов месторождений меди в самом Ливане. В долине р. Ибрахим и в Вадн Фидар помимо меди, кажется, должно было быть даже олово, необходимое для получения бронзы. Но возникает вопрос, были ли пригодны для разработки эти залежи руды и разрабатывались ли они когда-нибудь.

Документально подтвержденной можно считать только добычу железной руды и выплавку из нее металла по крайней мере с VII в. до н. э. Месторождения этой руды, лежащие на поверхности в виде глыб (лимонит), имеются, в частности, в Када эль-Мети, в верхнем течении р. Эль-Кельб, где выходит на поверхность нижний слой известняка. Там же найдены и следы древних горных разработок, которые, правда, пока не поддаются датировке. Важнейшим свидетельством добычи железной ру-

ды в древнем Ливане являются две клинописные таблички-«накладные» на партию сырья с побережья Средиземного моря, которую в 550—549 гг. до н. э. получил некий Иддина-аху в месопотамском городе Уруке. В этих документах наряду с пурпурной шерстью упоминается также ливанское железо (129 кг). Оно, по-видимому, не отличалось особым качеством, поскольку железо, ввозимое тем же Иддина-аху с Кипра, стоило почти в 2 раза дороже.

Параллелью к развитию финикийского бронзового литья является художественная резьба по слоновой кости — столь же древний и также базировавшийся на привозном материале промысел. Резьба по кости в «золотой век» Финикии достигла своего расцвета, гармонически соединив в себе различные влияния.

Правда, в самих городах Ливана до сих пор найдены лишь небольшие фрагменты образцов финикийского искусства резьбы по кости IX—VII вв. до н. э. Но поскольку они, так же как и бронзовые чаши, нередко имеют пометки финикийским письмом и на финикийском языке, то происхождение значительной части изделий, сохранившихся в Палестине, Северной Сирии и Месопотамии, не подлежит сомнению.

Создается впечатление, что финикийские художники специализировались преимущественно на изготовлении украшений для обивки мебели, вроде тех прекрасных образцов из сирийской добычи Саргона II, которые сохранились главным образом в Нимруде,

В том же стиле выполнены дощечки из слоновой кости в северосирийском городе Арслан Таш и в Самарии. Вероятно, «дом из слоновой кости» во дворце царя Ахава (III Книга царств. XXII, 39) был назван благодаря его внутренней отделке. Во всяком случае, часть таких произведений прикладного искусства финикийского стиля, как ныне доказано, изготовлялась во внутренних областях Сирии, и притом именно в Хамате (ныне Хама). Там же находились и важнейшие источники сырья — области, через которые отступали сирийские слоны в долинах рек Оронта и Верхнего Евфрата.

Вполне понятно, почему здесь оседали на постоянное жительство финикийские резчики по слоновой кости. Но в Хамате тех времен были и другие мастера, изделия которых не носят отпечатка финикийских традиций.

Торговля, судостроение и колонии

Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен.

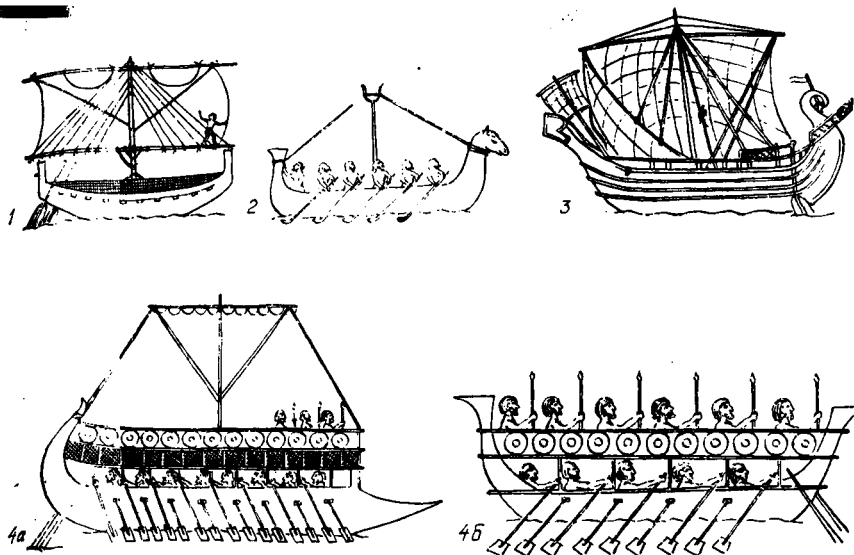
*Вергилий. Энеида. I, 12—14*⁶¹

Выдвижение приморских городов Ливана на ведущие в I тысячелетии до н. э. позиции в торговле древнего мира зависело от многих условий политического и хозяйственного развития. В том, что эти благоприятные условия использовались ловко и умело, была определенная заслуга крупных финикийских купцов. Не без основания в ветхозаветном пророчестве против Тира богатство этого города связывается с торговлей и «мудростью» тирских правителей (Иезекииль. XXVIII, 3 и сл.). Несомненно, в умении реализовать экономические предпосылки финикийцы далеко опередили своих современников. Разумеется, обычная форма меновой торговли — приобретение товаров из других стран в обмен на свои избыточные продукты — была надежной основой внешней торговли финикийских городов. Но вместе с тем их выгодное географическое положение на транзитных путях определило растущее значение посреднической торговли. Однако она была связана с гораздо большим риском и приносила богатый доход лишь в том случае, если могла быть монополизирована для определенных областей. Это стало возможным, как нам еще предстоит показать, в «золотой век» Финикии.

Прежде всего финикийцы на базе дешевого привозного сырья сумели интенсивно развить ремесла, работающие на вывоз, такие, как стеклоделие, ткачество и различные виды металлообработки. Отсюда и та умелая приспособляемость к потребностям рынка, на которую был способен только изготовитель, бывший одновременно и торговцем. Он не специализировался исключительно

на дорогих изделиях, а выпускал также и широкий круг товаров массового потребления. Наряду с дорогостоящими пурпурными тканями изготовлялись и очень дешевые, которые, скорее всего, были лишь имитацией первых. Кроме того, финикийцы заботились и об увеличении сбыта, осваивая новые рынки. Наконец, насаждение своих людей в чужих краях также являлось формой укрепления внешнеторговой базы.

В такой разнообразной и обширной торговой деятельности мог преуспеть лишь тот, кто имел в достаточном количестве и вполне надежный собственный транспорт. Разумеется, в торговых сношениях с внутренними районами Передней Азии финикийские города вынуждены были обходиться в основном чужими средствами. В лучшем случае они могли использовать наемные караваны. Отправка товаров по сухопутным дорогам вряд ли сулила финикийцам сколько-нибудь заметные дополнительные доходы. Кроме того, проезжие дороги контролировались их партнерами. Ясно, что в подобных обстоятельствах сделки на перевозку и транспортный риск брали на себя клиенты, как поставщики, так и заказчики. Совсем другой была ситуация на морских путях. Средиземное море со своими ближними и дальними берегами лежало открыто и свободно у самых ворот финикийских городов. Конечно, в море подстерегали свои опасности. Они заставляли мореплавателей выбирать благоприятное время года и держаться путей, проходящих в жестких границах видимости берега. Во всяком случае, риск оправдывался огромной выгодой. Торговцы могли посещать своих клиентов, не оплачивая чужой транспорт. Они имели возможность в короткий срок достигнуть своих рынков или отыскать новые. Заморская торговля была подлинным источником богатства финикийских городов-государств. «Обитатели острова» и «купцы, плавающие по морю», «наполнили» Тир товарами и сделали его «торжищем народов» (Исаия. XXIII, 2 и сл.) Иезекииль особо подчеркивает морской характер торговой державы Тира: город расположен «на выступах в море», «пределы его — в сердце морей» (XXVII, 3 и сл.). «Когда приходили с морей товары твои, ты насыщал многие народы; множеством богатства твоего и торговлею твоею обогащал царей земли» (XXVII, 33).

Типы финикийских судов (реконструкция).

1. Торговое судно; XIV в. до н.э. Усыпальница Кенамуна. 2. Торговое судно; около 700 г. до н.э. 3. Парусное судно; II в. н.э. 4а, б. Военные суда; около 700 г. до н.э. Деталь рельефа из дворца Синаххериба

Параллельно экономическому подъему в полном соответствии с морской ориентацией финикийской торговли развивалось мореплавание. Уже во время Нового царства Египта приморские города Ливана имели собственные торговые суда. Поводом для строительства грузовых судов стал выход из употребления во II Переходный период египетских судов типа «критянин», «библосец», которые прежде играли главную роль в морских сообщениях Восточного Средиземноморья. Во всяком случае, на изображениях кораблей передне-азиатского побережья периода XVIII династии фараонов еще легко узнать египетский образец. Однако с появлением в городах побережья переселенцев из стран Эгейского бассейна получили права гражданства и другие типы судов. Видимо, под их влиянием стали строить корабли, обладавшие значительно более высокой остой-

чивостью и плавучестью, чем египетские модели. Финикийцам не было нужды сохранять конструктивные недостатки египетских кораблей, так как не нужно было экономить корабельный строевой лес. Они могли строить высокобортные суда с большей грузоподъемностью. И в оснастке финикийские корабли отличались от египетских. По древнему эгейскому способу, как об этом свидетельствуют египетские изображения кораблей «народов моря», парус в тех случаях, когда он был не нужен, не спускали, а подтягивали вверх.

О том, как выглядели финикийские суда первой половины I тысячелетия до н. э., дают некоторое представление ассирийские рельефы. Судя по ним, распространенным типом торгового судна был беспалубный корабль, передвижение которого обеспечивалось только одним рядом гребцов, а при необходимости складной мачтой с несложной оснасткой. Нос, высоко поднятый, как и корма, гордым изгибом вверх, заканчивался в виде лошадиной головы. Бросается в глаза сходство этого судна с судами «народов моря». Вероятно, этот тип корабля принесли с собой осевшие на восточном берегу Средиземного моря в XII в. до н. э. переселенцы из стран Эгейского бассейна. Этот тип судов, которыми пользовались герои Гомера, представлял собой древнекритский образец. Да и украшавшая нос корабля лошадиная голова не восходит к традиции стран Передней Азии, а вот Гомеру были известны «корабли, водяными конями быстро носящие людей мореходных по влаге пространной»⁶². Эгейский тип поначалу был и у финикийцев обычным военным судном. Самые большие из таких судов имели с обеих сторон по 25 распашных весел и потому позднее у греков назывались пентеконтерами, т. е. «пятидесятивесельниками».

На самом боеспособном судне финикийского флота находился таран, который можно считать изобретением финикийцев. Команда гребцов размещалась двумя рядами на нижней палубе (римляне называли корабли такого типа бирема, т. е. «имеющие два ряда весел»), воины — на открытой верхней палубе. Их круглые щиты подвешивались с внешней стороны на поручнях, которые, вероятно, были сплетены из ивовых прутьев. Наряду с этим видом военных судов существовали и более легкие, также бирема с боевым экипажем на верхней палубе, но

без оснастки и тарана. Стандартной моделью финикийской эскадры персидского времени был корабль с тремя рядами гребцов (у греков корабль такого типа назывался триера, т. е. «с тремя рядами весел», а у римлян — трирема). Чтобы увеличить движущую силу и создать условия для успешного применения тарана, суда строили с четырьмя и даже с пятью рядами мест для гребцов.

Как видно на изображениях, восходящих к периоду Нового царства Египта, финикийское морское судно, предназначенное для торговли, было всегда парусным. Его дальнейшее превращение в «купца» внушительных размеров наглядно показывает рельеф из сидонского саркофага II в. н. э. В отличие от удлиненных военных кораблей (от 1:5 до 1:8) это было широкое бокастое судно (от 1:3 до 1:4) с довольно вместительным трюмом. Высокие нос и корма еще более усиливали его своеобразную округлость. Возможно, он был предшественником тех морских судов, которые греки называли «гаулой» — «подойниками»⁶³. При меньшем экипаже он выгодно отличался от гребных судов большей грузоподъемностью и более высокими мореходными качествами. Правда, его недостатком была зависимость от ветра, но ведь на борту всегда имелся достаточный экипаж, чтобы в случае необходимости в пути или при движении в гавани перевести его на весельный ход.

Не следует, однако, представлять себе финикийские суда доперсидского времени слишком вместительными. Грузоподъемность торговых судов, даже таких, как «тартецкий мореход»⁶⁴, которые славились своими размерами и мореходностью среди других финикийских судов, вряд ли превышала 250 т. Соблюдать скромные размеры требовали не только возникающие конструктивные трудности при постройке судов длиннее 50 м, но и размеры гаваней. Естественные гавани, пригодные для зимних стоянок торговых судов, были малы, возможности их искусственного расширения — ограничены. Площадь внутренней гавани Библа с молами и долговременными средствами защиты никогда не превышала 1,5 га. Ограниченность ее размеров дает возможность понять, почему в древнем центре Ливана не могли держать более крупный торговый флот и отставали в его развитии.

Значительно благоприятнее на ливанском побережье

были условия в Сидоне и Тире. Расширение и ныне существующей сидонской Северной гавани и превращение ее в закрытый, защищенный от бурь рейд потребовало лишь незначительных строительных работ. Площадь рейда порядка 7 га давала убежище более 100 кораблям средних размеров, занимавшимся морской торговлей. Бухта Северной гавани Тира, пожалуй, еще при Хираме I была защищена от зимних штормовых волн, идущих с северо-запада, мощным волнорезом длиной 225 м. А вытянутую на большое расстояние Южную гавань этого города прикрывал 750-метровый мол. Ее рейд (свыше 15 га), вероятно, значительно превосходил акваторию Северной гавани. Кроме того, дальний рейд, расположенный южнее внутренней гавани, был защищен волнорезом из гигантских каменных блоков. Это пятикилометровое сооружение протянулось почти до широты городища Телль Решедие, которое обычно отождествляется с Ушу египетских надписей, а также с Палеотиром, или Палетиром, греков и считается главной базой Тира на материке. Большие акватории тирских гаваней, оснащенные различными техническими устройствами вплоть до сухого дока, были с самого начала предназначены и для приема военных судов, которые частично укрывали в крытых помещениях. Обычно же «длинные» суда военной флотилии просто вытаскивали на песчаные участки отлогого морского берега, что при их незначительной осадке (всего на какой-нибудь метр) было нетрудно сделать.

В искусстве мореплавания финикийцы были ведущими. Их кормчие славились как самые опытные. Финикийцы, по-видимому, были первыми из народов Средиземноморья, кто перешел к плаванию в открытом море. Еще больший риск таили в себе ночные плавания, которых нельзя было избежать на долгом пути вдаль от берегов. Научившись ориентироваться по Полярной звезде, финикийцы преодолели, таким образом, и трудности, связанные с плаванием ночью. Но в общем в те времена больше придерживались каботажного плавания, тем более что в торговых сношениях безопасность перевозки важнее скорости доставки. «Пузатые» грузовые суда отнюдь не были быстроходными парусниками. И тем значительней достижения финикийских моряков, которые заплывали далеко на запад по Средиземному

морю и даже проникали в Атлантику. Геродот сообщает об одной финикийской команде мореходов, которая по повелению фараона Нехо (609—594 гг.) обогнула по морю Африку. «Финикияне вышли из Красного моря⁶⁵ и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю... а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет»⁶⁶. Целью путешествия было открытие морского пути из Красного моря в Средиземное, так как строительство канала между Нилом и Красным морем потерпело неудачу. Однако практических последствий это плавание вокруг Африки, очевидно, не имело.

Интересные подробности о мореплавании финикийцев содержит «Одиссея» Гомера. Хотя создание поэмы относится к более позднему времени, все же ясно, что она верно отражает мореходную среду примерно на исходе II тысячелетия до н. э. Местом, откуда распространялись подобные представления, были общества мелких государств Западной Греции. По «Одиссее», мореплавание служит преимущественно двум целям: «Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду, взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась, жизнью играя своей и беды приключая народам?»⁶⁷.

При этом морской разбой отнюдь не выглядит чем-то предосудительным, особенно если его поощряли сами владыки. Так, хитроумный Одиссей в одежде нищего с гордостью выдает себя за удачливого в прошлом предводителя морских разбойников⁶⁸. Но на пути от Трои домой он и на самом деле напал со своими людьми на фракийский город Исмар: «Град мы разрушили, жителей всех истребили. Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много, стали добычу делить»⁶⁹. Поэтому купцы, ведущие мирную торговлю на своих судах, кажутся героям Гомера скаредными, торгашескими душами, которые долго и трудно пекутся о своих доходах, вместо того чтобы добыть их «благородно» силой меча⁷⁰. Правда, и торговцы не брезговали иногда темными делами. Образец такой «торговой» практики финикийцев, знаменитых мореходов и не менее знаменитых морских разбойников, являет история жизни свинопаса Евмея⁷¹. В детстве он был похищен из царского дворца

своего родителя финикийскими купцами и продан в рабство на о-в Итаку. Им помогла рабыня, уроженка Сидона, на попечении которой находился мальчик. Впрочем, если финикийцы не желали наносить ущерба своей заморской торговле, они старались избегать повторения подобных похищений людей. Похожую историю поведал нам также повидавший многие страны Геродот в самом начале своей «Истории». После того как финикийцы насильно увезли с собою Ио, дочь царя г. Аргоса, эллины в отместку похитили дочь тирского царя Европу. Правда, добавляет Геродот, финикийцы оспаривали факт похищения и утверждали, что Ио еще в Аргосе вступила в любовную связь с хозяином судна. Когда же она почувствовала себя беременной, то от стыда перед родителями добровольно уехала с финикийцами. Во всяком случае, в этом отношении финикийцев считали способными на разные коварные дела, например насильный увоз двух женщин из округа храма Амуна в Фивах, о чем Геродоту рассказывал египетский жрец⁷². Но и человек, добровольно в качестве пассажира доверявшийся финикийскому кормчему, при известных обстоятельствах также мог претерпеть немалые злоключения. Одиссей в одежде нищего рассказывает похищенному финикийцами царскому сыну, свинопасу Евмею, как ему самому пришлось из-за них испытать примерно те же превратности судьбы⁷³. Характерно, что рабыня из Сидона, помогавшая своим соотечественникам в похищении маленького Евмея, требует, чтобы они свое обещание отвезти ее на родину подкрепили торжественной клятвой. Правда, любитель мистификации Одиссей отзывался о финикийских мореходах и более благосклонно. Когда они из-за бури не смогли доставить его к обещанному месту, то не сделали ему вреда, а, улучив момент, оставили на берегу с пожитками⁷⁴.

Вообще корабельщики в древности обходились с пассажирами не особо вежливо. Стоит только вспомнить путешествие на корабле пророка Ионы или путь апостола Павла по адриатическим волнам в Рим (Деяния. XXVII). Следовательно, финикийские мореходы в этом отношении, должно быть, существенно не отличались от мореходов других стран. Впрочем, опасность потерять свободу и имущество и для самих экипажей судов была также велика. Береговые разбойники подстерегали их

в местах стоянок. Многие из потерпевших кораблекрушение безжалостно продавались в рабство.

Необходимо различать нелегальную продажу при случае в рабство свободных людей и, так сказать, «законную» торговлю рабами, которой финикийцы, разумеется, занимались тоже. И, возможно, в иные времена этот вид торговли значительно содействовал обогащению их городов. Иезекииль (XXVII, 13) и Иоиль (III, 4 и далее) упоминают в качестве главного партнера финикийских торговцев рабами Ионию⁷⁵, в то время как с трудом поддающееся датировке сообщение из Амоса (I, 9 и сл.) называет Эдом⁷⁶ покупателем израильских рабов, которыми торгует Тир. Преступность этого гешефта усматривается в том, что Тир в данном случае и не вспомнил о «братском союзе» с Израилем. Безусловно, и собственная потребность финикийских городов в рабах для обеспечения гребцами многочисленных экипажей своих судов была велика. Особенно благоприятные условия для приобретения рабов возникали непосредственно на поле битвы, когда воины-победители торопились пустить на продажу захваченных людей и драгоценности. В I Книге Маккавеев (III, 41) показано поведение работорговцев в связи с походом Антиоха IV Эпифана против Иудеи в 166—165 гг. до н. э. Когда «торговые люди окрестных мест» узнали о прибытии войска, они тут же поспешили к воинам в лагерь с серебром и кандалами для покупки рабов.

Характерным моментом в финикийской морской торговле была мелочная торговля потребительскими товарами. Иллюстрацией этого может служить эпизод из уже упомянутой в «Одиссее» истории жизни свинопаса Евмея. Груженный разнообразными товарами, «мелочью всякой», встал финикийский корабль на якорь в гавани. А поскольку с обратной дорогой приходилось повременить до следующей весны, то не было нужды торопиться и с заключением торговых сделок. Продолжительное время стоянки способствовало приманиванию покупателей даже из мест, удаленных от моря.

Правда, успех такой формы торговли зависел от многих случайных обстоятельств. Прежде всего корабль, который чаще всего мог перевозить значительно меньше 250 т груза, не был достаточно основательной базой для полугодовой торговли в чужой гавани. Этот отрицатель-

ный момент преодолевали благодаря основанию постоянных поселений, что сулило и другие выгоды. Такие поселения могли принимать финикийских ремесленников, брать на себя обслуживание покупателей, а также снабжение и охрану купцов и людей с их судов. Видимо, эти выгоды явились причиной, что финикийские города уже на заре своего существования приступили к созданию на чужих берегах собственных торговых поселений, которые, вероятно, по своему характеру и значению были весьма различны. В иноземных приморских городах они, как правило, выполняли не более чем функцию торговой конторы, вокруг которой постепенно создавался финикийский квартал, как это было и в торговых центрах, удаленных от моря. На неосвоенных же побережьях, у регулярно посещаемых якорных стоянок, напротив, возникали — то ли на купленной у местных жителей, то ли на просто занятой ничейной земле — финикийские фактории, которые в богатых сырьем краях быстро превращались в города, где переселенцы из Финикии хотя и составляли всего лишь часть населения, но всегда входили в его верхние слои.

Видимо, не случайно письменные источники и археологические находки, свидетельствующие о существовании финикийских поселений на чужих берегах, восходят к XII в. до н. э. В более ранний период, за исключением связей между Египтом и его азиатскими владениями, морская торговля находилась в руках микенских государств. Их господство на море рухнуло в результате большого кризиса, который потряс древний мир к концу XIII в. до н. э. Растущее проникновение в Юго-Восточное Средиземноморье эгейских и анатолийских групп «народов моря», так называли их египтяне, было лишь одним из потоков переселения народов. Города Ливана избежали опустошения и были в состоянии стать наследниками микенского господства. Это совершалось в союзе с теми из «народов моря», которые прочно оседали в финикийских городах-государствах. Конкуренции долгое время можно было не опасаться. Ослабнув в конце Нового царства, Египет почти на 500 лет перестал быть морской державой. Группы «народов моря», которые расселились на сирийско-палестинском побережье за пределами Финикии, правда, участвовали в развитии морских связей, но по сравнению с более сильными

экономически и более опытными в торговых делах городами Ливана новички сразу оказались в невыгодном положении.

При таких благоприятных условиях основание финикийцами морских факторий и городов-колоний могло начаться уже в сравнительно ранний период. Еще в XII в. до н. э. возникли поселения на Кипре. К тому же времени относится и основание североафриканского города Утика. За ним на территории Испании в X в. появляются Гадес (совр. Кадис) и Тартесс. Карфаген (Карт-Хадашт — «Новый город»), самая крупная из всех финикийских колоний, возник, по преданию, лишь в 814 г. до н. э.⁷⁷ К началу VIII в. до н. э. не только заморская торговля, но и немалая часть побережья Средиземного моря находилась в руках финикийцев. Еще шире распространялось влияние их культуры. Из факторий и поселений техника финикийских ремесел перенималась окрестными жителями. В Северной Африке начали выращивать маслины и виноград. Финикийский язык стал языком делового общения на всем Средиземноморье. Даже северосирийские и киликийские города-государства, которые не имели на своих территориях больших финикийских поселений, в официальных надписях пользовались финикийским письмом и языком и заимствовали религиозные культы из Финикии.

Финикийские города-государства не только удивительно долго сохраняли свою монополию в морской торговле, но и постоянно ее расширяли. Правда, им не удалось (до конца) включить Красное море в свои морские владения. А связи по морю с Южной Аравией позволили бы им избежать дорогих караванных перевозок вдоль побережья Красного моря. Дело в том, что для дальнейшего следования товаров (морским путем) от северных берегов Красного моря во времена Израильской державы нужно было пересечь посуху территорию государства Соломона, которое к тому же было в дружеских отношениях с Тиром и весьма дорожило этой дружбой из экономических соображений. В этой благоприятной обстановке осуществлялись торговые дела Хирама и Соломона, связанные с Офиром⁷⁸, о которых имеются три кратких и не очень согласованных между собой упоминания в III Книге Царств (IX, 26 и сл.; X, 11, 22). При этом в них ясно видна тенденция приписы-

вать Соломону самое большое участие в организации сего предприятия и прибылях от него. Фактически же Соломон, видимо, выделял в распоряжение Хирама только сооружения гавани, корабельный провиант и другое снаряжение, за что получал право в качестве вознаграждения использовать часть трюма в своих торговых целях. Когда в результате восстания под предводительством эдомитянина Хадада, вероятно еще при жизни Соломона, контроль над гаванью в заливе Акаба⁷⁹ был потерян, планам в отношении Офира пришел скорый конец.

Взаимоотношения между «материнскими» городами Финикии и их колониями не были свободны от противоречий. Города-колонии стремились стать самостоятельными городами-государствами. Города-метрополии, напротив, старались по возможности поставить развитие городов-колоний в тесную зависимость от себя. Причем они иногда прибегали и к военным мерам. Так, в сочинениях Иосифа Флавия есть известие, что Хирам I тирский якобы предпринимал карательный поход против одной тирской колонии, вероятно Китиона на Кипре. На бронзовых чашах из Лимасола более двух столетий спустя глава кипро-финикийского «Карт-Хадашта» («Нового города») называет себя слугой царя Тира Хирама II. Африканский Карфаген не только направлял ежегодно в Тир торжественное посольство, но и уплачивал десятину главному храму в метрополии. Правда, позднее эта подать была значительно сокращена. На примере Карфагена становится ясно, какое значение имели культовые связи в отношениях с городом-метрополией. Ведь именно там была родина богов, которым поклонялись. Характерно, что текст из кипрского города Лимасол есть не что иное, как посвятельная надпись в честь Баала ливанского. Колонии, поклоняясь богам Финикии, сохраняли верность и ее языку. Не менее прочными были также узы хозяйственных интересов, которые тесно связывали города-метрополии с колониями. Для последних изоляция вообще была бы смерти подобна и неизбежно повлекла бы за собой контакты с окружающим миром. Особенно позднее, в эпоху столкновений с соперничающими морскими державами, финикийские колонии смогли успешно выстоять только благодаря связям с метрополией. Этому соответствовало развитие

системы самостоятельных городов-государств, сплоченных вокруг города-метрополии — политического, культурного и военного оплота. Отношения, основанные на взаимных интересах, в основном оказались надежными. Когда персидский царь Камбиз после завоевания Египта в 525 г. до н. э. намеревался покорить Карфаген, финикийские города отказались поддержать его своим флотом. Правда, в особо критических ситуациях собственные интересы брали верх. Так, в последней схватке Карфагена с Римом (149—146 гг. до н. э.) ряд финикийских городов в Северной Африке, среди которых был и такой значительный, как Утика, выступил на стороне римлян.

В экономическом плане самый низкий уровень развития колоний был наиболее выгодным для финикийских городов. Поселение, состоявшее всего лишь из одной фактории, которая вела прибыльную меновую торговлю с более или менее отсталыми окрестными жителями, используя различие в культурном уровне, приносило сравнительно высокий доход, поступавший исключительно в город-метрополию. Колонии-пункты, расширяясь за счет притока новых жителей, занимающихся промыслами и ремеслами, стремились не только к образованию собственной общины, но и к экономической самостоятельности. В ходе развития колоний все большая часть торговой прибыли оставалось у них. В связи с этим крупные торговцы городов-метрополий должны были искать новые места сбыта. Притом им теперь приходилось выдерживать конкуренцию городов-колоний, которые до этого не проявляли интереса к проникновению в районы, втянутые в сеть собственно финикийской торговли. Первой колонией Карфагена была Ибиза (Эбес), основание которой античная традиция относит к 654—653 гг. до н. э.⁸⁰ Карфагеняне имели то преимущество, что коротким путем могли достигнуть и побережья Атлантики. Эти территории, удаленные от морских путей Восточного Средиземноморья, стали рынком, где хозяйничали карфагенские купцы. Примитивную меновую торговлю, которая велась на западноафриканском побережье до создания здесь факторий, описывает Геродот: карфагеняне «выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым. Местные же жители, завидев дым, приходят к

морю, кладут золото за товары и затем уходят»⁸¹. Если количество золота соответствовало привезенным товарам, карфагеняне брали его и уходили в море, оставляя товары местным жителям. Если же золота, по мнению купцов, было недостаточно, они садились на корабли и ожидали. Тогда местные жители вновь выходили на берег и прибавляли золота, пока обе стороны не приходили к общему согласию.

Финикийская торговля всегда строилась на экспансии. Это подтверждается тем, что как раз период ее кризиса был ознаменован усилением экспансии. Потери в результате утраты господства на море и монополии в торговле металлом финикийцы пытались возместить путем освоения новых сырьевых районов. Опять началось время смелых путешествий и открытий. В 450 г. до н. э. карфагенянин Гимилькон достиг п-ова Корнуэлл (Англия), к которому, возможно, еще и до него причаливали финикийские мореходы⁸². С этим путешествием связано открытие оловянных рудников в Юго-Западной Англии, поскольку древний торговый путь через Францию был перерезан греками, захватившими устье Роны. Новая морская дорога проходила от древнего финикийского города Гадес (Гадиры)⁸³, который к началу V в. до н. э. попал под гегемонию Карфагена. Но и после покорения города римлянами (206 г. до н. э.) монополия морских сношений с «оловянным островом» еще некоторое время оставалась в руках финикийцев Гадеса. Страбон сообщает: «Когда римляне однажды пустились преследовать какого-то финикийского капитана корабля, чтобы самим узнать местонахождение торговых портов, то капитан из алчности посадил свой корабль на мель, погубив таким же образом своих преследователей. Сам, однако, он спасся на обломках разбитого корабля и получил от государства возмещение стоимости потерянного груза»⁸⁴. Эта склонность к конспирации, когда дело касалось путешествий и открытий, суливших торгово-экономические выгоды, могла быть причиной того, что в истории почти не осталось первоисточников о финикийских морских экспедициях. Исключение составляет легендарное плавание карфагенянина Ганнона вдоль западно-африканского берега в 425 г. до н. э.⁸⁵

Сообщение об этом путешествии было выбито на стенах в храме бога Баал-Хаммона в Карфагене, которое

Охота на горилл в Африке. Деталь финикийской серебряной чаши; VII в. до н. э.

дошло до нас в переработанном греческом переводе. Мероприятие, видимо, преследовало заранее намеченную цель — основать новые города-колонии. Экспедиция состояла из 60 пятидесятивесельных кораблей. На них везли 30 тыс. мужчин и женщин с необходимым скарбом и запасом продовольствия. Очевидно, при этом кроме 60 военных кораблей осталось не упомянуто много транспортных судов. Экспедиция основала в общей сложности семь поселений, самое южное — в устье р. Сенегал. Флотилия же заплыла дальше на юг, вероятно до побережья современного Камеруна. В частности, и сообщение о большой экспедиции Ганнона также не содержит точного описания маршрута. Зато здесь хватает устрашающих описаний жутких явлений природы. В связи с извержением вулкана в море стекают огненные ручьи. Вообще надо сказать, страхи и ужасы охватывали экипажи кораблей в пути довольно часто. Жутким казался им звук африканских сигнальных барабанов. Остров, к которому однажды пристали, оказался полон диких существ: «переводчики называли их гориллами». Трех из них удалось убить и шкуры забрать с собой в Карфаген. Экспедиция в неизвестное полна неожиданных опасностей. Описанные с некоторыми преувеличениями, они, видимо, были призваны отбить охоту у других торговых людей конкурировать с карфагенянами на западноафри-

канском пути. Показательно, что о каких-либо экономических успехах путешествия, за исключением основания нескольких поселений и добычи на охоте трех шкур горилл, ничего не сообщается.

В эту эпоху усиленной экспансии, если не ранее того, возможно, даже Азорские и Канарские острова вошли в сферу карфагенского влияния. Во всяком случае, существование финикийских поселений на современном марокканском побережье археологи относят уже к VII в. до н. э. Конечно, позднее торговые экспедиции карфагенян из основанных ими городов на африканском побережье постепенно проникали еще дальше на юг, чем во время путешествия Ганнона. Непосредственных сведений об этом, однако, нет, и остается под вопросом, можно ли верить известию о плавании вокруг Африки, дошедшему до нас от Посидония, ученого из сирийского города Апамен (130 г. до н. э.—?). Посидоний, сообщение которого передает Страбон, снабдив его весьма критическими комментариями, рассказывает о морском путешествии некоего Евдокса из приморского города Кизик, что на западе Малой Азии. Этот Евдокс будто бы прибыл в Египет во время царствования Птолемея VIII (145—116 гг. до н. э.) и получил там признание как предводитель торговой экспедиции в Индию. Во время его второго индийского путешествия, предпринятого после 116 г. до н. э., уже в царствование Клеопатры, вдовы Птолемея VIII, Евдокс был занесен бурей к восточному берегу Африки. Здесь он нашел обломок носового украшения в виде лошадиной головы, оставшийся от корабля, потерпевшего крушение. Евдокс взял его с собой в Египет. Там он осведомился у судовладельцев о его происхождении. Те определили, что обломок носа корабля принадлежал какому-то судну из Гадира (Гадеса), вроде тех, на которых обычно плавали рыбаки этой древней финикийской колонии в богатых рыбой местах у берегов Маврусии. Свидетельством иной, более крупной экспедиции, чем путешествие вокруг Африки, этот обломок носа корабля вряд ли мог быть.

С разрушением Карфагенской державы в 3-ей Пунической войне век финикийской колонизации закончился.

Боги и культы

Рассказывают, что в эти дни на Ливане уязвляется Адонис и что его кровь, стекая в реку, меняет ее цвет. Отсюда река и получила свое имя.

Лукиан. О Сирийской богине, 8

Боги древнего мира — не какие-то недоступные космические силы. Они личности подобно человеку. Он мог обращаться к ним и с их помощью влиять на процессы в природе и обществе, которые определяли его существование и олицетворением которых и были сами боги. Поэтому человек нуждался в близости богов. В самом центре своих городов он возводил им жилища и брал на себя заботу о них. Он радовал их песнопениями и смирял их гнев дарами и обетами.

Связывание богов со строго определенными местами культа неизбежно вело к их дифференциации. Каждое божество принимало местный отпечаток, относительно своеобразный. Разумеется, Астарта оставалась все той же, почиталась ли она в Сидоне или Тире, но для тех, кто ей поклонялись, было вовсе не одно и то же, приносить ли жертву Астарте тирской или Астарте сидонской. Вообще тенденция к разграничению богов по местам их культов чаще всего наблюдалась в регионах, раздробленных на множество мелких государств, таких, как Финикия или доизраильская Палестина. Каждый из городов Ливана имел свой пантеон⁸⁶, отличный от других, даже если в него входили, по существу, те же самые боги. Самобытность культа вполне соответствовала политической и хозяйственной самостоятельности городов-государств.

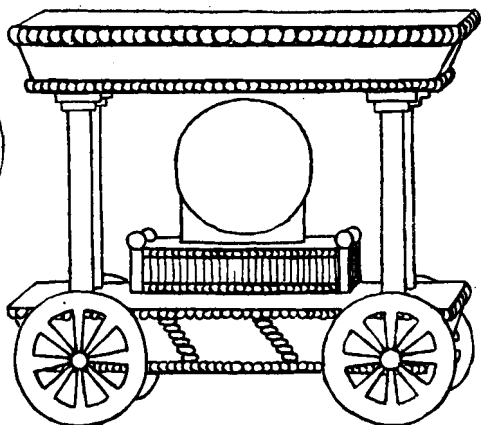
Местные формы культа давали не только возможность богам освоиться рядом с человеком, но и людям приблизиться к ним, особенно если боги были связаны с определенными доступными силами природы, как их

владыки или представители. Резиденцией морских богов было море, божества источников проявлялись в биении ключей, а могучие боги грома давали о себе знать на горах, окутанных тучами и молниями. Вообще человек воображал себя в горах особенно близким к миру богов. Поэтому исстари горы были особо почитаемым местом культа. Вот и в Ливане люди взбирались на горные кручи, чтобы принести дары богам, и в первую очередь владыке страны — Баалу ливанскому. Следы древних святилищ встречаются на многих заметных возвышениях нижней и средней террас. В доэллинистическое время эти культовые высоты отличались, как правило, предельной простотой, особенно если они находились вдали от жилья человека. Один высеченный в скале алтарь и несколько углублений для жертвенных возлияний — этого было достаточно. В большинстве случаев тут добавлялось еще священное дерево или роща, представлявшие богиню растительности. Иногда имелся грот, предназначенный, очевидно, для оракула.

Почитание владыки Ливана во многих священных, созданных самой природой местах среди его гор и лесов способствовало созданию местных образов Баала, хотя здесь дифференциация, пожалуй, не была столь значительной, как в городах-государствах. Во всяком случае, каждое святилище имело свою собственную историю, свою самобытную легенду, даже если они были всего лишь местными обиталищами того же самого Баала, который в Бейт-Мери почитался как Баал Маркод и в Баальбеке как Баал Бекаа.

Среди не очень многочисленных источников, дающих возможность составить представление о финикийской религии, особенно показательна надпись V в. до н. э. на саркофаге сидонского царя Эшмуназара. Она содержит отчет о правлении этого владыки, где, между прочим, говорится: «Я, Эшмуназар, царь сидонян... и моя мать Амаштарт, жрица Астарты, владычицы нашей... (мы те), кто строил храмы богам — храм Астарте в земле моря, Сидоне, и поселили там Астарту... И построили храм Эшмуну, святилище Ен Йидлал на горе и поселили его (там)... И мы построили храмы для богов сидонян в Сидоне, земле моря, один храм Баалу Сидона и один храм „Астарте, имя Баала”»⁸⁷.

Главное место среди божеств сидонского пантеона

Священная тележка Астарты сидонской. Изображение на медной монете Юли Паулы, первой жены Элагабала; 219/220 г. н. э.

занимала богиня Астарта. Ее храм назван первым, как важнейшее святилище. Было и еще одно место, связанное с ее культом, тоже в «Сидоне, земле моря», под которым предположительно подразумевали центральную часть города, выходящую к гавани. Этот храм был посвящен особой ипостаси богини, тесно связанной с Баалом, главным мужским богом Сидона. Астарта сидонская, как и богини-сестры, Астарта тирская и Баалат библьская, считалась богиней плодородия. Обычно и в Тире и в Сидоне ее чтили в виде камня самой различной формы. Монеты из Сидона римского времени изображают, какой была повозка для торжественных процессий с тронем Астарты, на сиденье которого находился камень. По археологическим раскопкам известно, что подобные троны из камня были прежде всего в Сидоне, а также в Тире и Библе. Обнаружено еще, что камни, олицетворявшие Астарту, хранились в культовых шкафах. Античные авторы называли эти камни, слегка изменяя на греческий манер соответствующее семитское словосочетание «байтилии» («обиталища бога») ⁸⁸. Вероятно, речь шла о метеоритах. Ученый Филон Библский (47—117) ⁸⁹ упоминает в своем греческом переводе финикийской истории упавший с неба камень, который

нашла Астарта и посвятила его тирскому храму, в качестве культового объекта. Историк христианской церкви Созомен из Газы (ум. после 443 г. н. э.) тоже знал подобную легенду. Согласно этой легенде, метеорит, упавший в р. Адонис, возвещал ежегодное пришествие Астарты и вместе с ним начало культового праздника в честь библской богини плодородия в Афке.

Эшмуназар в своей надписи особое внимание уделяет культу бога Эшмуна. Его храм находился за городом, у источника Йидлал. Развалины его были открыты в 1901 г. в местечке, ныне называемом Бостан эш-Шейх («сад Шейха»), в 6 км от древнего Сидона. Вот уже несколько лет эти места вновь являются объектом обширных раскопок под руководством М. Дюнана⁹⁰. Правда, найденные уже во время археологических исследований 1901—1904 гг. строительные надписи, составленные в двух различных редакциях, называют инициатором строительства Бодастарта, преемника Эшмуназара, следовательно, Эшмуназар мог лишь проводить ремонтные работы на более древнем сооружении.

Храм был построен по своеобразному замыслу. Хотя от него остались лишь незначительные развалины, видно, что он занимал господствующее положение, возвышаясь на левом берегу Эль-Авали. Крутой откос к долине реки, начинающийся сразу у северной стороны храма, разделен террасами, частично вырубленными в скалах самого склона, а частично в виде насыпей, сооруженных позади мощных стен из выпуклых каменных блоков. У подножия склона находились более мелкие культовые сооружения, представляющие собой персидский образец. Древнейшее из этих святилищ — тщательно выложенный из камней бассейн с изображением в центре божества на постаменте кубической формы — имеет все признаки культового сооружения у священного источника. Правда, вода должна была отводиться сюда от бьющего с силой родника в горах выше храмового участка, который Эшмуназар называет «Ен (источник) Йидлал на горе». Основная же масса его воды поступала в Сидон по подземному каналу, который частично используют еще и в наши дни. Остатки свинцовых водопроводных труб античной эпохи на территории, занятой храмом, свидетельствуют о существовании здесь сложной распределительной системы, к которой были подключены здания,

похожие на виллы, расположенные на плоском участке перед каскадом террас. Прекрасные мозаичные полы эллинистическо-византийского времени придавали этим строениям нарядный, веселый вид. Кажется, здесь гармонически сочетались место отправления культа и место врачевания, что обычно было характерно только для святилищ Асклепия в странах, куда проникала греческая культура. Да и сам Эшмун фактически отождествлялся с Асклепием, греческим богом-целителем. Одна из найденных в Бостан эш-Шейх посвященных надписей от первой половины II в. до н. э. его так и называет. Географ Страбон знал о роще Асклепия, которая находилась между Беритом и Сидоном. Антоний Плацентий в своем путеводителе VI в. н. э. упоминает р. Асклепий вблизи Сидона. Отождествление Эшмуна с Асклепием предполагает наличие у обоих божеств сходных функций. Действительно, на особенность Эшмуна как бога-целителя указывают даже имена собственные, в которые составной частью входило его имя: Эшмуназар («Эшмун помог»), Эшмунхалас («Эшмун спас»), Эшмунамас («Эшмун выходил») и т. п.

Эшмуна почитали и как бога растительности. Этой функции особенно соответствовало местонахождение святилища у источника, чья вода несла живительную силу садам Сидона и самому городу. В пантеоне Берита Эшмун также играл заметную роль. Меньше значения придавали ему в Тире, а в финикийских колониях он опять-таки пользовался большой популярностью.

По сравнению с Астартой, Баалом и Эшмуном прочие боги сидонского пантеона занимали второстепенное положение, хотя, само собой разумеется, им также воздавали должное. Во главе богов, культ которых был распространен, в Тире, так же как и в Сидоне, стояла триада. Там доминировало мужское божество Мелькарт, т. е. Баал Тира. Само имя бога указывает на его функции. Мелькарт в переводе с финикийского означает «царь города»⁹¹. На стеле, посвященной ему царем Бархададом, он явно несет функции бога грозы. Мелькарт — это также местное воплощение Баала ливанского, которое, однако, с течением времени восприняло различные другие атрибуты. В отдельных случаях он почитался и как бог мореходов. Еще более заметны в нем новые черты, характерные для божества Солнца.

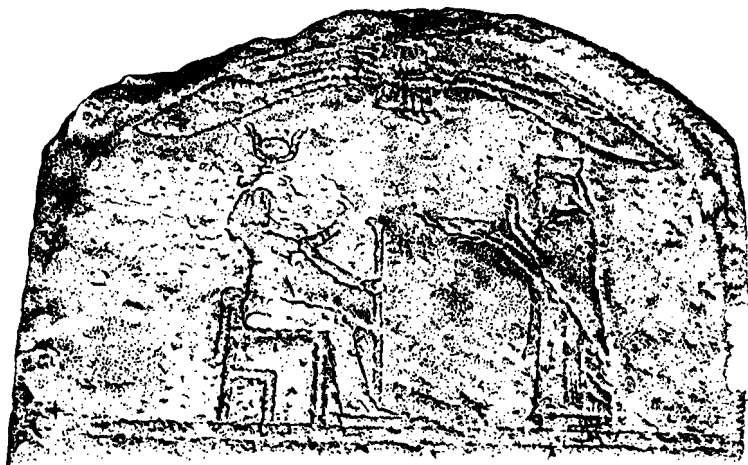
Культовое место Тира. Монета III в.
н. э.; диаметр около 3 см

Можно предположить, что тесная связь Мелькарта с Солнцем стала поводом для отождествления его с Гераклом. Краткое описание храма Мелькарта (Геракла) в Тире дает Геродот: «Я видел это святилище, богато украшенное... Среди прочих посвященных приношений в нем было два столпа, один из чистого золота, а другой из смарагда, ярко сиявшего ночью»⁹². Оба «столпа» были важными элементами культа Мелькарта. Их потом изображали и на монетах римской эпохи вместе со священной оливой и алтарем для воскурений.

О функциях трех главных богов Тира мы в обобщенной форме узнаем из договора между царем Ассирии Асархаддоном (680—669) и царем Тира Баалом, где боги обеих сторон приводятся в качестве гарантов. Судя по этому договору, Мелькарт и Эшмун покровительствовали процветанию города, в то время как Астарта выступает как богиня войны, т. е. обращено внимание на негативную сторону деятельности богини плодородия. Там, где договор касается морского права, названы имена трех богов, ведающих мореплаванием: Баал Шамин, Баал Малаг и Баал Цафон. В случае нарушения договора тирийцами эти боги «да поднимут свирепый ветер на их корабли. Да лишат их снастей, вырвут их якоря, а их самих потопят в море великой волной потопа». Имя Баала Шамина, или Шамема, означает «владыка неба», которому подвластны звезды, но также и буря, молния и дождь. Широко известен и Баал Цафон, «хозяин севера». Его местом пребывания считалась гора к северу от Угарита (ныне Эль-Акрад) — важный береговой ориентир мореходов. От этой горы культ Цафона распространился по сирийско-палестинскому побережью до самого Египта.

Баал Шамем играл крупную роль и в культе Библа. Он стоял во главе пантеона вместе с Баалат. «Да продлят Баал Шамем и Баалат (владычица) Библа и все собрание священных богов дни Иехимилька и годы его

Рельеф стелы царя Библа Иехамилька (V—IV в. до н. э.). Изображена Баалат из Библа в стиле египетской Хатхор; царь же, приносящий ей жертву, представлен в персидском одеянии

(владычества) над Библом», — говорится в строительной надписи царя Иехимилька, правившего в середине X в. до н. э.

То, что Баал Шамем стоял во главе библского сонма богов, как раз свидетельствует о его функциях божества бури и неба, которое восседает над кедровыми лесами Библа, столь важными для этого города. Это уже библский вариант Баала ливанского. На его значение указывают также часто встречающиеся собственные имена владык города, образованные путем добавления имени бога «баал». Тем не менее роль Баалат Библа, повелительницы этого города, была еще значительнее. По надписи на известняковой стеле царя Иехавмилька, сына Иахар-Баала (IV в. до н. э.), она «повелительница», которая Иехавмилька «сделала царем над Библом».

По-видимому, и в Библи во главе пантеона также стояла триада богов. Возможно, этому соответствуют три колоссальные фигуры каких-то божеств, сохранившиеся среди руин храма Баалат периода ранней бронзы. Их удивительно грубые, архаичные изображения, прав-

да, не позволяют надежно отождествить обоих мужских божеств этой триады. Но по надписям установлено, что третьим великим божеством в Библие периода бронзы наряду с Баалат и Баалом был Решеп. Это бог войны, владыка подземного царства, насылающий эпидемии, чья власть распространялась и на территорию Сирии. В известных надписях библских царей I тысячелетия до н. э. Решеп не встречается (что, правда, может быть простой случайностью). Между тем надгробная надпись 500 г. до н. э. сына царя Шифит-Баала помимо Баала Шамема и Баалат третьим главным богом называет некоего Баала Адир. Об этом Баале, о том, какой бог мог скрываться под этим эпитетом, мы ничего не знаем, кроме того, что ему поклонялись в финикийских колониях, однако данные археологического осмотра храма Решепа в Библие говорят о постоянном почитании здесь Решепа, вплоть до возникновения христианства.

Воздвигнутое к началу II тысячелетия до н. э. новое святилище Решепа принадлежало к типу храмов под открытым небом, распространенных в прибрежных районах Передней Азии. В центре священного участка, окруженного стенами и помещениями меньшего размера, возвышалось не культовое здание, а только священный камень на широком постаменте. Вокруг него стояло большое количество стел из известняка или из песчаника. Их обычно посвящали божествам, когда обращались к ним с просьбами или благодарили. Глубокие следы выветривания на этих стелах дают право предполагать, что многие века простояли они под открытым небом, подвергаясь воздействию ветров и ливней. Это соответствует и данным, полученным при раскопках. Судя по ним, храм Решепа периода средней бронзы функционировал без значительных перестроек вплоть до эллинистического времени. Только в эпоху римского господства на его месте возвели более обширный храмовый комплекс, о котором свидетельствуют лишь незначительные остатки, найденные археологами. Легко предположить, что этот римский вариант, подобно древнему храму Решепа, был выполнен как открытое святилище со священным камнем в качестве культового объекта. Подлинное представление о том, как выглядело святилище, возведенное, очевидно, в строительных традициях храма Решепа периода бронзы, дает изображение на библской

монете времени императора Макрина (217—218). Разумеется, на монете воспроизведена лишь главная часть святилища. Поскольку же храм Баалат известен по другим монетам, а культ священного камня никоим образом не имел отношения к Баалу

Шамему, то в данном случае речь может идти только о новом святилище на месте древнего храма Решепа, которое наверняка было посвящено этому же богу.

Обращает на себя внимание удлинённая коническая форма стел во дворе храма Решепа периода бронзы, из-за которой святилище называли «храмом обелисков». Такое название уместно, если эти монументы имели то же значение, что и символ в египетском культе Солнца, который греки называли обелискос (вертелок). Атрибуты бога Солнца, особенно характерные для высоко стоящего летнего светила как ипостаси этого божества, также подтверждают, что святилище было посвящено Решепу. Само устройство храма напоминает святилища Солнца периода V египетской династии. Наконец, отождествление Решепа начиная с эпохи эллинизма с греческим Аполлоном доказывает, что он был одновременно и богом Солнца, и божеством, навлекающим болезни. Поэтому библский «храм обелисков» римского времени мог быть посвящён и Аполлону как преемнику древнего Решепа.

Особой популярностью в Библие пользовался культ Адониса (Адона), хотя в пантеоне этого города он и не занимал значительного места. Правда, о его почитании в Библие имеются упоминания лишь со II в. н. э. Вообще Адонис — это юный бог, хотя он и относится к древнейшему типу божеств, олицетворявших пробуждение и увядание природы. Самые ранние свидетельства поклонения Адонису дошли до нас от греческого мира из V в. до н. э. Однако его семитское происхождение не подлежит сомнению. Имя Адон, «господин», западносемитское. Библский миф об Адонисе, как его передают античные писатели, имеет в основе весьма несложный сюжет: юный

охотник Адонис любит богиню Афродиту, в которой легко можно узнать финикийскую Астарту в библском варианте. Воинственный бог Арес — безусловно, библский Решеф, но только в греческих доспехах — из ревности подсылает дикого вепря, чтобы тот убил Адониса на охоте. Этот замысел бога преисподней осуществляется: тяжело раненный Адонис, шатаясь, добрал до грота, где обычно встречался с Афродитой-Астартой, и умер у нее на руках. Богиня спешит в подземное царство, чтобы вернуть к жизни своего возлюбленного, но Персефона, владычица обители мертвых, разрешает возвращаться ему на землю лишь на третью часть каждого года. В этом последнем обстоятельстве выражено существо Адониса как бога растительности, который ежегодно живет лишь в период вегетации растений, умирает на закате лета, а весной пробуждается вновь.

Мифу об Адонисе присуща тесная связь с р. Ибрахим, которая вплоть до раннего средневековья носила имя Адониса. Огромный грот, в котором выходит на поверхность источник, рождающий Ибрахим у Афки, люди считали той пещерой, в которой умер от ран Адонис. А периодически возникавшее покраснение воды в этой реке, вызываемое смытым краснотелом, объясняли появлением в ней крови убитого бога. Культ Адониса и в римское время был сосредоточен главным образом в священных местах долины Ибрахим. Кульминацией культовых праздников был плач по Адонису в конце лета. Процесии паломников тянулись в эти дни к Афке. Поскольку нужно было пройти почти 50 км, то путь состоял по меньшей мере из трех однодневных переходов. В первый день, двигаясь из Библа вдоль Вади Фидар, вероятно, шли до плато, которое ныне называется «Ипподром на скале». Здесь еще и сегодня находятся реставрированные остатки небольшого жертвенника, похожего на маленький храм, посреди обширного двора (0,5 га), на котором проходили многолюдные праздничные сходы. А ниже этого плато еще можно различить места, где жили служители культа и паломники.

Путь второго дня был короче и заканчивался возле храма в Иануа. Вероятно, этот храм, величественные остатки которого раскопаны, был посвящен специально Адонису. На это указывает его более позднее использование в качестве часовни, посвященной Джурджос азрак

(«голубому св. Георгию»). Третий день пути через каких-нибудь 12 км приводил наконец к священному гроту в Афке и к храму Астарты-Афродиты. Здесь же находилась и священная роща, остатки которой до сих пор являются предметом народного поклонения.

Греческому историку Зосиму (около 500 г. н. э.) было известно и об одном озере, в которое паломники бросали свои дары, особенно статуэтки богини из бронзы, покрытой серебром или золотом. Если богиня отвергала подношение такой жертвы, то статуэтка, несмотря на свой вес, оставалась на поверхности озера. Это странное явление не вяжется с Афкой. Видимо, здесь путаница с озером Иаммунэ, расположенным по ту сторону гребня хребта. На его берегу также был храм Астарты, нижние ряды каменных стен которого еще сохранились. Озеро Иаммунэ весной быстро наполняют многочисленные источники. Самый значительный из них Набаа аль-Арбаин — «Источник сорока» (святых мучеников). Он выбрасывает воду с такой силой, что даже тяжелые предметы не могут в нем потонуть.

Наивное представление о том, что источники Афки соединялись под землей с Иаммунэ, отразилось также и в легенде, связанной с историей храма Иаммунэ. Согласно этой легенде, Афродита, чтобы убежать от чудовища Тифона по таинственному водному пути под землей из Афки в Иаммунэ, превратилась в рыбу. Между этими святилищами существовали также и культовые связи. Дорога процессий в Афку находила себе удобное продолжение на Иаммунэ там, где гребень хребта не был труден для перевала.

Культовое значение долины Адониса имело и свою хозяйственную подоплеку. Река создавала удобные подходы к кедровым лесам в горных местах за Библом. Но прежде всего нужно отметить роль источника в Афке в снабжении водой города. Правда, вплоть до эпохи эллинизма Библу хватало источника в центре города, к глубинам которого вела огромная шахта. Но для покрытия растущих потребностей в римское время пришлось воспользоваться водой р. Адонис — этого единственного источника в ближних окрестностях Библа, не пересыхавшего даже летом. На некотором расстоянии от устья этой реки от нее ответвлялся канал, который по южному, менее крутому склону долины с небольшим уклоном

вел в сторону устья. Примерно в 5 км от него через р. Адонис (Ибрахим) был переброшен мощный акведук, имевший достаточный уклон, чтобы заставить живительную влагу по закрытому каналу течь в город.

Правда, божеством источников Адонис не был. Их покровительницей считалась Баалат Библа. Ей были посвящены храмы и в Афке и в Иаммунэ. Соответственно этому рядом с главным святилищем богини в самом городе находились уже упомянутый источник и маленькое священное озеро. Согласно культу, как и мифическому сюжету, Адониса и Астарту связывали лишь свободные отношения возлюбленных. Адонис — не Баал. Он ничем не владеет. Он лишь вечное возрождение и увядание в природе. По-видимому, первоначально Адонис был собственно божеством деревьев. Это соответствует его взаимоотношениям с богиней г. Библа, владычицей кедровых лесов. Функции бога деревьев свойственны также и египетскому Осирису, культ которого издревле был связан с Библом. Лукиан и позднейшие авторы решительно отождествляют Адониса с Осирисом. В частности, можно найти различные элементы в почитании Адониса, восходящие к египетскому культу Осириса, а Баалат Библа отождествляется с египетской богиней Хатхор. На стеле Иехавмилька она показана в известном из Египта традиционном образе Хатхор. И расположением рядом со священным озером храм Баалат, по-видимому, также следовал египетскому образцу. О конкретных связях между культом Адониса в Александрии и Библе сообщает также один из отцов христианства — Кирилл Александрийский (ум. в 444 г. н. э.). Женщины Александрии ежегодно посылали в Библ письмо с сообщением о том, что исчезнувший Адонис нашелся, после чего траурные обряды в Библе прекращались.

В изображении поэта Феокрита, который в 270 г. до н. э. временно жил при дворе Птолемея II в Египте, александрийские празднества Адониса состояли из театрализованного представления мифа об Адонисе, в котором участвовали актеры и певцы. К подножию осеннего листвою престола, на котором можно было видеть возлюбленную пару богов, несли богатые дары: цветы, фрукты, пряности и хлебы, выпеченные в виде различных фигурок животных. На следующий день Адониса под траурное пение символически предавали

морю, которое являло собой как бы преддверие подземного царства.

Милостив будь к нам, Адонис, в грядущем году благосклонен.
Дорог приход твой нам был, будет дорог, когда ты вернешься⁹³.

Погружение Адониса в морскую пучину в Александрии, напоминающее миф об Осирисе, происходило и в библском культе Адониса. Река Адонис несла кровь убитого бога в море, а «Адонисовы садики» — глиняные чаши с посаженными в них цветами, выросшими, как считалось, на крови Адониса, бросали в море.

В других городах Ливана с культом богов обстояло примерно так же, как в Сидоне, Тире и Библе. Но нужно сказать и еще об одной фигуре, достойной упоминания, — о Баале-Хаммоне, с которым был связан ужасный обычай приносить в жертву детей⁹⁴. У нас нет сведений о его почитании в финикийской метрополии, но в африканских и сицилийских колониях он являлся верховным божеством мужского пола. Там было обнаружено несколько жертвенных мест, называвшихся «Топет», рядом с которыми находились большие детские кладбища, так что в реальности этого культового обряда сомневаться не приходится. И если нет вещественных доказательств поклонения Баалу-Хаммону в самой Финикии, все же родиной его была сирийско-финикийская область. Самое древнее упоминание о нем находят в финикийской надписи из Самая (ныне Зенджирли) от 825 г. до н. э. Принесение в жертву детей в случаях крайней необходимости засвидетельствовано в соседних с Финикией Моаве, Израиле и Араме, так что с подобным видом жертвоприношения финикийцы были знакомы и, пожалуй, могли к ним прибегать и сами. В пользу такого предположения говорит одно замечание из перевода Филона Библского финикийской истории Санхуниатона, по которому бог Кронос (=Эл) в случае особой необходимости принес в жертву Урану своего первенца. Согласно сведениям римского историка Квинта Курция Руфа, тирийцы во время осады города Александром Великим якобы хотели совершить «жертву Сатурна» (=Кроноса). Очевидно, эта самая тяжелая жертва, какую мог потребовать от человека финикийский мир богов, во многом выглядевший приветливым и дружелюбным, несмотря на отчаянное положение осажденного города, все же не была осуществлена.

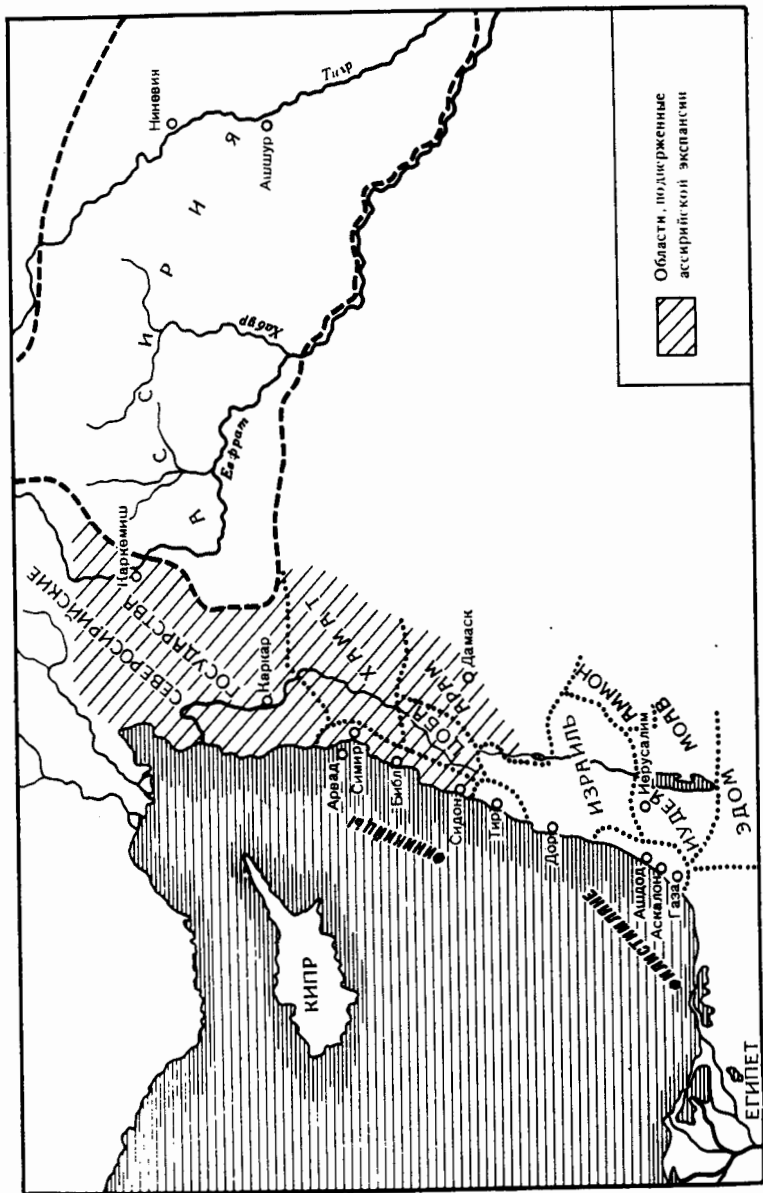
Между великими державами

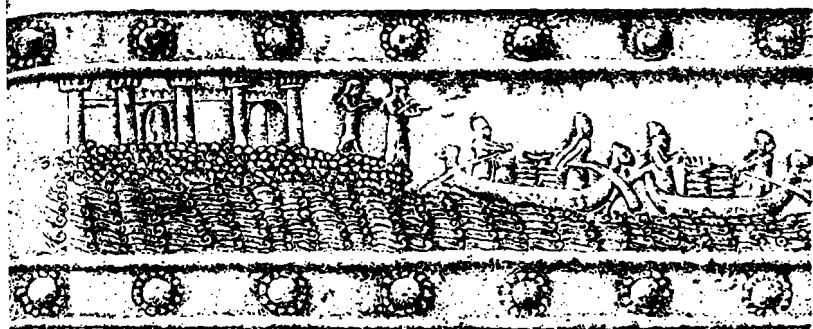
На мою боевую колесницу высокую, ниспровергающую супостата, в ярости сердца своего я вошел поспешно.

*Синаххериб. Призма Тейлора. V, 56 и сл.**

Около 900 г. до н. э. наметился поворот в соотношении сил государств Передней Азии. В Междуречье Адад-нерари II (911—891) и его преемники постепенно добились того, что Ассирия взяла перевес над своими соседями. Это вызвало длинный ряд почти ежегодно предпринимавшихся походов, которые поначалу служили только для обеспечения безопасности границ. Затем уже ассирийцы принялись покорять соседние страны. При чем территориальным захватам предшествовали ограбления чужих земель путем разбойничьих набегов и обложении регулярно требуемой дани. Наконец, давние притязания месопотамских владык на господство от «верхнего» до «нижнего» моря в известной мере обрели реальность.

Первый сирийский поход царя Ашшурнацирапала II в 877 г. до н. э., состоявшийся спустя более двухсот лет после последней операции подобного рода при Тиглатпаласаре I, был успешен. Серьезного сопротивления Ашшурнацирапал не встретил. Финикийские города смогли удовлетворить его выплатой дани. Однако, когда в последующие годы Ашшурнацирапал занимался преимущественно внутренними делами своего государства, средиземноморские страны получили передышку, которой не преминули воспользоваться. Его преемник Салманасар III (858—824), совершивший за 35 лет своего правления 31 поход, натолкнулся на вооруженного противника. Когда в 853 г. до н. э. он собрался вторгнуться во внутренние области Сирии, на среднем течении Оронта, ему заступило путь объединенное войско «двенадцати царей морского побережья». По надписям ассирий-

Дань города Тира Салманасару III. Бронзовый рельеф

ского царя⁹⁶, столкновение с этим войском численностью в 80 тыс. человек привело к сокрушительному поражению врагов Ассирии. Число убитых было якобы так велико, что Салманасар «перешел через Оронт по трупам, как по мосту». Но фактически битва у крепости Каркар кончилась для Салманасара неблагоприятно. О дальнейшем наступлении в надписях царя речь уже не идет, а сообщается лишь о переходе на лодках к Средиземному морю. Финикийское участие в победоносном объединении было довольно скромным. Выступили только два самых северных и потому наиболее подверженных ассирийской угрозе города-государства — Иркапати с удивительно большим числом пеших воинов (10 тыс.) и Арвад, видимо, из-за своего островного положения, приславший едва ли более чем чисто символическую военную силу — 200 человек.

Салманасар III повторил свои сирийские походы в 849, 848 и 845 гг. до н. э., причем с еще меньшим успехом. Однако в 841 г. его войско впервые достигло юга ливанской береговой равнины, о чем свидетельствуют древнейшие ассирийские надписи на Эль-Кельб. Тир и Сидон поторопились уплатить дань. Благодаря принесенным жертвам финикийские города избежали опустошения и во время сирийских походов 838, 810 и 806 гг. до н. э.

Итак, политика формального покорения и обложения данью себя вполне оправдывала, тем более если

учитывать, что Ассирия не была в состоянии совершать бесконечные вторжения в Сирию. К началу же VIII в. до н. э. волнения в самой Ассирии привели ее к серьезному кризису. В результате этого кризиса прекратились сирийские походы, а царство Урарту возвысилось до великой державы, чьи вассалы и союзники занимали теперь территорию от Северной Сирии до Ирана. Тиглатпаласару III (744—727) с большим напряжением удалось разгромить это враждебное окружение. В данной ситуации древняя практика ежегодных грабительских набегов не годилась, поскольку в них участвовало войско, создававшееся всякий раз заново после окончания уборки урожая из земледельцев и рабов, занятых в сельском хозяйстве. Тиглатпаласар ввел постоянное войско профессиональных воинов и наемников, сплоченность которого обеспечивали строгая дисциплина и виды на богатую добычу. Новая организация войска позволяла длительное время держать в покоренных областях гарнизоны захватчиков и представителей ассирийской администрации. Но и здесь, как правило, был в ходу уже испытанный способ насаждения зависимых царьков с постоянным обязательством платить дань.

К финикийским городам-государствам ассирийцы относились более великодушно, чем к своим соседям, не имевшим выхода к морю. Если финикийцы сохраняли относительную свободу в торговле, то, надо полагать, это было в интересах самой Ассирии, чья заморская торговля издавна использовала связи финикийских купцов. И в дальнейшем при всех действиях на море, начиная с экспедиции в Эгейском бассейне и покорения Кипра в первый год правления Саргона II (721—705), ассирийцы были вынуждены прибегать к помощи финикийского флота. Некоторое представление о торгово-экономических возможностях финикийских городов-государств в ранний период ассирийского господства дает обнаруженное при раскопках в Нимруде (близ Мосула) послание ассирийского сановника по имени Курди-Ашшур-Ламур, который, вероятно, обладал правом надзора на территории Ливана при Тиглатпаласаре III. Судя по этому письму, торговая деятельность царя Тира не знала ограничений: «Его слуги входят в торговые дома по своему выбору, и выходят из них, и покупают, и продают». Соответствующие права были у Тира и на эксплуатацию

своих лесов. Правда, на месте погрузки древесины нужно было платить немалую мзду ассирийским фискальным чиновникам.

Курди-Ашшур-Ламур докладывает, что сидонцы прогнали сборщиков налогов. Однако, применив оружие, эти чиновники вскоре опять приступили к исполнению своих обязанностей. Сидонцы также беспрепятственно эксплуатировали свои леса, поскольку запрет на торговлю лесом распространялся лишь на Египет и города филистимлян. Словом, положение финикийских городов в Ассирийской державе не было таким уже тяжелым. Богатство гордого Тира, которое примерно в 585 г. до н. э. с восхищением описывает Иезекииль (XXVI, 2 и сл.), не могло быть составлено только после окончания ассирийского господства.

Процветание финикийской торговли и, несмотря на высокие налоги, рост благосостояния городских правителей и крупных торговцев не могли затушевывать утрату былой независимости. И, конечно, продолжавшие существовать малые государства Сирии и Палестины были не в состоянии вести борьбу за свободу без поддержки какой-либо великой державы. На Египет, правда, надежды было мало. В период двухсотлетнего господства XXII и XXIII династий, фараоны которых происходили из египетизированных вождей ливийских наемников, страна на Ниле слабела от утраты центральной власти, что отразилось и на внешней политике. Реальные надежды на египетскую поддержку возникли при владыках XXV (эфиопской) династии, которые захватили власть примерно в 715 г. до н. э. и сразу же стали проводить активную антиассирийскую политику в Азии. Из изречений пророка Исаии мы узнаем о посольстве эфиопов в Иерусалим (Исаия. XVIII). Подобные же отношения могли быть завязаны и с финикийскими городами. В период неурядиц после смерти Саргона II в 705 г. до н. э., казалось, представился случай сбросить ассирийское иго. Успех обещало прежде всего отпадение Вавилонии от Ассирии. Ее возвращение имело для ассирийцев гораздо большее значение, чем сохранение господства на средиземноморском побережье. Послы вавилонского царя Мардукаплаиддина (Меродах-Баладана) прибыли в Иерусалим, чтобы договориться с Хизкией (Езекией), царем Иудеи, организатором восстания. Ра-

зумеется, в этой обстановке Тир решился принять участие в восстании и снова забрать под свой контроль кипрский Китион, отторгнутый в свое время от тирских владений Саргоном II. Вопреки ожиданию мятежников Синаххериб ассирийский (704—681) оказался в состоянии предпринять поход в Сирию уже в 701 г. до н. э. Договорных совместных военных действий со стороны союзников дело не дошло. Синаххериб разделался с противниками поодиночке. Элугли (Лули), царь Тира, принял на себя первый удар. Видимо, он ожидал, что сопротивление ассирийскому натиску начнется в Сидоне, на севере подвластной ему области. Но сидонцы не стали бороться за интересы Тира, их больше устраивало освобождение от тирской гегемонии. В результате Элугли бежал и пытался спастись в Китионе на Кипре. Сидон и другие подконтрольные Тиру города, а также Арвад и Библ покорились без сопротивления. Синаххериб, наведя порядок в Южной Финикии, задержался там недолго. Туба'лу, царь Сидона, был провозглашен преемником Элугли и владыкой городов, ранее находившихся под контролем Тира. («И наложили на него подать и дань моего владычества, ежегодную, на все времена».)

Покорение островного города, продолжавшего сопротивляться, Синаххериб предоставил своим финикийским вассалам. На 60 судах пытались они взять его, но были разбиты всего лишь 12 тирскими кораблями. Когда после восстановления ассирийского порядка в Палестине и победы над египетским войском Синаххериб вернулся назад, он обложил город тесным кольцом блокады. Пять лет держались тирийцы, пока не сдались, должно быть, на сносных условиях.

По иронии судьбы 20 лет спустя преемник Туба'лу — сидонский царь Абдимилькутти допустил ту же ошибку, что и Элугли тирский. Нельзя сказать, чтобы ситуация и на этот раз не была благоприятной для восстания. После убийства Синаххериба самому младшему из его сыновей, Асархаддону (680—669), еще предстояло бороться со своими братьями за трон, и было неясно, добьется ли своего юный претендент. На этот раз союзников искали и нашли на севере, в Киликии. Правда, на прекращение уплаты дани Асархаддон, быстро укрепивший свою власть, отреагировал только в 677 г. до н. э., но зато сделал это в Финикии с невиданной дотоле

жестокостью: «Сидон, укрепленный город, стоящий посреди моря, я сровнял с землей. Я снес его стены и дома и сбросил их в море...

Повелением оракула Ашшура, моего владыки, выловил я из воды, как рыбу, Абдимилькутти, царя его, бежавшего от моего оружия в море, и отрубил ему голову. Его жену, сыновей и дочерей, его придворных, золото, серебро, дорогие вещи, драгоценные камни, одежды из цветных шерстяных и льняных тканей, слоновую кожу и кость, эбеновое дерево и самшит — все, что было ценного в его дворце, в огромном количестве унес я оттуда. В Ассирию угнал я его подданных, которым не было числа, а также быков, мелкий скот и ослов».

Вблизи разрушенного Сидона был основан новый город. Он получил имя победоносного царя ассирийцев и был заселен жителями морского побережья, а также переселенцами из дальних мест Ассирийской державы. Сидонская область была превращена в ассирийскую провинцию, подчиненную наместнику Асархаддона.

Тир, оставшись на этот раз верным Ассирии, выгадал. К его территории Асархаддон добавил Сарепту и еще один город. Договор, заключенный Асархаддоном с царем Тира Баалом, регулировал взаимоотношения Ассирийской державы с городом, ставшим теперь снова важнейшим пунктом торговли ассирийцев на финикийском побережье.

В сохранившейся части текста договора говорится прежде всего о функциях сидевшего в Тире ассирийского наместника. Этот чиновник имел право давать указания царю и старейшинам города. Письма Асархаддона к царю Тира можно было вскрывать и читать только в присутствии наместника. Эта мудрая мера препятствовала той двойственности в управлении, которая несколькими столетиями раньше создавала трудности египтянам. Особенно интересна статья, похожая на положение морского права: «В случае, если судно Баала или (других) тирян потерпит крушение у филистимского берега или возле какой-либо иной ассирийской области, то все, что находится на судне, становится собственностью Асархаддона, царя Ашшура. Однако людей, которые на судне, никто не может тронуть». В этом предписании не следует усматривать чего-либо чрезвычайного. Оно соответствует бытовавшим вплоть до прошлого века

всеобщим правовым положениям о судьбе грузов на судах, терпящих бедствие у берегов.

Прочие правила касаются гаваней, открытых для сообщения с Тиром, и порядка поселения представителей г. Тира в этих гаванях. В целом договор предоставлял Тиру в морской торговле благоприятствование, что в итоге отвечало также и ассирийским интересам. Правда, в политическом отношении содержание договора было менее позитивным. Он закреплял потерю бывших до 701 г. до н. э. под контролем Тира прибрежных областей, за исключением маленького анклава под Сарептой. Поэтому Баал вскоре попытался поднять восстание и с помощью Египта вернуть утраченное. Асархаддон сообщает об этом в связи со своим походом в 671 г. до н. э.: «Я возвел земляные валы для осады Баала, царя Тира, который доверился Тирхаке (Тахарке), царю Нубии». Но до настоящей осады островного города дело не дошло. Асархаддон двинулся форсированным маршем дальше и за короткий срок покорил Египет. Для обеспечения безопасности своих владений и отправки огромной добычи Асархаддону опять-таки нужен был тирский флот. Словом, противники быстро пришли к взаимному согласию. Баал остался царем, уплатил дань и вынужден был отказаться от остатков своих владений на материке.

С этого времени Финикия почти полностью перешла под непосредственное управление ассирийской администрации. Как владение Ассирии, она была разделена на три провинции, наместники которых имели резиденции в Симири, во вновь основанном «Асархаддонграде» близ Сидона и в Ушу, материковой части Тира. Самоуправление еще сохраняли лишь неприступные островные города Арвад и Тир, а также Библ, чьи правители благоразумно держались подальше от всех антиассирийских заговоров. Немного позднее мы встречаем Баала тирского вместе с царями Арвада и Библа среди 32 зависимых правителей «Морского побережья, середины моря и материка», которые на суше и на море поддерживали поход Ашшурбанапала (668—635/27) против вновь вторгшегося в Египет Тахарки.

Мы не знаем, что побудило Баала в 665 г. до н. э. сделать еще одну, последнюю попытку поднять восстание против Ассирии. Ашшурбанапал вменяет ему в вину

только то, что он якобы не соблюдал повеления «его царственности»⁹⁷. Возможно, повод для похода против Тира крылся в намерениях самого Ашшурбанапала, который задумал присоединить к своим провинциям еще имевшие относительную самостоятельность финикийские гавани. Это подтверждает его поход против Иакинлу, царя Арвада, «не покорявшегося царям, моим отцам». На закулисную сторону событий проливает свет письмо ассирийского наместника Итти-Шамаш-Балату в Сими-ре, в обязанности которого входил контроль над этим островным городом. Он горько жалуется на Иакинлу, который самостоятельно распоряжается в своей гавани и даже не боится уничтожать в пути суда, следующие в гавани Ассирии. А ассирийские чиновники действуют сообща с Иакинлу, занимаются незаконными сделками. Словом, у Тира, как и у Арвада, по-видимому, вряд ли были причины восставать, раз они могли, сохраняя благоразумие, обогащаться на сделках, связанных с египетской добычей. Так или иначе, оба города своевременно покорились, Баал уплатил дань и отправил в гарем ассирийского царя дочь и нескольких племянниц с богатым приданым. Правда, сына его, который до того никогда не покидал острова, Ашшурбанапал вернул назад.

Тем самым обстановка в Финикии стабилизировалась. Даже обретение свободы Египтом в 655 г. до н. э. при Псамметихе I, основателе XXVI династии, не могло склонить Тир и Арвад к новому отпадению от Ассирии. Известно лишь об отказе населения Ушу платить дань во время восстания, которое между 650 и 648 гг. до н. э. сотрясло державу Ашшурбанапала. По возвращении после усмирения арабов, которые принимали в нем участие, ассирийский царь учинил над жителями провинции Ушу строгий суд: «Их богов, их людей я увел в плен в страну Ашшур. Непокорных людей Акку я убил. Их трупы я развесил на кольях и окружил ими окрестности города. Оставленных (в живых) я забрал в страну Ашшур и... прибавил к моему многочисленному войску...»

Еще перед смертью Ашшурбанапала начинается закат Ассирии. Одной из причин его могло быть нашествие скифов, конные орды которых проникали до Финикии. Уже примерно в 626 г. до н. э. Иосия, царь Иудеи, смог уклониться от контроля Ассирии и присоединить к

своей территории часть ассирийской провинции Самария. Вавилония, преемник Ассирии в господстве над миром, начала освобождаться от гегемонии Ашшура. На переднем крае мировой политики произошла перегруппировка. Египет встал на сторону ослабленной Ассирии, чтобы активно вмешаться как раз тогда, когда ее уже нельзя было спасти, но легко было прибрать к рукам Сирию и Палестину. В 609 г. до н. э. войска фараона Нехо захватили Каркемиш. Азиатские владения Тутмоса III были восстановлены. Но у XXVI династии Египта все же не хватило сил удержать свое господство над такой обширной областью. Уже в 605 г. до н. э. Каркемиш, а немного позднее и весь прибрежный регион Передней Азии оказались в руках Нововавилонского царства. Но Египет пробудил в малых государствах, переживших ассирийские времена и попавших теперь под господство Вавилона, надежды на поддержку в деле освобождения. Представители государств Аммона, Моава, Эдома, Тира и Сидона собрались в 594 г. до н. э. в Иерусалиме. И все же на совместные внешнеполитические действия посланники не смогли решиться, тем более что отнюдь не разделяли стремлений Иудеи вернуть территории, потерянные после восстания в 598 г.

Пропагандистское значение имело паломничество, которое совершил Псамметих II со своими многочисленными жрецами (591 г. до н. э.) из Египта в Палестину, а возможно, и в Библ. Против визита на культовой основе нововавилонские власти не могли выставить серьезных возражений, хотя это должно было напомнить им о былых тесных связях Передней Азии со страной на Ниле. Когда в 588 г. до н. э. Седекия иудейский решил поднять восстание, ему помогал Египет. Но эта помощь была столь незначительной, что не могла воспрепятствовать падению Иудеи. По-видимому, египтяне имели некоторые успехи в войне на море, иначе было бы непонятно отпадение правителя Тира от Навуходоносора II, тем более что предостерегающий пример Иудеи еще живо напоминал о себе. Правда, Иезекииль все же объясняет это лишь наглой заносчивостью богатого Тира. Для него очевидно, что островной город не сможет выдержать приступ Навуходоносора. «И разобьют стены Тира и разрушат башни его; и вымету из него прах его и сделаю его голою скалою. Местом для

расстилая сеты будет он среди моря: ибо Я сказал это, говорит Господь Бог» (Иезекииль. XXVI, 4 и сл.). И все же Тир выдержал тринадцатилетнюю осаду (585—573), так что Иезекииль должен был, что называется, взять свое пророчество обратно: «Навуходоносор, царь Вавилонский, утомил свое войско большими работами при Тире; все головы оплели, все плеча стертые (от переноски земли в корзинах для осадных насыпей.— К.-Х. Б.), а ни ему, ни войску его нет вознаграждения от Тира за работы» (XXIX, 18). Но Тир, дешево отделавшись соглашением с Навуходоносором, все же утратил свою первую роль среди финикийских городов. Возродившийся и быстро растущий Сидон воспользовался упадком соперника. Дарий I (522—486) сделал Сидон центром одной из 20 сатрапий Персидской державы, после того как в 538 г. до н. э. переднеазиатский прибрежный район без борьбы достался Ахеменидам.

В результате экспансии великих держав Месопотамии финикийские города с середины VIII в. до н. э. не только утрачивают свою власть и богатства, но заколебалось и их монопольное положение в торговле на Средиземном море. Все больше давала себя знать конкуренция греков, создававших колонии по финикийскому образцу в первую очередь на греческом побережье, свободном от финикийских поселений, а также на берегах Черного моря. Позднее греки колонизовали Сицилию, а в 681 г. до н. э. Спарта основала Кирену, первое греческое поселение на африканском побережье⁹⁸. Вскоре это привело к вооруженным столкновениям. Попытка воспрепятствовать поселению в Массалии (ныне Марсель) ионийских фокейцев, этих наводивших ужас морских разбойников, окончилась в 600 г. до н. э. поражением карфагенян.

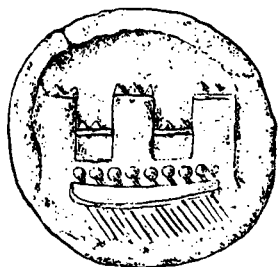
Между тем конкурентом продолжал выступать и Египет. Правда, Нехо (610—595) в первую очередь стремился пополнить военный флот, причем, что характерно, знаменитыми триерами греческого образца, для обеспечения своих завоеваний в Передней Азии. С захватом Кипра фараоном Амасисом (570—526) значительная часть морской торговли хотя и на время попала под египетский контроль. Но в VI в. до н. э. в борьбу за господство на Средиземном море вступил и Рим. На первых порах это привело к признанию Римом на дого-

ворной основе господства Карфагена в западной части Средиземного моря и к урегулированию правил для римлян, попавших туда в случае опасности: «Римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса (*Promunturium Pulchrum*, мыс Фарина, западнее Карфагена), разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы»⁹⁹.

Возвышение империи Ахеменидов дало финикийским городам востока обоснованную надежду ограничить греческую и египетскую конкуренцию, хотя бы в той мере, в какой Карфагену удалось это сделать на западе в отношении Рима. Кир II уже в 546 г. до н. э. завоевал почти всю Малую Азию и часть островов Эгейского бассейна. Возникла новая мировая держава, которая с первых шагов же все дальше стала продвигать свои границы в глубь областей распространения греческой культуры.

Такое направление персидской экспансии могло быть для финикийцев только желанным. Для дальнейшего проникновения на запад лишь они были в состоянии предоставить персам сильный флот и поэтому, со своей стороны, могли рассчитывать с помощью новой мировой державы вновь достигнуть главенства в торговле на Средиземном море. Общность интересов персов и финикийцев обнаружилась сразу. Уже в 525 г. до н. э. Камбиз, преемник Кира II, завоевал при поддержке финикийского флота Кипр, Египет и Ливию, включая североафриканские греческие колонии. При Дарии I с 517 г. до н. э. последовал захват Македонии и Фракии вплоть до Дуная. Параллельно этому шло возвышение финикийских городов. Сидон сделался не только административным центром пятой сатрапии, чья территория простерлась от границы Египта до Тигра; вместе с Арвадом, Библом и Тиром он получил еще и право на самоуправление. Тиру вернули его владения на материке от Сарепты до Кармея и добавили к ним Аскалон. Главная часть филистимской приморской равнины отошла к Сидону: «Владыка царей дал нам Дор и Яффу, богатые зерном земли, которые на поле Шарона, за великие деяния, которые я совершил», — сообщает Эшмуназар. «И

Городские стены Сидона. Сидонская монета; вторая половина V в. до н.э.

мы присоединили их к пределам страны, чтобы они принадлежали сидонцам вечно»¹⁰⁰.

Правда, о «вечном» владении вряд ли могла идти речь. Уже в 500 г. до н. э. дело дошло до восстаний в греческих городах Малой Азии. Они были жестоко подавлены. Но попытка подчинить персидскому господству всю Грецию потерпела неудачу уже в самом начале, когда в 492 г. до н. э. персидский флот, состоявший преимущественно из финикийских судов, был разбит бурей у мыса Афон на Халкидском полуострове. Перелом в пользу бурно растущего греческого мира принес год 480-й: в битве при Саламине греки уничтожили персидско-финикийский флот. По античной традиции на тот же день падает дата сражения при Гимере в Сицилии, где вооруженные силы Карфагена не устояли перед греческим отрядом.

Вслед за краткой эпохой упоения мечтой о возрождении главенства Финикии и ее колоний на Средиземном море последовало отрезвление. Восстания в Вавилонии и в Египте указывали на то, что период расцвета могущества Персидской державы уже миновал. Финикийские города стали придерживаться новой ориентации. Совместно с Карфагеном они свою торгово-экономическую экспансию перенесли на берега Атлантики. Во второй договор между Римом и Карфагеном (348 г.) о разграничении права торговли и права на поселение специально были включены как Тир со своими союзниками, так и североафриканская Утика. Но в отличие от Карфагена финикийские города открывали дорогу и греческому влиянию, тем более что их торговые интересы давно способствовали сотрудничеству с греческими государствами, превращая их из конкурентов в партнеров. После заключения мира с Персией (449 г. до н. э.) Афинам первым выпала возможность стать важным торговым центром. Вероятно, к тому времени и восходит основание в этом городе сидонского квартала, ставшего впоследствии таким значительным. Отношения Сидона с Афина-

Сидон. Антропоидные саркофаги акрополя; V—IV в. до н. э.

ми пошли в гору после того, как Персия в обстановке начавшейся борьбы между Спартой и Афинами за гегемонию в 399 г. до н. э. выступила против Спарты. Об этом свидетельствует постановление, принятое вскоре после 370 г. до н. э. в Афинах. Оно определяло порядок связей с Сидоном и касалось отдельных вопросов дипломатических отношений, а также освобождения сидонских купцов от уплаты податей в Афинах. И в искусстве этого времени заметно возросло греческое влияние. Ранние экземпляры так называемых «антропоидных» саркофагов V—IV вв. до н. э., характерных для захоронений богатых финикийцев, были еще предметами египетского ввоза. Но в IV в. до н. э. в Финикии начинает преобладать скульптурное изображение умерших в греческом духе.

Придерживаться греческой ориентации заставила финикийские города та бесхозяйственность, которая царила в период долгого правления Артаксеркса II (404—359/358). Когда Эвагор, царь г. Саламина на Кипре, около 383 г. до н. э. подчинил прибрежную часть материковых земель Тира, этот город, дотоле непобедимый, оказал грекам чисто символическое сопротивление. Показательно, что сразу же после взятия островного города Эвагор включил в состав своего флота 20 тир-

ский триер. Дерзкое предприятие Эвагора, правда, принесло лишь временный успех¹⁰¹. Ни к чему не привело и восстание сатрапов на западе Персидской державы, которые после неудачного похода Артаксеркса II против отложившегося Египта (373 г. до н. э.) сочли, что пробили час для превращения их сатрапий в самостоятельные государства. И близкий к успеху сирийский поход фараона Теоса (Тахоса) в 360 г. до н. э. также остался всего лишь эпизодом. Все же короткий период египетской оккупации усилил стремление городов-государств Ливана к независимости. Этому способствовали также растущий произвол персидской администрации и возросшие налоги и подати для персидского войска, становившиеся все более невыносимыми. Видны на удачное восстание были налицо. Но не силой оружия воспрепятствовал Артаксеркс II грозившей ему в 60-х годах утрате западных частей империи. Восстание потерпело поражение из-за предательства и продажности соперничавших между собой сатрапов. А походу Тахоса помешали раздоры в самом Египте. Собственно, и в случаях провала риск для заговорщиков, видимо, был невелик. Ведь даже с Эвагором, несмотря на его полное поражение после десятилетней войны (380 г. до н. э.), персы обошлись великодушно.

В этой обстановке сразу же после ухода войска фараона Тахоса и велась подготовка к борьбе за независимость. Важнейшие финикийские города объединялись в федерацию. Центром этого объединения стал Триполи, основанный, по-видимому, как раз в персидское время. Сидон, Арвад и Тир сообщались и пользовались им как таванью и местом промыслов и ремесел. Федерация была создана по греческому образцу. Это проявилось прежде всего в учреждении некоего подобия парламента, который собирался ежегодно и куда каждый город федерации посылал по 100 представителей. В 350 г. до н. э., когда Артаксеркс III (358—338) при новой попытке подчинить Египет потерпел тяжелое поражение, «парламент» объявил Финикию независимой. Непосредственно за провозглашением последовал мятеж городского населения против персидских властей. На противодействие со стороны великого царя почти не рассчитывали. Но все же предусмотрительно принимали защитные меры: вербовали наемников, создавали запа-

сы на складах и рубили кедры в царских лесных угодьях для постройки флота. И все-таки спустя несколько лет — не позднее 343 г. до н. э. — восстание было без труда подавлено.

События, связанные с этим восстанием, покрыты мрачной тенью подлого предательства. Великий царь сразу же направил свои войска против Сидона, важнейшего города Финикии. Но не достиг он еще и ближайших подступов к городу, как в его лагерь явился сидонский царь Тенн и предложил свои услуги: впустить персов без боя в город и поддержать предстоящий поход великого царя против Египта. Предложение было слишком заманчиво, чтобы на него не согласиться. Тогда Тенн вывел из Сидона 100 городских деятелей, которые, бесспорно, были душой восстания, и 500 воинов и двинулся с ними якобы в Триполи на заседание федерации. Неподалеку от своего лагеря Артаксеркс захватил этих 600 сидонцев и велел их казнить. А тем временем персидское войско двинулось на Сидон и проникло в город с помощью Ментора — бывшего в заговоре с Тенном — предводителя 4 тыс. греческих наемников, единственного подкрепления, присланного Сидону египетским фараоном Нектанебом II из Египта. Захваченные врасплох жители отчаянно защищались. Многие предпочли погибнуть в руинах горящего города, нежели попасть в рабство. И Тенн не избежал заслуженной «награды». Великий царь повелел его... казнить.

Александр и Селевкиды

Если мы сметем Тир, то вся Финикия
будет нашей...

Арриан. Поход Александра. II, 17

Победа молодого македонского царя над огромным войском Персидской державы пришла неожиданно. Не менес ошеломляющей была стремительность, с которой Александр стал развивать успех, завоеванный им в битве при Иссе в ноябре 333 г. до н. э. Едва успел он оставить в Киликии гарнизон, как его авангард уже захватил Дамаск. Чуть позднее Александр свои основные силы двинул на юг, и уже в январе 332 г. до н. э. он стоял на северофиникийском побережье, требуя покорности. Финикийские города были поставлены перед трудным выбором. С одной стороны, они более чем охотно готовы были избавиться от тягостного чужеземного владычества. С другой стороны, еще жила в памяти судьба Сидона, и казалось опрометчивым перейти открыто на сторону тогда еще малоизвестного Александра, тем более что его успех вряд ли можно было считать обнадеживающим. Ведь эти события происходили вскоре после того, как Артаксеркс III в результате нового покорения Египта (342 г. до н. э.) возродил престиж могущества Персидской державы. Дело осложнялось тем, что решение о покорности или отпоре нужно было принимать в отсутствие владык важнейших городов-гаваней. Поскольку весной 334 г. до н. э. персы мобилизовали флот, цари Арвада, Библа и Тира вынуждены были сопровождать свои корабли в Эгейское море. В персидском флоте были также и сидонские суда. Они шли под командой библского царя, чей город-государство после падения Сидона занял ведущее место среди финикийских городов. Словом, в отсутствие царей (Библа, Тира и Арвада) единодушия в решениях фини-

Серебряная монета Библа персидского времени. Судно с воинами. Диаметр 2,4 см

кийцев не было. Еще до того, как Александр вышел к морю через равнину Элевтероса, к нему поспешил Стратон, сын царя островного города Арвада. Он изъявил Александру свою покорность, чтобы уберечь обширные беззащитные владения Арвада на материке от опустошения ма-

кедонским войском. Прочие приморские города быстро последовали его примеру.

Жители Сидона, еще хранившего следы сильных разрушений, с ликованием приветствовали македонцев как своих освободителей от персидского ига. Александр вернул городу его земли на побережье и восстановил право на самоуправление. Он передал власть в Сидоне одному из представителей древней сидонской династии, который существовал, трудясь как садовый работник.

Казалось, и для Тира все обойдется хорошо. Делегация знатных горожан во главе с сыном царя, находившегося в это время с флотом в Эгейском море, вышла навстречу Александру и выразила готовность выполнять все его распоряжения. Александр, скрывая свои далеко идущие планы, пожелал посетить Тир и принести жертву городскому богу Мелькарту. Но тирийцы на это не пошли. Они предложили македонскому царю принести жертву в святилище Мелькарта на побережье. Впрочем, утверждали тирийцы, они готовы сохранять нейтралитет. Именно поэтому Тир должен быть закрыт как для македонцев, так и для персов. Но Александра нейтралитет не устраивал. Он стремился захватить все финикийские гавани, чтобы отрезать основные силы персидского флота от их базы. Важно было также получить в свое распоряжение 80 боевых судов флотилии Тира. С их помощью он мог бы обезопасить свои тыловые коммуникации, которым угрожало персидское господство на море. Лишь после этого можно было думать о продолжении войны с Дарием III. Поскольку время поджимало, Александр немедленно прибегнул к военной силе, чтобы взять этот островной город. Прежде всего

он постарался лишить город его естественной защиты: морскую протоку шириной 900 м, отделявшую Тир от материка, перекрыли насыпной дамбой. Тирийцы, безусловно, могли спокойно взирать на эти усилия, время от времени прерываемые действенными контрмерами. Осадные машины, продвинутые с дамбы, в конечном счете могли штурмовать лишь небольшой участок городской стены, где несложно было сконцентрировать защиту. Решающий штурм, приведший к взятию города, фактически последовал не с дамбы.

Одновременно Александр предпринимал усилия по снаряжению флота. На верфях Сидона ему построили лишь несколько новых судов. Но в начале лета из Эгейского моря возвратились финикийские флотилии. Прослышав о том, что их родные гавани сдались Александру, они покинули персидский флот и вернулись домой. Им не оставалось ничего другого, как принять условия македонского царя и участвовать в осаде Тира вместе с сильным флотом Кипра и другими, менее крупными флотилиями. Перед лицом превосходящих сил тирские корабли вынуждены были вернуться в обе закрытые гавани своего города. На помощь извне теперь уж рассчитывать не приходилось. Из Карфагена прибыл только священный корабль с посольством на ежегодное празднество, посвященное Мелькарту. Лишь часть населения, неспособного держать оружие, удалось своевременно эвакуировать из города по морю. Продолжавшиеся до августа 332 г. до н. э. боевые стычки велись с применением хитроумных технических средств с обеих сторон. Судьба города была решена, когда флоту Александра удалось очистить фарватер у городских стен от искусственных препятствий, чему тирийцы тщетно пытались помешать разными средствами, в том числе своими боевыми пловцами-ныряльщиками. Теперь можно было подогнать суда с машинами и направить их тараны и осадные башни против стен.

Генеральный штурм привел к быстрому захвату города. В победных празднествах Александр сделал особый упор на торжественное жертвоприношение в храме Мелькарта, в котором ему раньше отказали. В отличие от ассирийцев и персов, разрушавших Сидон, Александр не пожелал уничтожить завоеванное столь большими жертвами. Тир как морская база и центр торговли ока-

завшийся непосредственно в македонских владениях, имел огромное значение для осуществления его планов мирового господства. Таким образом, Тир оправился сравнительно быстро. Городскую знать, которая вместе с карфагенскими посланцами укрылась в храме Мелькарта, Александр помиловал. Бежавшим тирийцам было разрешено вернуться. Желая уберечь от смерти или продажи в рабство тирийцев, сидонцы приняли на борт много жителей, так как, несмотря на все распри, они помнили о своем родстве с ними.

И все же потери среди населения были огромны. Античные авторы считают, что только в бою пало 6 тыс. горожан. А 2 тыс. мужчин, способных носить оружие, после захвата города якобы распяли на крестах. И все же для такой жестокости, видимо, были основания: во время осады тирийцы ставили на городскую стену пленных из войска Александра, убивали их, а потом сбрасывали вниз.

Весной 331 г. до н. э. Александр вновь посетил Тир. Он пришел со славой освободителя Египта от персидского ига. Естественно, его пребывание в Тире сопровождалось торжественными шествиями, гимнастическими состязаниями, пышными культурными мероприятиями, в которых принимали участие виднейшие актеры Греции вместе со знаменитыми мужскими хорами кипрских царей. Мелькарт, отождествляемый с Гераклом, получил богатые жертвы. Но скоро приготовления к продолжению войны затмили праздничный блеск. Финикийские торговые люди снаряжались в дорогу — сопровождать поход в глубинные районы Персидской державы, чтобы взять реализацию ожидаемой добычи в свои многоопытные руки. В мастерских ремесленников кипела работа по снаряжению войска Александра. Судостроению и мореходству открывались грандиозные возможности, которые сулило им осуществление планов честолюбивого македонца относительно мирового господства и мировой торговли.

А для оказания помощи непосредственно на месте были затребованы финикийские судостроители и мореходы. И в 324 г. до н. э. состоялась та интересная в техническом отношении доставка разборных судов к Евфрату, о которой говорилось выше. В то же время корабельщики и гребцы-рабы прибыли в Вавилон в военный лагерь

Александра. Доставили также рыбаков и даже живых пурпурных улиток. Александр намеревался заселить восточноаравийское побережье выходами из Финикии. Но преждевременная смерть завоевателя в 323 г. до н. э. свела на нет этот его замысел.

Раздел мировой империи между военачальниками Александра при сохранении фиктивного единства под началом регента, которому подчинялось царское войско, разжег длительную междоусобицу.

Для самостоятельных государств, которые постепенно образовывались из отдельных частей империи и вели между собой спор из-за наследия Александра, финикийские города были лакомым кусочком. Кто владел ими, тот держал в руках традиционные центры азиатской торговли, распоряжался верфями и гаванями, чтобы строить и содержать сильный флот, и имел самые лучшие исходные позиции в далеко идущих стратегических планах политики насилия.

Активную самостоятельную политику города Ливана во времена диадохов (преемников) Александра вести не могли. Они не были разрушены потому, что для каждой из воюющих сторон имели большое значение.

При дележе империи сирийская сатрапия с Финикией досталась Лаомедону. Однако уже в 319 г. до н. э. прибрежный район захватил диадох Птолемей, который владел Египтом и Киренаикой. Спустя два года в Сирию явился Эвмен, бывший личный секретарь Александра, с довольно внушительным войском, чтобы в интересах центральной власти отобрать у Птолемея незаконно захваченные им области. Это удалось без труда, поскольку Птолемей со своим флотом, состоявшим преимущественно из финикийских кораблей, находился в это время в море вместе с флотом Антигона, который также стремился к главенству и старался расширить свою сатрапию в ущерб единству империи.

Эвмен тотчас начал собирать в финикийских гаванях флотилию и грузить на нее дань, взятую в Сирии. Когда суда уже были готовы к отплытию, появилась флотилия Антигона, разбившая перед этим под Византием военноморские силы центральной власти. С водруженными на носу обломками уничтоженных кораблей суда Антигона устроили грандиозную демонстрацию. Как только экипажи финикийских судов Эвмена поняли, в чем дело,

они разграбили дань, собранную деньгами, и перешли на корабли флотилии Антигона.

Союз Антигона и Птолемея был недолгим. Успешные захваты Антигоном территорий вскоре превратили Птолемея и других его союзников в озлобленных врагов. Первые сражения между ними снова пришлось на Финикию, которая после неудачных действий Эвмена была возвращена Птолемею. Слабое египетское войско бежало под ударами Антигона весной 315 г. до н. э., и только сильный гарнизон Тира смог оказать сопротивление. Город пал лишь после пятнадцатимесячной осады летом 314 г. до н. э. из-за недостатка пищи и воды. Но уже спустя два года, летом 312 г. до н. э., войско Птолемея вновь стояло у стен подвергшегося тяжким испытаниям Тира, после того как египетские силы наголову разбили под Газой сына Антигона — Деметрия. На этот раз отчаявшееся население сдало свой город без боя. Не успел Тир стать владением Птолемея, как боевое счастье снова улыбнулось Антигону. Его сын Деметрий в 312 г. до н. э. смог вновь отвоевать весь прибрежный регион. И даже когда в битве при Ипсе во Фригии в 301 г. до н. э. Антигон был побежден и убит, Деметрий удерживал важнейшие города-гавани — Сидон и Тир — вплоть до 294 г. до н. э. Но дальнейшая их судьба была решена сразу после битвы при Ипсе победоносными противниками Антигона — Селевком вавилонским и Лисимахом фракийским. Вместе с Северной Сирией города Финикии отошли к Селевку, а Птолемей, не принимавший участия в битве при Ипсе, должен был довольствоваться Палестиной и внутренними районами Сирии, т. е. областями, которые он и без того уже с 305 г. до н. э. мало-помалу снова подчинил своему контролю.

Но первые три десятилетия господства диадохов не стали периодом спокойного развития и для тех финикийских городов, которые не имели несчастья быть втянутыми непосредственно в боевые действия. Повинности, которые требовали разные владыки, особенно для снаряжения и укрепления их флота, были тяжелыми. Антигон, например, повелел собрать невиданные до той поры массы строителей, чтобы, словно по волшебству, за какие-то несколько месяцев 315—314 гг. до н. э. создать флот из 120 боевых судов на верфях Триполи, Библа и Сидона, а сын Антигона, Деметрий, стяжал славу заказчика

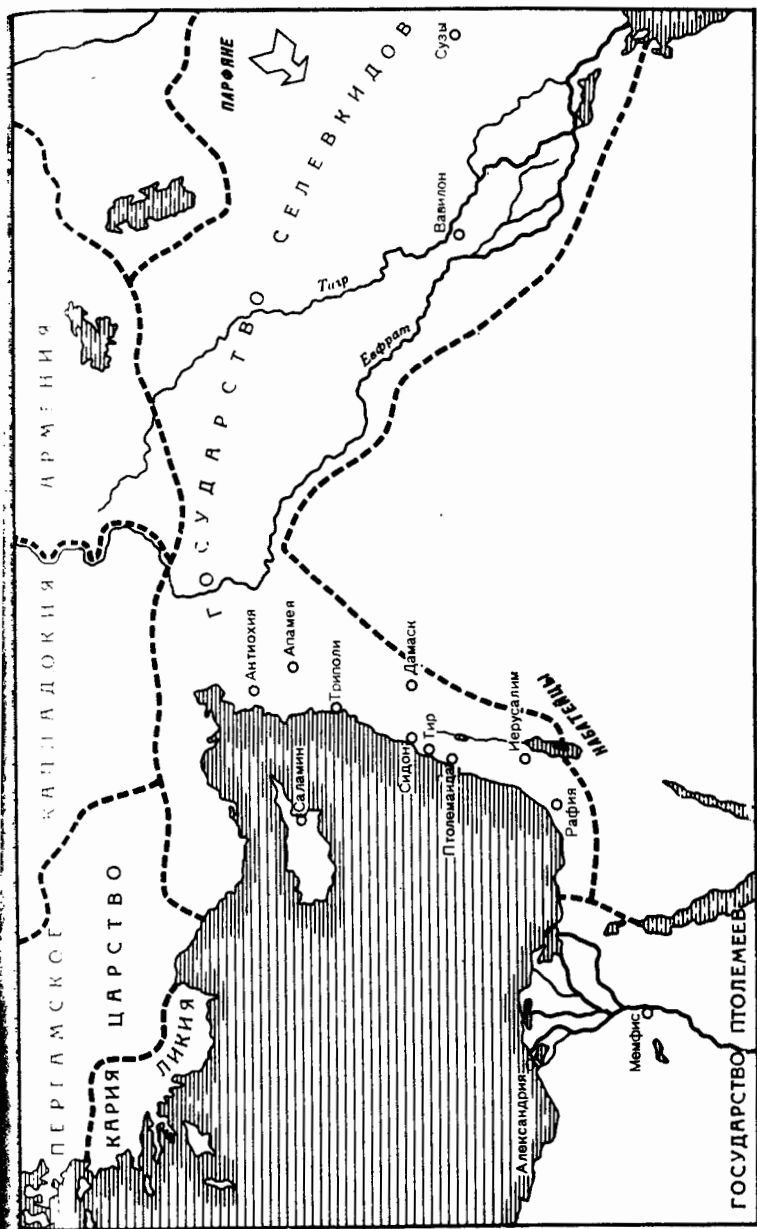
самого крупного из всех кораблей, которые строились дотоле на финикийских верфях. Киль судна был изготовлен из ствола ливанского кедра длиной свыше 40 м. Корабль имел 11 рядов гребцов, и на весла нужно было посадить по крайней мере 1800 рабов, чтобы привести его в движение. Финикийские суда входили во флот как Деметрия, так и Птолемея. В большом морском сражении под Саламином на Кипре (306 г. до н. э.) финикийцы бились с финикийцами... В этой обстановке некогда столь знаменитая финикийская торговля процветать не могла. К тому же на морских путях все больше утверждались египетские и родосские торговые флотилии. Даже торговые связи с Южной Аравией отныне шли в основном через Газу и Александрию. Последняя стала центром мировой торговли при Птолемеях II (282—246), который расширил мореплавание на Красном море, восстановил канал, связывавший его с Нилом, и вступил в торговые союзы с Сиракузами, Римом и Карфагеном.

Однако под властью Селевка I и финикийская торговля вновь получила более благоприятные возможности. Города Финикии стали при нем частью империи, которая простерлась от Индии до Эгейского бассейна, и вновь стали принимать участие в прибыльной заморской торговле. Правда, перед лицом растущей Антиохии, основанной Селевком в 300 г. до н. э., у финикийских городов не было шансов занять в государстве Селевкидов положение, равное их прежним позициям.

Конечно, пребывание финикийских городов в составе империи Селевкидов поначалу было весьма непродолжительным. Уже в 280 г. до н. э. они снова перешли под власть Египта, когда Птолемей II стал оспаривать у Антиоха I, сына и преемника убитого Селевка I, сирийское наследство, которое было возвращено потом державе Селевкидов лишь Антиохом III (223—187). Но первые походы Антиоха III в Палестину через Бекаа в 221 и 219 гг. до н. э. не дали возможности полностью изгнать птолемеевские гарнизоны. Поэтому Антиоху пришлось в 218 г. до н. э. предпринять третий поход против прибрежных городов Ливана, который начался и на земле и на воде. Заслон птолемеевских воинов перекрыв горную теснину береговой дороги у Нахр Дамур и остановил здесь беспрепятственное до того продвижение селевкидского войска, однако этот заслон в конце концов был

преодолен в результате смелого обходного маневра горных отрядов. Сильно укрепленный Сидон Антиох миновал, не пытаясь осаждать этот город, хотя его войско было самым многочисленным из всех, что со дней Рамсеса II осмеливались вести наступление по береговой дороге. По-видимому, даже 102 боевых слона, которые он следующей весной вместе с 62 тыс. пеших воинов и 6 тыс. конницы выставил против египтян под Рафией, Антиох переправил в Палестину не через Бекаа, а по труднопроходимой береговой тропе. Битва под Рафией (217 г. до н. э.) была проиграна. «Птолемей (IV) без всякого сопротивления взял Рафию и прочие города, ибо все городские общины спешили одна перед другою покинуть врага и возвратиться под власть Птолемея», — замечает Полибий и добавляет, что как раз народ тех областей проявлял склонность «уступать требованиям времени»¹⁰². Такая манера поведения вполне понятна на фоне резких переходов верховной власти от Птолемеев к Селевкидам и обратно, которые продолжались и в последующие годы. Наконец Антиоху III, кому с 204 г. противостоял слабый, возведенный на трон в детском возрасте Птолемей V, удалось в 198 г. до н. э. утвердить устойчивое господство Селевкидов вплоть до восточного края дельты Нила.

Почти к тому же времени, как Антиох добился перевеса над Птолемеем, борьба за гегемонию в Западном Средиземноморье решилась в пользу Рима. Мирный договор, которым окончилась 2-я Пуническая война (201 г. до н. э.), оставлял Карфагену только его африканские владения. Важная сырьевая область Испании стала римской колонией. Не только для Карфагена, но и для финикийской торговли вообще это было тяжелым ударом. Тем большую важность приобретало теперь хозяйственное положение, которое занимала Финикия в государстве Селевкидов. Но определенные планы были связаны также и с неизбежными распрями между державами-победителями, между римлянами на западе и Селевкидами на востоке. В той же мере, в какой Египет искал сближения с Римом, Карфаген склонялся к Селевкидам. Однако план карфагенского полководца Ганнибала создать большой союз между восставшими против Рима испанскими провинциями и государством Селевкидов не осуществился из-за бдительности рим-

ского сената. Ганнибалу пришлось бежать к Антиоху III, который поставил его во главе флота. После несчастливой для Селевкидов битвы при Магнесии в Лидии (190 или 189 г. до н. э.) Ганнибал поступил служить на Крит, потом в Вифинию, пока в 182 г. до н. э. преследуемый требованиями Рима о выдаче не покончил жизнь самоубийством.

Битва при Магнесии изменила соотношение сил в пользу Рима также и на востоке.

После Апамейского мирного договора (188 г. до н. э.) с его жесткими условиями государство Селевкидов, ослабленное в результате территориальных потерь, резких ограничений, наложенных на право вооружаться, и чрезвычайно высокой контрибуции, все же сделало еще одну попытку при Антиохе IV (175—164) вернуть утраченные позиции. Когда в 170 г. до н. э. снова вспыхнул спор между Птолемеями и Селевкидами из-за прибрежного района Передней Азии, Антиох решительным ударом сумел захватить почти весь Нижний Египет и даже короновался в Мемфисе (169 г. до н. э.). Однако взять Александрию не удалось, и Антиоху потребовался новый поход в следующем году. На этот раз он двинул одновременно с сухопутным войском сильную флотилию из гаваней Финикии. Такому комбинированному штурму Александрия вряд ли смогла бы долго сопротивляться. Спасение пришло из Рима. К Антиоху в его военный лагерь явился римский посол Гай Попилий Ленат с ультиматумом сената — немедленно прекратить войну и уйти с территории Египта. Антиох попросил дать ему время посоветаться. Но Попилий описал вокруг него на песке круг виноградной лозой и заявил, что он должен сказать «да» или «нет», не выходя из этого круга. Антиох покорился.

Тем самым окончательно утвердился римский контроль над равновесием сил в Передней Азии. Флот Селевкидов в 163 г. до н. э. — видимо, из благоразумия это сделали уже после смерти Антиоха — снова был сокращен до чисто символической цифры в 10 кораблей, установленной мирным договором в Апамее. Остальные суда по приказу посланцев Рима были сожжены в гаванях Финикии и Северной Сирии. Боевым слонам подрезали сухожилия задних ног, чтобы сделать их негодными для военных операций. Кроме того, зависи-

мось Селевкидов от Рима после Апамейского мира обеспечивали заложники.

Характерной для положения в царстве Селевкидов времени римского контроля была судьба Деметрия I, которого его отец Селевк IV (187—175) послал в качестве заложника в Рим, чтобы вызволить своего брата Антиоха. После смерти Селевка IV Антиох, не считаясь с правом на трон своего тогда еще четырнадцатилетнего племянника, взошел на престол сам, как четвертый царь с этим именем. Когда же римский сенат после смерти Антиоха IV стал выдвигать на царство его несовершеннолетнего сына Антиоха V, Деметрий, способный и деятельный человек, которому к тому времени уже исполнилось 23 года, попытался собственными силами добиться селевкидской короны. Очевидно, и Карфаген был заинтересован в переходе власти к многообещающему Деметрию. Ему удалось бежать на одном из тех священных кораблей, на которых по традиции каждый год Карфаген отправлял посольство со своими дарами богу Тира Мелькарту. Деметрий I, признанный потом и самим Римом, вышел, правда, победителем в столкновении с Антиохом V, но за убийством его юного двоюродного брата последовала ожесточенная борьба за власть, приведшая к развалу царства. Вообще из 25 селевкидских царей только Антиох I и IV умерли мирно, в своей постели. Девятеро было убито в дворцовых переворотах, пятеро пало в сражениях, трое погибло в изгнании и заточении, двоих казнили, судьба двоих неизвестна, один покончил с собой, и Антиоха III прикончили при попытке ограбить храм.

Подобный конец Антиоха III свидетельствует о хронической нужде в средствах, которую испытывали Селевкиды. Антиох IV, также не задумываясь, использовал любой предлог, чтобы прибрать к рукам храмовые богатства. Разграбление им в 167 г. до н. э. сокровищ Иерусалимского храма, которые тщетно пытался присвоить еще Селевк IV, вызвало открытый мятеж Иудей, уже давно стремившейся к независимости¹⁰³. Потребность в средствах влияла и на размеры налогов, которые тяготели над богатыми финикийскими городами. Поэтому экономическое развитие Финикии во время господства Селевкидов не соответствовало его благоприятным торгово-политическим предпосылкам.

Среди самых крупных расходов Антиоха IV, которые не покрывали налоги и продажа должностей, значительную часть составляли щедрое пожертвования греческим городам. Такая «политика даров» была направлена на создание греко-селевкидского союза против Рима. Потому-то сразу после смерти Антиоха Рим и настаивал на точном соблюдении обязательств по разоружению, взятых в 188 г. до н. э. Сближение с Грецией вело к интенсивной эллинизации государства Селевкидов. Антиох открыл границы греческим колонистам и содействовал развитию городской культуры по греческому образцу. В духе эллинских обычаев проходили культовые праздники. Так, в пять лет раз, когда при Антиохе устраивались в Тире игры, посвященные Гераклу, они были связаны со спортивными состязаниями. На первые праздничные Геракловы игры в 174 г. до н. э. верховный жрец (первосвященник) Иерусалима Язон, настроенный прогречески, также направил в Тир торжественное посольство с жертвоприношениями. Правда, верные своим иудейским верованиям, посланцы Язона все же просили средства, определенные для жертвы Гераклу, использовать на другие цели. Тирийцы с пониманием отнеслись к этому и, не долго думая, определили полученные средства на строительство военных судов.

Политика эллинизации, проводимая Антиохом IV, не вызывала сопротивления в финикийских городах. Греческая культура имела здесь уже с персидского времени растущее влияние. Насколько тесно в то время греческая культура переплеталась с финикийской, свидетельствует тот факт, что основателем стоической философии был финикийский купец Зенон из Китиона на Кипре (333 — около 262). И, конечно, не случайно с начала I в. до н. э. финикийский язык и письменность исчезают из надписей на территории собственно Финикии. Только в двуязычных легендах на монетах этот язык сохранился еще до I в. до н. э. Значительно дольше жил его пунический диалект в римской провинции Карфаген. Соответственно и древние финикийские традиции в культуре и религии также намного пережили закат Карфагена и его торговой гегемонии, тогда как эллинизированные города метрополии ожидал новый подъем под властью Рима.

Под римским владычеством

Давно уже Оронт сирийский стал Тибра
притоком...

Ювенал. Сатира III, 62

Последние десятилетия царства Селевкидов ознаменовались постепенным распадом бывшей великой державы на множество относительно независимых объединений. Такое развитие открывало перед финикийскими торговыми городами новые возможности. Правда, им с опасением приходилось поглядывать на юг, где уже в 141 г. до н. э. при первосвященнике Симоне смогла добиться самостоятельности провинция Иудея, которую преемник Симона Иоанн (Иоханан) Гиркан I (134—104) расширил за счет захвата провинции Самария. Александр Яннай (103—76) продолжил политику завоеваний. Его первый поход был направлен против приморского города Акко в Южной Финикии. Однако территориальные владения Акко присоединить к Иудее Яннаю не удалось.

Восточнее Ливана образовалось новое государство — царство итуреев. Итуреи были полукочевники, проникшие в Бекаа из Восточной Иордании. Еще в VIII в. до н. э. ассирийцы иногда использовали их в качестве вспомогательных отрядов для военных действий в Ливанских горах.

Резиденцией итурейских царей была древняя Халкида. Самый значительный памятник, оставленный ими в Ливане, — большой алтарь, вырубленный в скале близ Каб Элиас, неподалеку от современной Штауры. Его архитектурное решение заставляет вспомнить фасады скальных гробниц в набатейской Петре и свидетельствует о родстве культур набатейцев и итуреев, чьи области некоторое время граничили между собой в северной части Восточной Иордании. Наибольших размеров

Итурейский скальный алтарь возле Каб Элиас в Бекаа.
Размер фасада около 12×9 м

(почти до самого Дамаска) Итурея достигла в I в. до н. э. Итурейские лучники, столь ценимые впоследствии римлянами, держали под контролем из своих нор в Ливане торговые пути. На севере итуреям удалось даже захватить часть прибрежной равнины. Батрун стал их гаванью, а предгорья Рас Шекка они превратили в опорный пункт, дававший им господство над береговой дорогой. Библ и Берит страдали от разбойничьих налетов засевших в горах итуреев, которые тем самым хотели подготовить захват и этой части прибрежной полосы. И еще одна опасность угрожала Финикии в конце 70-х годов I в. до н. э. — это армянский царь Тигран II (около 95—55 гг. до н. э.). Он начал покорение северофиникийских гаваней нападением с моря, после того как урвал из селевкидского наследства большие куски территории Малой Азии и Сирии.

Но еще тягостней, чем опасность извне, был для финикийских городов общий экономический упадок, который лишал их возможности воспользоваться выгодами вновь обретенной независимости. В 126 г. ее получил Тир, в 111 (?) — Сидон и в 81 (?) — Берит. Длительные войны опустошили соседние страны и сильно нарушили

торговые связи с глубинными районами Передней Азии. Не лучше было положение и на морских путях, где господствовали флотилии киликийских пиратов. Активное вмешательство Рима принесло с собой перемены.

Римская республика сама переживала социально-экономический кризис, ее потрясали крупные восстания рабов, земледельцев и мятеж союзников. После подавления мятежей в качестве стабилизирующей меры следовало усиление внешней экспансии. При этом главное внимание уделялось востоку. Конечно, дело касалось в первую очередь безопасности римских областей на западе Малой Азии, которые Митридат VI, царь Понта, стремился присоединить к своим владениям ¹⁰⁴. Кроме того, внушало страх нарушение равновесия, вызванное вторжением на восточное побережье Средиземного моря войска Армянской державы, владыка которой Тигран II был к тому же зятем Митридата. Приходилось учитывать также экспансионистские устремления молодого Парфянского царства, чья граница уже достигала Евфрата. Кроме того, требовали надежной охраны тесные торговые связи с Египтом, от зерновых поставок которого Рим все больше зависел. Надобность в этом усугублялась тем, что Тигран небезуспешно пытался породниться с династией Птолемеев и был даже в союзе с киликийскими пиратами. Но главной целью политики Рима было утверждение полного господства в Передней Азии, основание римской державы по образцу империи Александра.

Однако блестящий победный поход македонского царя не повторился. Правда, Помпей, поставленный во главе всего средиземноморского флота и облеченный неограниченными полномочиями, быстро уничтожил колонии морских пиратов в Киликии. Но доступ в Сирию он получил в основном благодаря искусной дипломатии, используя противоречия между парфянами, Тиграном и Митридатом, которые и без того уже были ослаблены в военном отношении многолетней борьбой с римлянами под предводительством Лукулла (в конечном счете эта политика все же привела к усилению Парфянского царства, которое в более позднее время стало главной силой и соперником Рима на востоке). В общем, после того как покончивший с собой Митридат вышел из игры, Тигран согласился отдать все завоеванное и принял

статус клиента Римской республики, а союзные парфяне удовлетворились гарантированием границы по Евфрату, зимой 64/63 г. до н. э. Помпей вступил в Сирию. Не встречая серьезного сопротивления, он покорил весь прибрежный регион, вплоть до египетской границы. Только неистовый Аристокбул II (67—63) из рода Хасмонеев создал трудности на пути римлян, так что район Иерусалимского храма и дворца пришлось осаждать по всем правилам военного искусства.

Помпей тут же принял необходимые административные меры, чтобы обеспечить в завоеванных областях власть Рима и по возможности большие доходы. Сирия была превращена в римскую провинцию, включившую весь прибрежный район. В остальном по заведенному обычаю сохранилось исторически сложившееся территориальное деление и не допускалось вмешательство во внутренние дела городов и зависимых отныне от Рима государств этой провинции, которые становились просто как бы ее административными единицами. Государствам, проявлявшим экспансионистские стремления, пришлось сократить свои размеры. Царство Хасмонеев лишилось всех своих завоеваний. Итуреям, видимо, также грозила потеря земель. Но их царьку, изъявившему Помпею покорность и не преминувшему порадовать его посылкой 1000 талантов, все же было разрешено владеть долиной Бекаа. Отряды римлян разорили разбойничьи гнезда в Ливанских горах и положили тем самым конец набегам итуреев на береговую равнину. Итак, финикийские города могли быть довольны новой верховной властью, тем более что крупнейшим из них предоставлялись самоуправление и гарантия неприкосновенности их территориальных владений. Правда, городам пришлось заменить свои монархические установления на республиканские по римскому образцу.

Однако на процветание пока рассчитывать не приходилось. Быстро сменявшие друг друга римские наместники не внушали доверия и в большинстве своем старались хозяйничать в провинции по возможности с выгодой для себя, например пресловутый Габиний¹⁰⁵. «Его наместничество в Сирии не оставило в памяти людей ничего другого, да ничего другого он и не делал, кроме совместных с деспотами темных делишек, сговоров, ограблений, набегов и убийств»¹⁰⁶. Давали себя знать

военные осложнения, которые возникали сначала с арабами, а потом с парфянами. Между 40 и 38 гг. до н. э. парфянскому царю удалось временно овладеть почти всей провинцией (Сирии). Из финикийских городов ему оказал сопротивление только Тир. С парфянскими войнами связана внутренняя борьба за власть в Риме, которая большей частью разыгрывалась в провинции Сирия. Гражданская война между Цезарем и Помпеем еще не затронула Ливан. Цезарь лишь проехал по этой стране, подтвердив привилегии финикийских городов. Позднее, когда Финикия и Итурея все больше вовлекались в опасные раздоры между Антонием и Октавианом (41—30), Финикия неожиданно обрела нового владыку. Почти всю Итурею и приморские города Ливана, за исключением Тира и Сидона, Антоний подарил египетской царице Клеопатре. Чуть позже он изменил это распоряжение в пользу своего сына Птолемея, рожденного ему Клеопатрой. Сын получил Сирию, включая Финикию, а за матерью осталась только Итурея. Хотя римский сенат и не утвердил этого дара, тем не менее в Берите была отчеканена монета с изображением Клеопатры. До официального присоединения к Египту дело, правда, не дошло. После поражения Антония и Клеопатры при Акции и Александрии и их самоубийства в 31/30 г. до н. э. Октавиан восстановил старые порядки. С переходом власти к победителю, которому в 27 г. до н. э. был присвоен титул «Августа», для Ливана началась длительная эпоха мира. Во время войн Римской империи с Индией, Парфией, Сасанидами и Пальмирой Финикия неизменно оставалась в тылу. Только в 614 г. н. э., когда Сасанид Хосров II, разрушая все на своем пути, вторгся в Сирию и Палестину, эпоха рах готана (римского мира) для Ливана окончилась.

Мирное развитие в римское время способствовало новому расцвету хозяйства Финикии, несмотря на конкуренцию со стороны других центров торговли и ремесел. В Риме и итальянских гаванях крупные финикийские торговцы открывали свои конторы. В столице возник внушительный финикийский квартал, остатки которого еще и сегодня можно увидеть на Кампанской дороге (Via Campana). Значительные финикийские поселения были в Неаполе и Мизенах, а наиболее крупные — в больших гаванях — Остии и Путеолах (ныне Пуццуоли

в Неаполитанском заливе). Сохранилось распоряжение сената г. Тира от 174 г. н. э. о ежегодном предоставлении 10 тыс. денариев в качестве платы за аренду складских, торговых и других помещений в Путеолах. Если и Рим и Средняя Италия стали центром новой экономической экспансии Финикии, то сеть ее торговых факторий простиралась по всей империи. Не только купцы, но и ремесленники, а вместе с ними и представители «сферы услуг» искали возможность обогатиться в отдаленных краях Римской державы, как некогда в финикийских колониях.

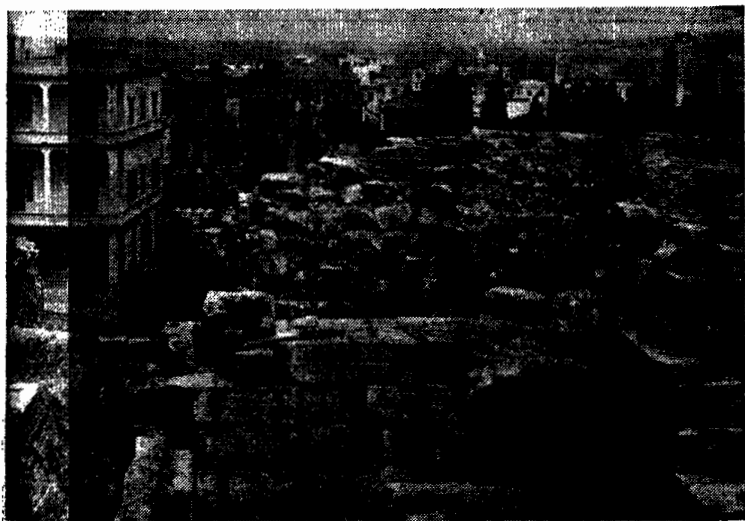
С ростом экономической экспансии финикийских городов усиливалось и их культурное влияние. Оно достигло апогея в годы правления сирийско-ливанской династии (193—235). Септимий Север, первый император этой династии, был родом из древней финикийской колонии Лептис в Северной Африке, тогда как его жена Юлия Домна происходила из сирийской Эмесы (Хомс). Их семья имела связи с североливанской Аркой, где родился Александр Север, последний династ этой ветви. Южная Сирия и Ливан как родина императоров и чтимых ими богов, получивших в империи широкое распространение, притягивали к себе римлян-«туристов», особенно благодаря интересу к грандиозным культовым сооружениям.

Развалины огромных общественных зданий являются для нас сегодня ярким свидетельством расцвета Финикии под эгидой Рима. То, что в трудное эллинистическое время еще не смогло найти своего полного воплощения, теперь осуществилось: мрачная теснота древневосточных городов расступилась. Внешняя безопасность города не зависела больше только от его стен и башен. Безопасность обеспечивала выдвинутая далеко в восточные степи защитная полоса укрепленных дорог, сторожевых башен и кастелл римских рубежей (*limes*). От Палестины до Тигра охраняли они провинцию Сирия от вторжений парфян и арабов.

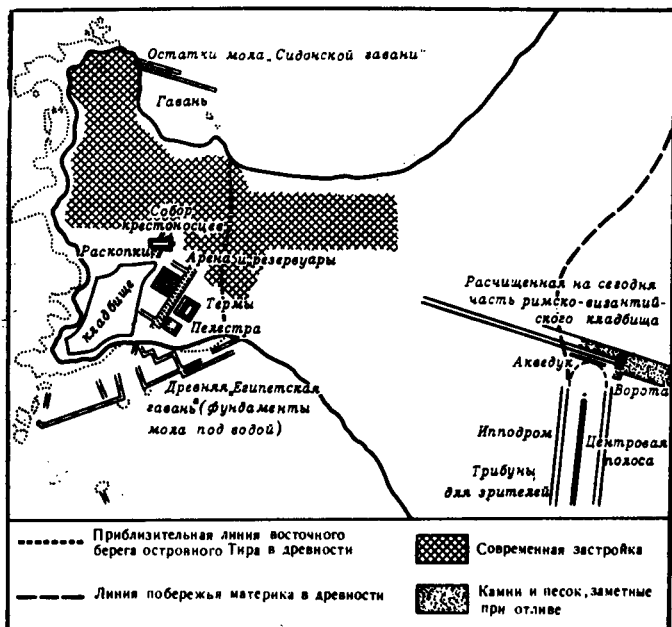
За городской чертой строили теперь окруженные садами виллы. Благодаря системе добротных дорог улучшилось сообщение. В первую очередь была расширена береговая тропа до магистрали, которая связала Палестину с Северной Сирией. Даже на самом опасном ее участке — *Scala Tyriorum* («ступенчатом пути тирий-

Сидон. Постройка римского времени

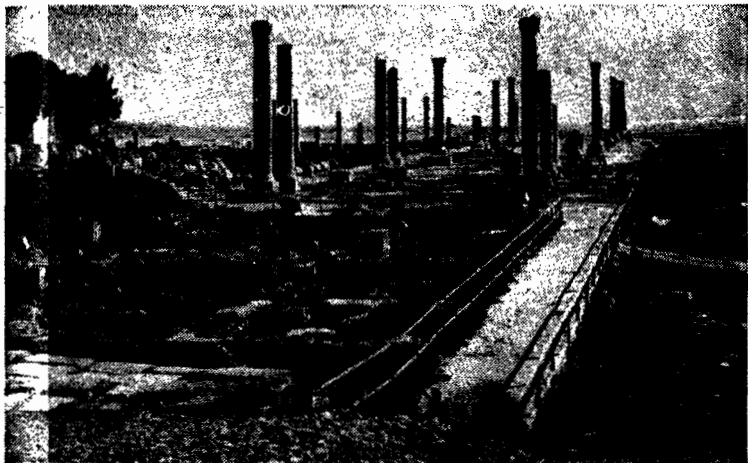
Сидон. Вид на город и Средиземное море с входа на площадку акрополя

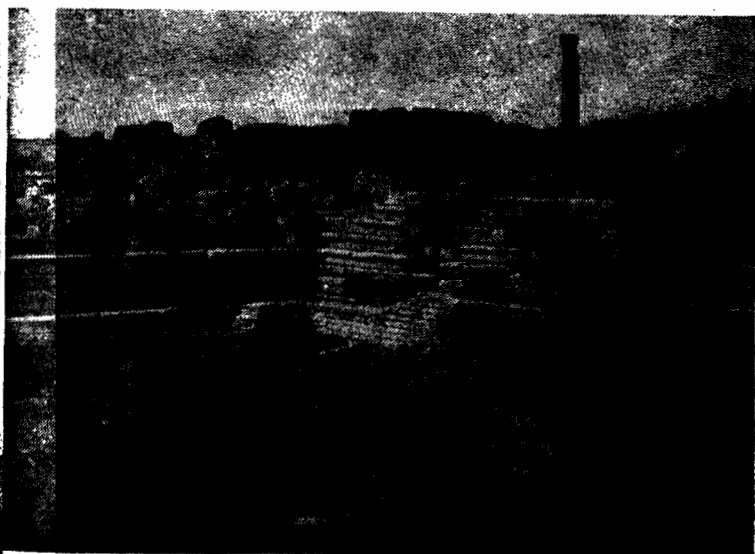
План раскопок в Тире

Тир. Большая колонная улица после реставрации.
Вид на север

Тир. Большая колонная улица. Вид на юг

Тир. Прямоугольная арена со встроенными
позднее резервуарами

Тир. Ипподром с частично восстановленными трибунами для зрителей

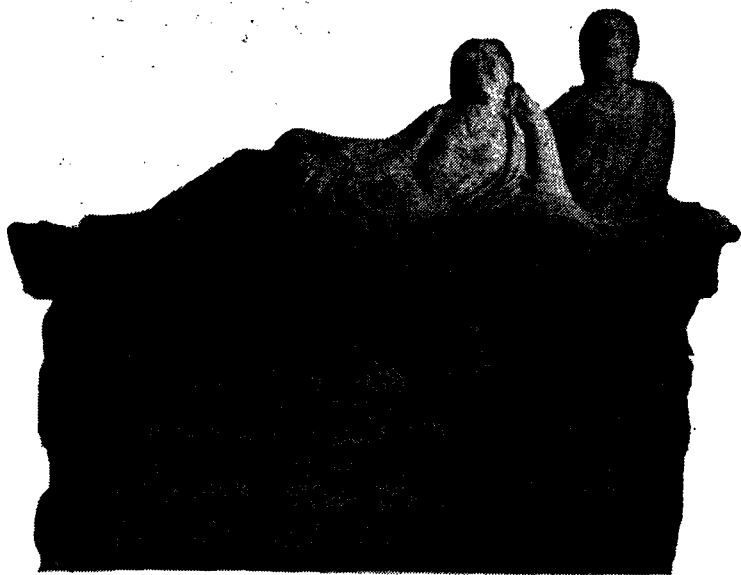
Тир. Кладбище римского и византийского времени.
На переднем плане саркофаг, украшенный рельефом «танцующие менады», сделанный из особенно красивого мрамора (конец II в. н. э.). В акротериях крышки саркофага спящие амуры

Тир. Саркофаг римского времени. Рельеф со сценой из «Илиады» Гомера (II в. н. э.). В центре — Ахилл

Саркофаг римского времени.
Битва греков с троянцами (II в. н. э.)

Саркофаг римского времени. Мальчики, служители Бахуса (II в. н. э.).
На крышке саркофага покойный со своей супругой

цев») — благодаря римским саперам открыли движение повозок и колесниц по пробитому в скалах проходу.

Небывалого подъема достиг Берит, находившийся до этого в тени своих соседей — Библа и Сидона; Марк Агриппа, победитель в битве при Акции, зять императора Августа, поселил здесь примерно в 15 г. до н. э. ветеранов пятого и седьмого легионов. Были куплены участки земли, необходимые городу, который с момента его разорения селевкидским претендентом на трон Диодотом Трифоном (140 г. до н. э.) еще лежал в руинах. Вновь возводимый Берит был освобожден от поземельной и подушной податей по статусу италийской колонии и стал называться в честь дочери Августа Colonia Julia Augusta Felix Berytus. Будучи военной гаванью, исходным пунктом кратчайшего пути через Ливан в Дамаск, самой природой предназначенным стать центром среди городов побережья, Берит в скором времени пре-

вернулся в средоточие римского влияния в Финикии. Его руины, правда, скрыты сейчас под современным Бейрутом, но во время строительных работ здесь часто обнаруживают остатки этой «процветающей колонии Юлии Августы — Берита».

Более глубокое представление о римском облике финикийских городов дают раскопки в Библе, хотя большая часть античных строительных деталей и материалов этого города пошла на сооружения времен крестоносцев. Такая же судьба постигла монументальные строения и древнего Сидона; но здесь, а также и в Тире вторичное использование не смогло уничтожить величественные сооружения римских времен.

Значительная часть руин Тира римского времени в результате раскопок под руководством Эмира Мориса Шебака за последние двадцать лет уже расчищена и реставрирована. В центре раскопанного участка протекает большая колонная улица, связующая обе древние гавани островного города — северную и южную. Из всех исключительно красивых колонн-монолитов из белого эвбейского мрамора с зелеными прожилками сохранились лишь немногие. А когда-то они высились по обе стороны улицы в 11 м шириной, к которой слева и справа примыкали еще крытые колоннады 5-метровой ширины. Расчищенный археологами южный отрезок колонной улицы (175 м) вел в городской квартал, состоявший преимущественно из спортивных сооружений. Вокруг необычной прямоугольной арены могли разместиться 2 тыс. зрителей. Напротив нее располагались обширные термы, а рядом с ними комплекс спортивной школы борцов — палестры. Первоначально на этой близкой к гавани территории находили приют промыслы и ремесла, которым с конца I в. до н. э. пришлось уступить место спортивным постройкам. В дальнейшую застройку этого участка внесли свой вклад и более поздние времена. Примерно в 400 г. прямоугольная арена была заменена новой. Но вскоре сооружение пришло в упадок. В конце V в. была разрушена палестра и ее территория снова была занята ремесленниками. Дольше всех прослужили термы, которые, видимо, еще вплоть до арабского времени были открыты для посетителей.

Само собой разумеется, для большого театра и игровых спортивных сооружений на ограниченном простран-

стве острова места не было. Они расположились на материке, который был связан с островным Тиром прочным перешейком, образованным остатками дамбы Александра и морскими наносами. Широкая дорога вела по этому перешейку к находящемуся в 2 км ипподрому исключительных размеров — 480 м в длину и 92 м в ширину, одному из крупнейших в мире. Хотя ипподромные постройки позднее послужили «каменоломней» для сооруженных в его овале жилых домов и маленькой христианской капеллы, ипподром относительно хорошо сохранился и дает все возможности бейрутским любителям конного спорта вновь проводить состязания на боевых колесницах в античном духе.

В странной близости от этого гигантского спортивного сооружения находится большое кладбище римского и византийского времен. Длинный ряд саркофагов, расположенных нередко в несколько этажей, раскопан лишь частично. Самые красивые из них, явно очень дорогой работы из проконесского мрамора, очевидно, изготовлены в самом Игеуме. Сюжеты пластических изображений, которыми в изобилии украшены саркофаги, соответствуют месту, где они были созданы, находящемуся неподалеку от древней Трои. На них представлены преимущественно сцены из гомеровской «Илиады». Правда, большая часть этих саркофагов высечена из местного камня и выглядят они более скромно.

Кладбище определенно древнее ипподрома, что говорит о могуществе того, кто распорядился его построить. Вероятно, это был император Септимий Север. После убийства его предшественника, Коммода (192 г.) дунайская армия провозгласила императором Севера, тогда как римские войска в Британии подняли на щит Б. Клодия Альбина, а стоявшие в Сирии и Малой Азии легионы выдвинули собственного кандидата — Г. Песценния Нигера, на сторону которого скоро стала вся восточная часть империи. Только Тир поддержал Септимия Севера, который в трех битвах в Киликии победил своего соперника, Нигера, в 194 г., а тремя годами позже устранил и Альбина. Новый император не забыл заслуг Тира. Он пожаловал права римской колонии городу, который уже Адрианом был возвышен до положения метрополии. С этим, конечно, было связано и возведение в Тире импозантных зданий в знак императорской милости. Вообще

такие дорогостоящие мероприятия, как строительство ипподромов для состязаний на боевых колесницах в римском стиле, обычно частично или полностью зависели от императорских пожалований. Так, Септимий Север повелел построить ипподром в Лаодикее, который по сравнению с сооружениями подобного типа в других городах провинции Сирии — Антиохии, Берите, Бостре, Кесарии, Эдессе и Тире — был самым маленьким. Характерно, что при расчистке тирского ипподрома были обнаружены остатки скульптуры и колоссальной статуи Геракла. Это свидетельствует о проведении на ипподроме праздничных игр в честь Геракла, которые учредил Александр Великий и позднее возродил Антиох IV. Именно культ Геракла пользовался особым покровительством Септимия Севера. Во время секулярных игр в 204 г. он поставил наступающее новое столетие под защиту богов его родины — Геракла (Мелькарта) и Диониса (Эшмуна).

Возведение культовых построек, культурных и спортивных сооружений, торговых рядов и других общественных зданий на императорские пожалования было характерным для времени римского господства. Едва ли стоит говорить о том, что эти «дары» в конечном счете делались из податей, взимаемых с этой же провинции. Жертвовали на строительство публичных зданий также богатые частные лица и высшее римское чиновничество. Не меньшее значение имели также щедрые «дары», поступавшие специально для финикийских городов от зависимых иудейских царей. Пожертвования Ирода Великого (37 г. до н. э. — 4 г. н. э.) пошли на то, чтобы замостить улицы, разбить парк, а также на создание храма и театра. Конечно, немалую роль в этой страсти Ирода к строительству сыграло также его стремление занять ведущее место среди своих коллег в провинции Сирия. Но прежде всего ему нужно было, чтобы император чувствовал к нему благодарность за его содействие в укреплении единства римской культуры. Не были исключены и ответные услуги в виде дарственных наделов значительных земельных площадей. Но при внуке Ирода Великого, коварном Ироде Агриппе I (37—44), оказалось, что подобная «политика даров» могла стать и опасной для римских властей. Агриппа делал пожертвования преимущественно римской колонии Берит, кото-

рая благодаря строительству в ней театров, бань и колонных залов все больше приобретала характер иродианской резиденции, тем более что сам он частенько показывался здесь и с наслаждением смотрел в театрах те зрелища и состязания, которые ему как покровителю иудейства фарисейского толка в собственной стране смотреть не подобало. Правда, попытки Агриппы I ослабить над собой власть Рима срывались бдительным наместником императорской провинции Сирии Марсом. И тем не менее из новозаветных «Деяний» мы можем судить о том, какое влияние имел Агриппа I на финикийские города. Там говорится, что в последний год своей жизни «Ирод был раздражен на тирян и сидонян; они же, согласившись, пришли к нему и, склонившись на овою сторону Власта, постельника царского, просили мира, потому что область их питалась от области царской» (Деяния. XII, 20).

Горные храмы и дороги паломников

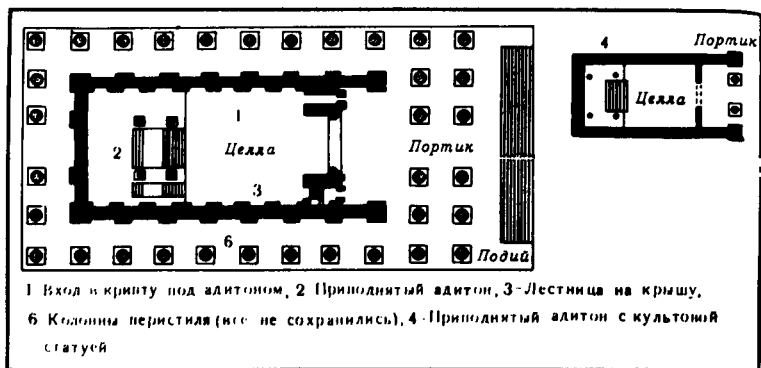
Это случилось на Кассиевой горе, когда он (император Адриан) прибыл туда... Начался дождь, ударила молния и опалила жреца вместе с животным, когда приносили жертву.

Элий Спартиан. О жизни Адриана. 14, 3

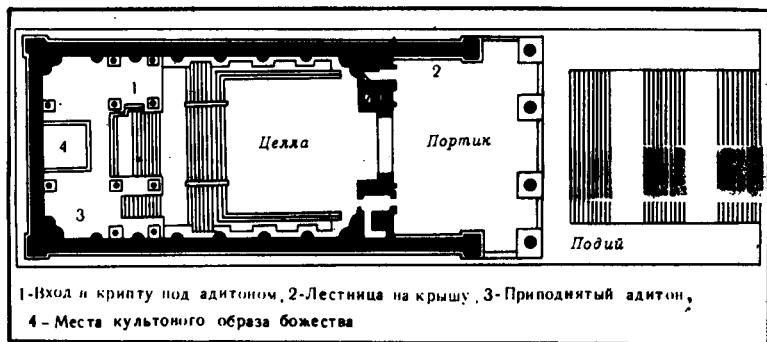
Пусть боги приходят ко мне, а не я к ним!

(Плотин). Порфирий. Жизнь Плотина. 10

Устойчивость политической обстановки в эпоху рах-гошапа способствовала заметному расширению на римском востоке территории, занятой оседлым населением. Горные области и земли на границе со степью, до той поры почти не имевшие постоянных жителей, превратились за сравнительно короткий срок в цветущие культурные ландшафты. Многие большие селения на западном склоне Ливана были основаны в эту пору наплыва заморских колонистов, когда растущее население прибрежных городов — конечно, и по соображениям безопасности — вынуждено было осваивать пограничные районы в глубине материка, которыми раньше пренебрегали. Рядом с сельскими хижинами возникали виллы богатых горожан, где они в благодатном климате проводили жаркое лето. Они понемногу занимались сельским хозяйством, в основном плодоводством, и жили в веселом общении с соседями. Здесь имелись бани и другие удобства. Охотнее всего места для дачных поселений выбирали вблизи святилищ, куда стекались паломники. Прекрасным примером этого может служить раскапываемое с 1959 г. поселение Бейт-Мери, ниже места, посвященного Баалу Маркоду. Да и сами древние горные святилища утрачивают в этот период свой скромный раннесемитский вид. Баалу Маркоду, например, был воздвигнут величественный храм. В Бшелли сохранились остатки высокогорного святилища под открытым небом,

Римские храмы в Ливане. План. Справа: Каср Бенат. Антовый храм. Слева: Хусн Сфире. Большой храм (периптер)

Римский простильный храм. Ниха (колонны портика перед антами)

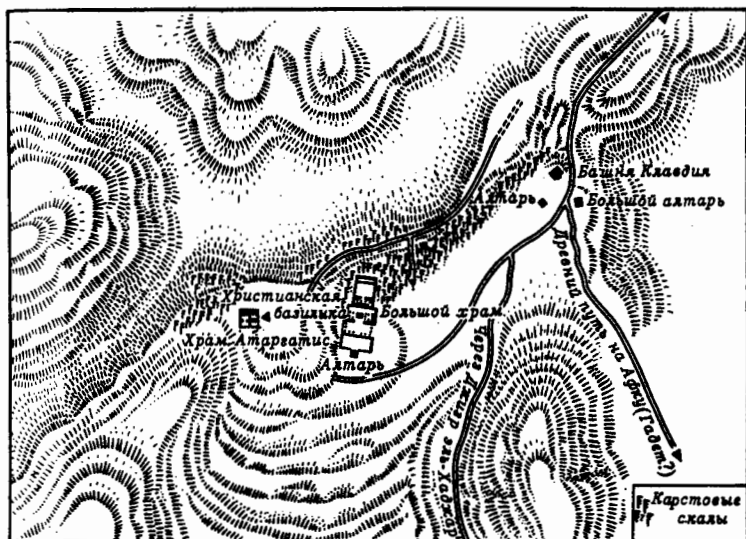
которое ныне представляет собой лишь целое поле обломков. Подобные разрушения претерпели также многие другие священные места.

Количество развалин храмов римского времени, встречающихся ныне в горах Ливана, поразительно велико, хотя от многих из них сохранились лишь ничтожные остатки, часто не более чем обломки колонн в каменной кладке христианской церкви, которая поднялась на месте языческого святилища.

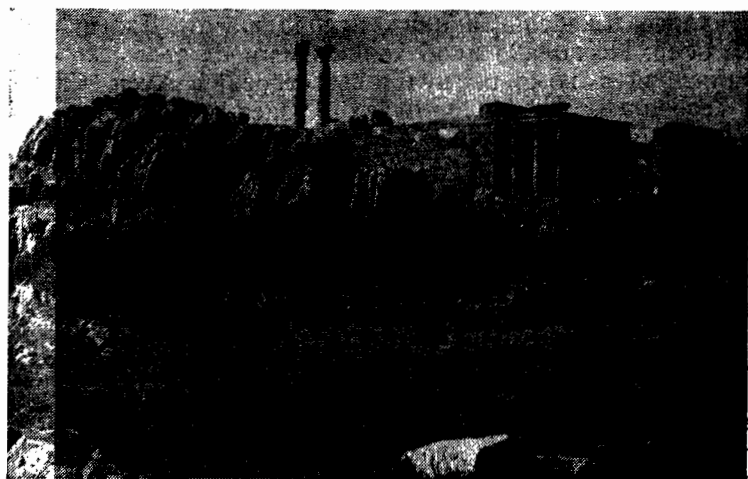

Бейт-Мери. Римская вилла

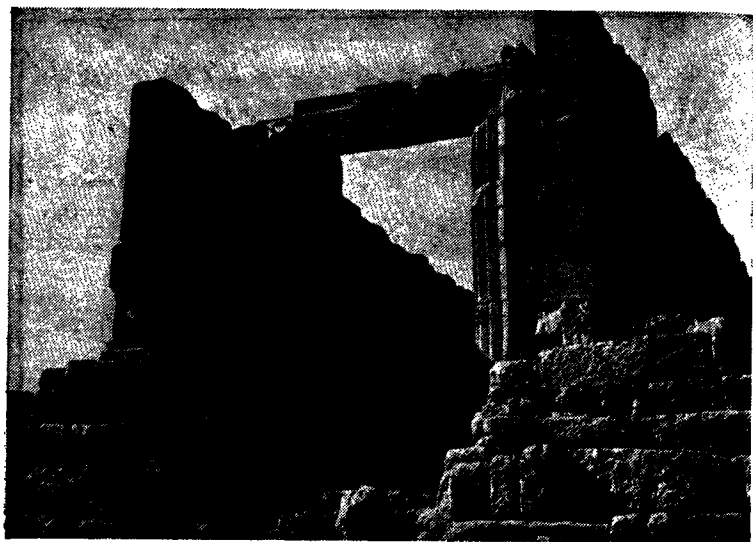
Храмы в Ливанских горах не являются чем-то особенным с точки зрения архитектоники. Чаще всего это небольшой антовый или простильный храм с поднятым на высокий подий адитоном в соответствии с финикийской традицией¹⁰⁷. Однако даже в случае святилища только с одним храмом эффект монументальности создавался благодаря всему ансамблю сооружения, включавшего также ряд других построек, и мощным стенам, которые окружали священный участок, следуя и в этом более древней финикийской традиции. Эстетическое впечатление гармоничности горных святилищ римского времени достигалось благодаря мастерскому включению ландшафта в общий архитектурный облик. Непревзойденной в этом отношении можно считать культовую местность, называемую ныне Калаат Факра, что северо-

Калаат Факра и окрестности

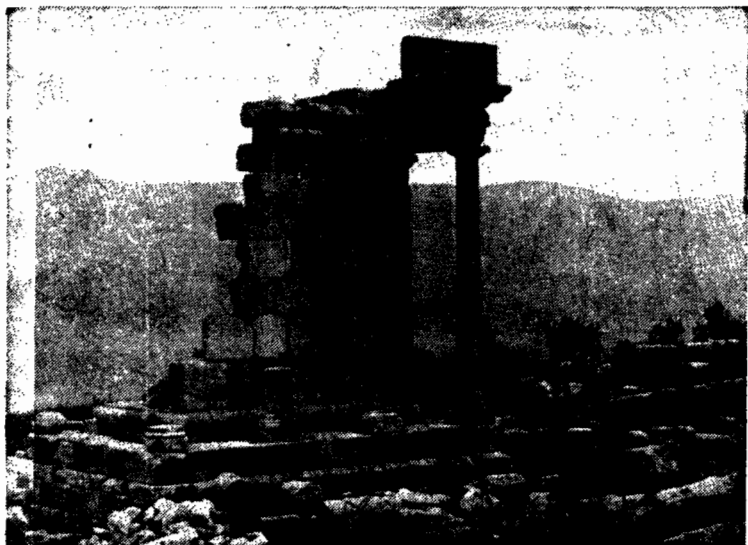
Калаат Факра. Большой храм. Нижняя часть целлы
встроена в скальный массив

Хусн Сфире. Большой храм. Слева от входа в целлу лестница ведет на «башенку храма»

западнее Джебель-Саннина, неподалеку от Джизр эль-Хаджар. Несколько иной характер имеет столь же сохранившийся комплекс культовых строений Хусн Сфире в северо-западных предгорьях Курнет-эс-Сауда, непосредственно на границе с еще пригодными для возделывания землями, которые ныне окультурены террасами. Паломники римского времени, которые поднимались в горы через довольно лесистую местность, встречали на своем пути сначала храм средних размеров, чьи остатки сохранились в центре современной деревушки, а потом дорога процессий уводила их дальше к священному участку на узкой террасе у подножия скального массива (1345 м) с крутыми склонами. Здесь два маленьких храма лепились к периптеру¹⁰⁸, который еще и сегодня — несмотря на отсутствие колонн — производит внушительное впечатление. Это единственный храм подобного рода, обнаруженный западнее ливанского гребня.

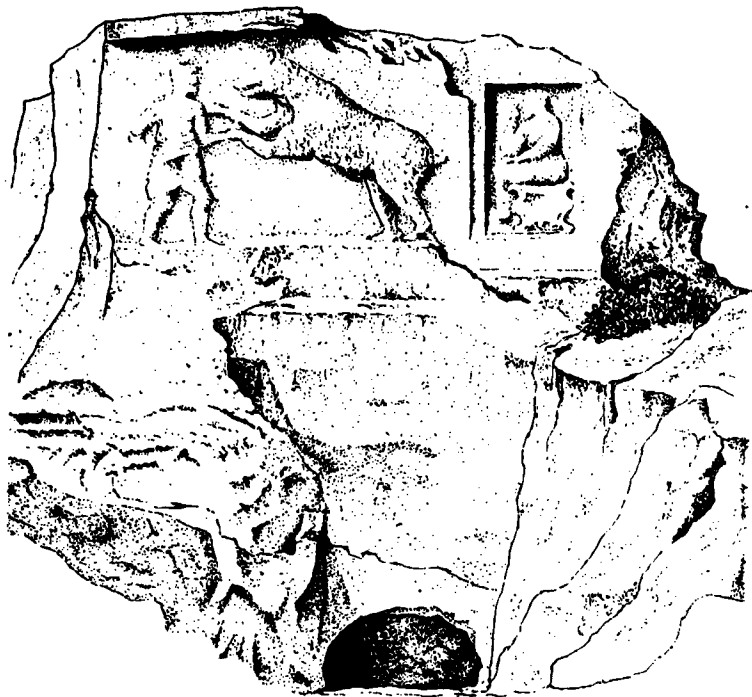
От противоположной стороны священного участка дорога процессий идет дальше. Она взбирается по гос-

Хейр эль-Медан. Римский алтарь

Римский алтарь. Обводная стена, через ворота вид на алтарь

Наскальный барельеф в Гине. Схватка с медведем и женщина в траурном одеянии

подствующему над местностью скальному массиву сначала до пятого малого храма, а затем по широким и высоким ступеням до плоскогорья на самой вершине. Там находился большой алтарь, с которого восседавший на троне в облаках Баал — владыка этих гор — принимал жертвы паломников.

Щедрая застройка старых, а порой и основание новых мест паломничества в римское время соответствовали задачам освоения Ливанских гор. Укромные уголки вроде культовых площадок в районах произрастания кедра стали теперь более доступными. Узкая римская дорога вела даже к самому высокогорному храму (1950 м) на Джебель-Хафрун в библской кедровой обла-

сти, который лишь в новое время был полностью разрушен искателями сокровищ. Разумеется, количество храмов в горах не дает основания делать вывод о густоте заселения горных районов. Дома, которые возникали в то время возле святилищ на пригодных для возделывания землях, были, по существу, вторым жильем горожан, как в Бейт-Мери. Обычно при горных храмах существовали крошечные поселки для постоянно живущих там служителей культа, где находили себе приют и паломники.

Многие горные храмы определенно имели настолько тесные связи между собой, что возникали дороги паломников, которые соединяли их в целую систему святилищ. Это подтверждают священные места в долине Адониса. К ним прибывали по древней дороге, которая вообще была важным кратчайшим путем из Библа в Бекаа. Ее продолжение от Иаммунэ до Баальбека также могло служить дорогой паломникам. В этом случае храм в горах Эль-Бекаа, который сегодня называют Каср Бенат, следовало бы рассматривать как промежуточную станцию. В круг мест поклонения Адонису, вероятно, следует включить и некоторые святилища в дальних окрестностях р. Ибрахим, а также и предположительно маленький храм в Гине, поскольку поблизости от него находится скальный рельеф, изображающий схватку медведя с человеком. Последнего, как полагают, могли отождествлять с Адонисом. У подножия этой скалы еще отчетливо видны очертания арены, служившей прежде местом ристалищ.

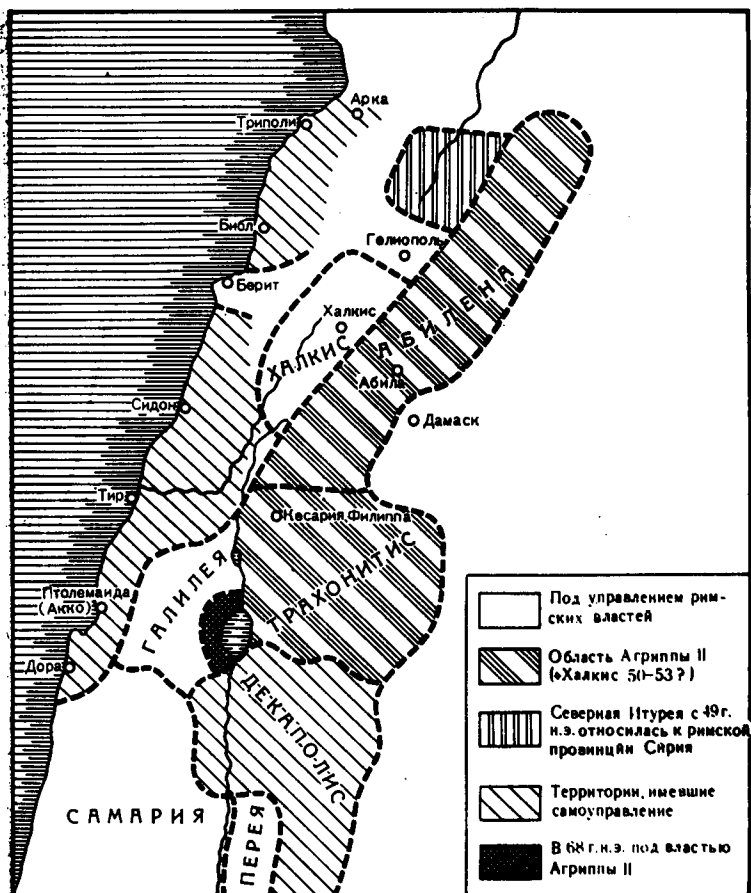
В систему святилищ Адониса нередко включают также и храмовой участок Калаат Факра. Отсюда легко можно добраться до Афки, расположенной в двух километрах на дороге явно древнего происхождения. Однако в Калаат Факра в качестве главного бога почитался, по всей вероятности, Юпитер Гелиопольский. Во всяком случае, надпись подтверждает, что малый храм посвящен здесь богине Атаргатис. Под Юпитером Гелиопольским подразумевается древний Баал долины Бекаа, который в позднеэллинистическое время благодаря арабскому влиянию обрел черты бога Солнца, почему Баальбек и назывался Гелиополем (городом Солнца). Как Юпитер Гелиопольский являл собой смешанный образ, так и его спутница Атаргатис воплощала различные элементы.

Зародившись в Северной Сирии, ее культ уже к началу эпохи эллинизма получил широкое распространение, причем в нем явственно проступали особенности культа Астарты.

Сообщение с главным святилищем в Гелиополе не обязательно должно было идти через Афку. Преодолевать гребень Ливана могли и чуть восточнее Калаат Факра в самой южной части седловины между Курнет-эс-Сауда и Джебель-Саннин. Как и современный перевал, древний путь также, видимо, проходил через горы у Хадет, о культовом значении которого в римское время еще говорят развалины двух храмов и монументального алтаря.

С основанием Итурейского царства во II в. до н. э. бог Гелиополя (Баальбека) приобретает не только местное значение. Будучи важнейшим культовым пунктом в Бекаа, Гелиополь стал местом главного святилища итуреев. Вероятно, первые грандиозные культовые сооружения римского времени восходят к итурейским царям. Гелиополь оставался их культовым центром и после превращения его при императоре Августе в римскую колонию. Так же как и Берит, Гелиополь был предоставлен для заселения ветеранам, и колония стала центром римского господства в Бекаа, имевшей важное экономическое и военное значение. Это способствовало развитию зародившегося в Гелиополе культа, которому эллинизированный синкретический образ главного божества сразу придавал огромную силу воздействия. Уже в скором времени Юпитер Гелиопольский стал главнейшим богом в наиболее ценимой римлянами провинции и занял такое место в культовой жизни Рима, которое доставалось лишь очень немногим божествам древнего востока.

Развитие римского Гелиополя проходило в два этапа. На первом этапе помимо внутреннего благоустройства молодой колонии усилия направлялись также на создание путей сообщения в соответствии с требованиями войск и администрации. Для улучшения связи между Гелиополем и Беритом вновь обратились к древним горным дорогам Берит — Дамаск и Библ — Иаммунэ. По надписям установлено, что при императоре Домициане (81—96) были проведены большие работы на участке Афка — Акура — Иаммунэ. В дальнейшем особенно

Территориальное деление Ливана и пограничных областей.
Середина I в. н.э.

важным было дорожное сообщение между Гелиополем и Дамаском. Еще и сегодня относительно хорошо сохранившейся римской дорогой ниже гребня Антиливана пользовались вплоть до первой мировой войны. К системе главных дорог относились также сторожевые башни, форты и обходные пути, которые служили защитой путникам и вообще препятствовали возрождению раз-

боя. Кроме того, они должны были обеспечить эксплуатацию горных лесов по установленным правилам. Не последнее значение имели эти сооружения и для военного контроля над зависимыми царствами в Бекаа.

История этих небольших государств — наследников Итурейского царства нам известна мало. Одно из них, к северу от Гелиополя, просуществовало, видимо, до 49 г. Абила, охватывавшая в основном территорию от Хермона до Северного Антиливана, до 37 г. имела итурейского владыку. При правлении императоров Калигулы (37—41) и Клавдия (41—54) остатки Итурейского царства перешли к дому Ирода. Сначала Ирод Агриппа I получил в 37 г. Абилу. В том же году его брат Ирод стал царем Халкиды. Перед лицом проявившихся вскоре стремлений Агриппы I к расширению своего зависимого царства и к независимости от Рима военные меры предосторожности со стороны римского наместника были отнюдь не излишними. За короткий срок его наследник Агриппа II смог объединить под своей властью обе части Итуреи. Но он был верным приверженцем Рима.

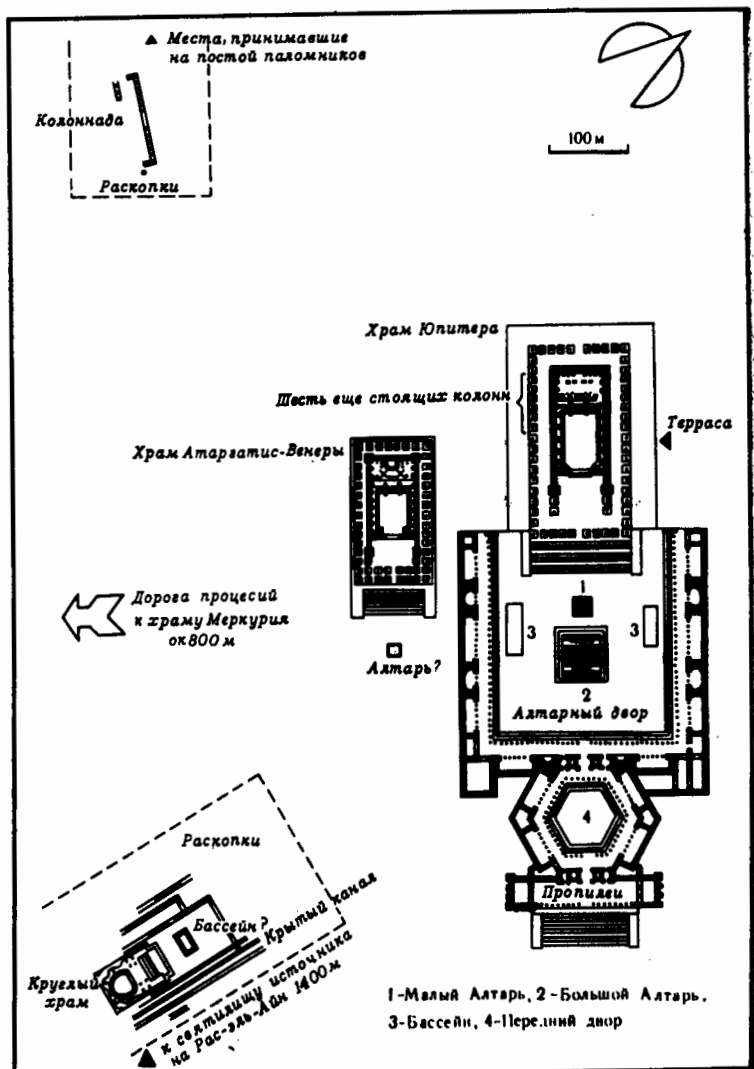
В первый период упрочения римского господства в Бекаа шла широкая застройка Калаат Факра. Возведение именно тут храма Юпитера Гелиопольского имело серьезное значение в культовой политике. Оно возвысило бога Гелиополя до владыки Ливана. Этим целям отвечало расположение святилища на открытом месте на высоте 1500 м у подножия массива Джебель-Саннин. Для римских верховных властей такой культово-политический аспект, правда, имел лишь незначительный интерес. Но он соответствовал экспансионистским устремлениям итурейских царей. Таким образом, вполне вероятно, что Калаат Факра была основана итурейцами. И, возможно, построенный в более древних традициях башнеобразный алтарь в северной части священного участка остался от их сооружений. Весьма допустимо, что тех, кто предпринял грандиозное расширение этого святилища, следует искать среди преемников итурейских владык, для которых Калаат Факра демонстрировала те же политические притязания, что и для их предшественников. Посвящение гигантской культовой башни, господствующей в ансамбле Калаат Факра, императору Клавдию в 43 г. указывает на причастность к этому Агриппы I,

Менджель Анджар. Руины храма-периптера. Внешние размеры
 целлы 27×11 м, подия 45×21 м

Менджель Анджар. Осколок карниза крыши с орнаментом

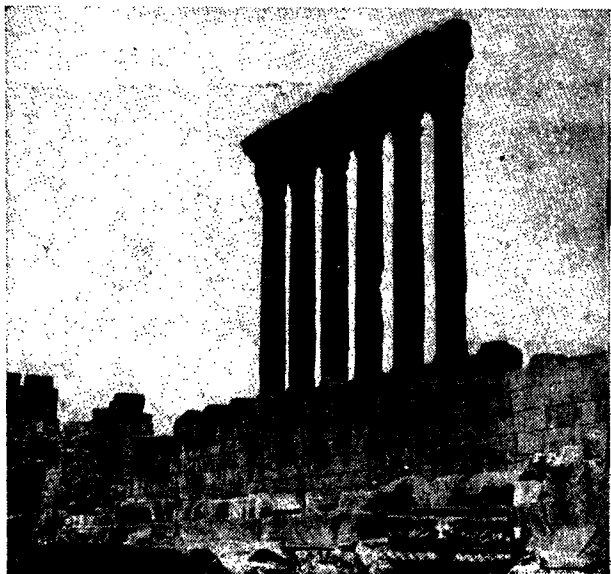

План храмового участка Баальбека

Изваянная рука, пожертвованная в храм по обету, из Баальбека

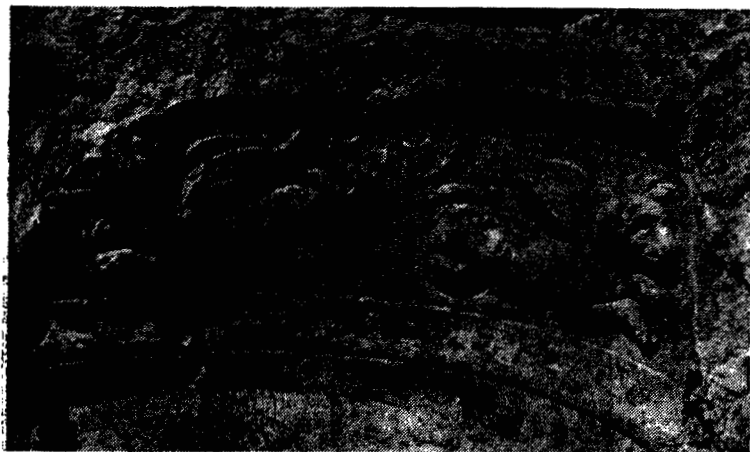

Баальбек. Шесть сохранившихся колонн храма Юпитера (из первоначальных 54). Внешние размеры основания храма 93×53 м. Мощные колонны имеют высоту около 20 м при диаметре 2,20 м и высоте антаблемента около 5 м. На переднем плане осколок карниза. Львиная голова с разинутой пастью служила украшением водосточного желоба

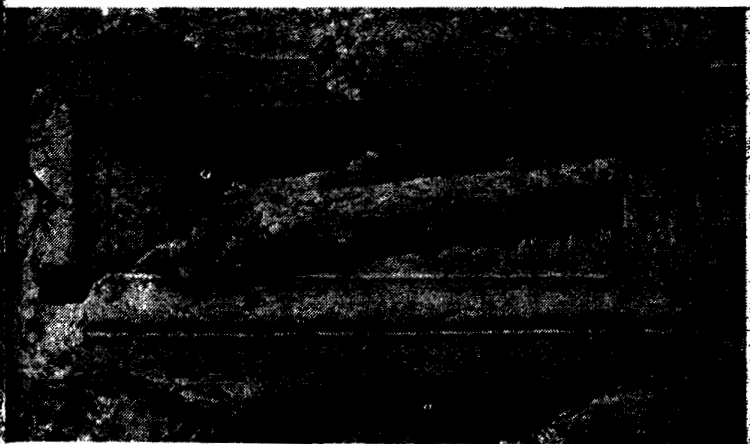

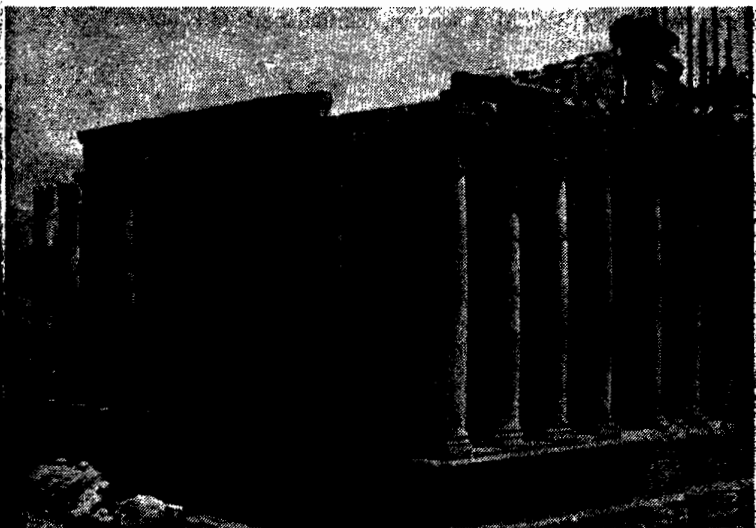
Вид на алтарный двор с лестницы, ведущей в храм Юпитера. На переднем плане малый алтарь, позади которого большой. Большой алтарь имел площадь основания 21×20 м, высоту 18 м, четыре яруса со входами и лестницами

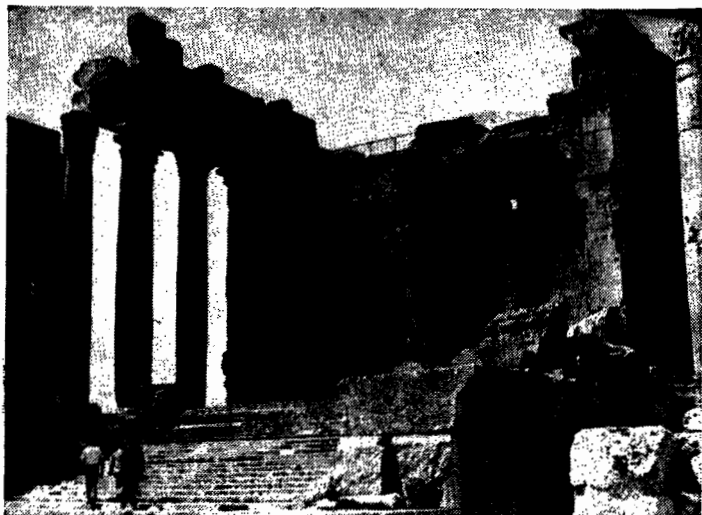
Баальбек. Рельефное изображение сказочных существ на одном из двух бассейнов алтарного двора

Баальбек. Палица Геракла

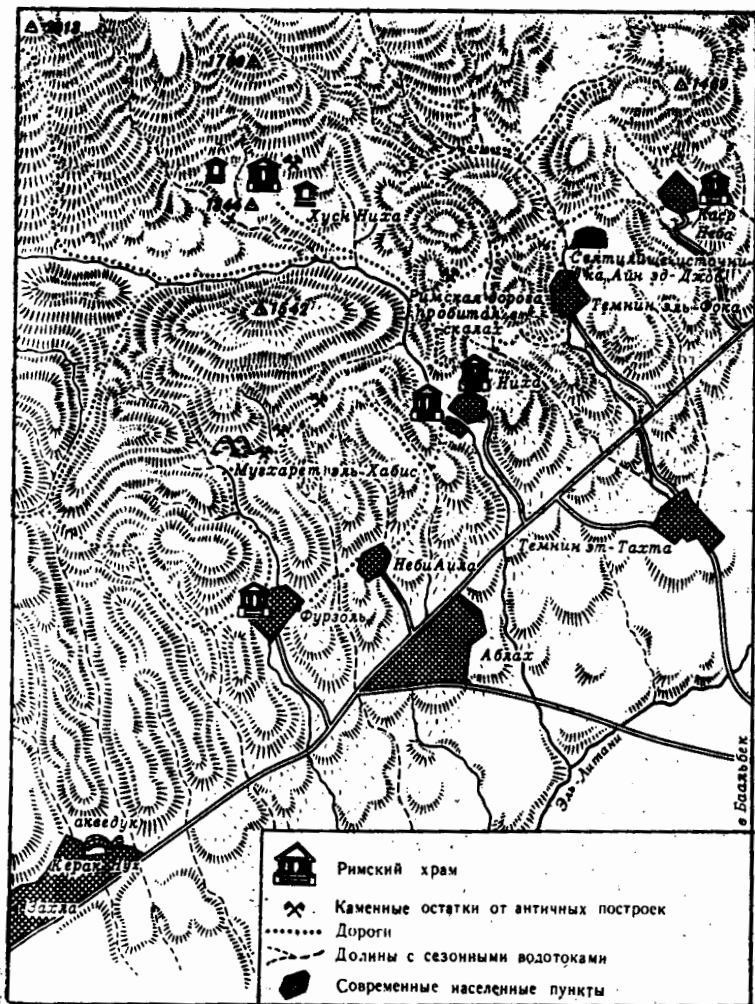
Баальбек. Храм Атаргатис-Венеры незадолго до окончания последних реставрационных работ (1972 г.). Внешние размеры основания храма 69×36 м, интерьер целлы $27 \times 22,5$ м, высота колонн до антаблемента 17 м

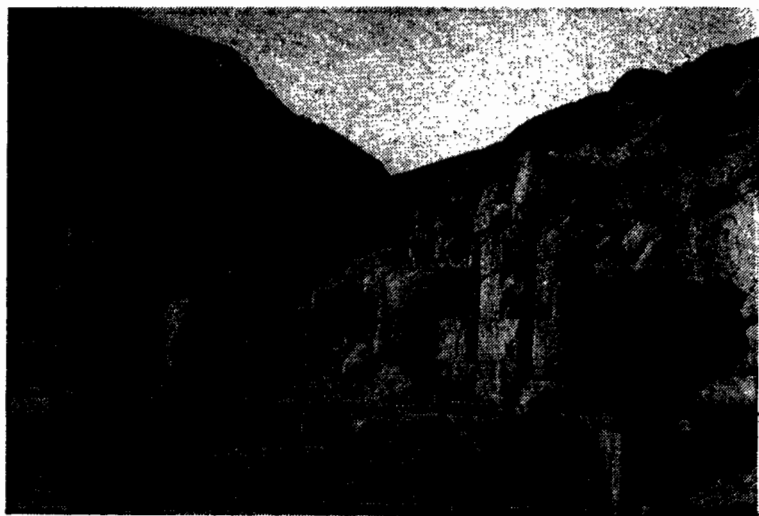
Баальбек. Храм Атаргатис-Венеры. Открытая лестница и вход в целлу (13×7,5). Слева от лестницы видна башня арабского времени

Баальбек. Большая базилика юго-восточнее храмового участка в период реконструкции (1972 г.)

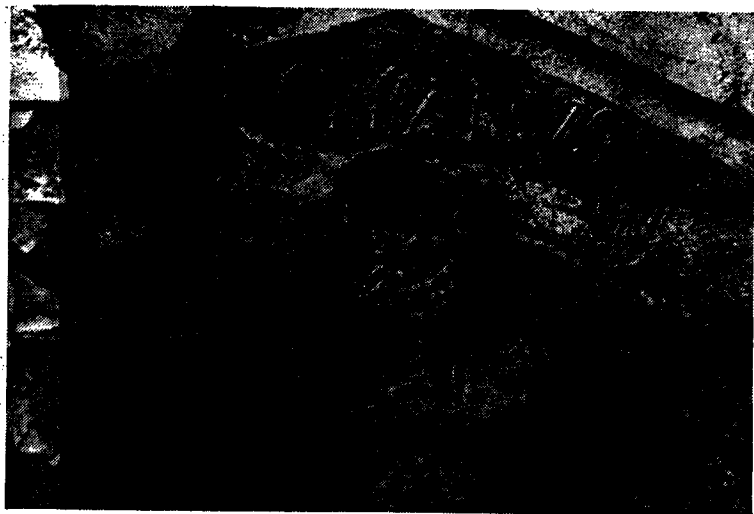
Культовые строения в Ниха и окрестностях

Ниха. Малый храм. Выше за развалинами, слева направо, на Хусн Ниха проходила дорога процессий

Ниха. Восстановленный юго-восточный угол фронтона большого храма

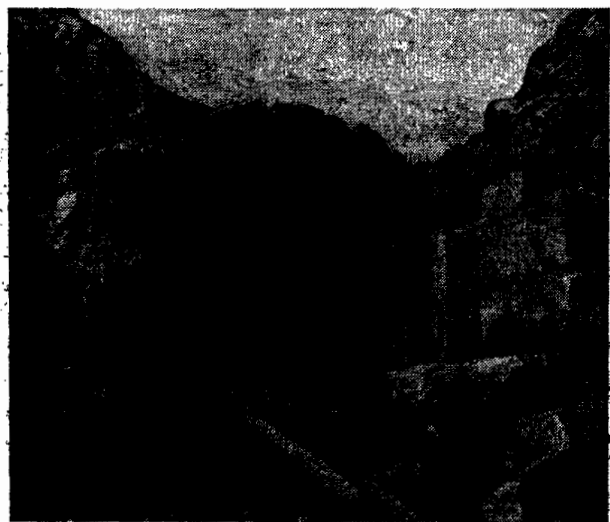
Каср Неба. Рельефный бюст на фронто́не храма,
вероятно изображающий его основателя

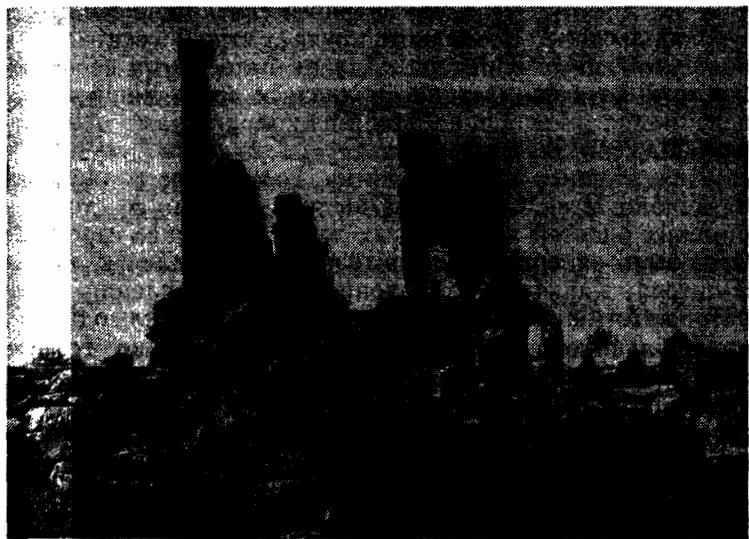
Каср Неба. Поставленный рядом с развалинами храма фронто́н

Каср Неба. Храм после окончания реставрационных работ (1974 г.). На переднем плане остатки алтаря

Темнин эль-Фока. Святилище при источнике.

Айн Акрине (Каср Наус). Восточный храм и полностью разрушенный храм Гелиоса (ворота, обводная стена и на переднем плане обломки целлы)

одновременно и друга императора, и противника римской гегемонии. Постройка в Калаат Факра храма Атаргатис относится ко времени правления Агриппы II, следовательно, все здешние сооружения возникли, скорее всего, между 40 и 60 гг.

Наследники Ирода Великого в бытность своего господства в Итурее, несомненно, вели активное строительство и в Бекаа, поскольку и там остались некоторые следы их деятельности. К Ироду халкидскому (37—48) или к Агриппе II, который владел четыре года древней столицей Итуреи (49—53), восходит храм-периптер в Менджель Анджар. И сегодня еще величественный; стоит он недалеко от Халкиды на господствующем над равниной горном хребте, который уже в древности был местом культа. По богатству художественного решения и по тому, из каких крупных блоков состоит в основном его кладка, можно судить, что он очень близок храмам Гелиополя. Не исключено, что Иродиады принимали

участие и в строительстве главного святилища Юпитера Гелиопольского. Во всяком случае, строящееся здание большого храма Юпитера должно было уже в середине I в. н. э. хотя бы частично подняться выше мощной основы подия. Надпись на одной из колонн храма относится к 60 г.

Для второго этапа развития Гелиополя, падающего на начало II в., характерна щедрая помощь со стороны римских властей и отдельных лиц. Не позднее середины II в. было завершено строительство пропилей к храму Юпитера. Капители их колонн в годы правления императора Антонина Пия (138—161) позолотил один из военачальников первого легиона. Собственно говоря, строительство гигантских храмов продолжалось еще на всем протяжении двух последующих столетий. К перестройке великолепно сохранившегося храма Атаргатис вообще приступили только во II в. Примерно в то же время за пределами священного участка были сооружены ныне полностью разрушенный храм Меркурия и недавно реставрированное святилище источника в Рас эль-Айн, расположенное восточнее города. А вот малый храм Венеры, похожий на павильон эпохи Ренессанса, возник, должно быть, позднее.

С середины II в. и на холмах по краю Бекаа было возведено множество малых храмов и монументальных алтарей. Эти сооружения большей частью были тесно связаны с Гелиополем, что подтверждается и архитектурным стилем с печатью влияния «школы Гелиополя». К иродиадскому храму Юпитера Гелиопольского у Халкиды добавились теперь святилища в Дейр эль-Ахмаре, в Нахле и, конечно, во многих других местах, чьи руины скрывают тайну, какому богу они были когда-то посвящены. В построенном в 172 г. на торговом пути в Дамаск малом горном храме возле Хама отправлялся культ Меркурия. Юпитеру Гелиопольскому был посвящен один алтарь в Ниха — втором после Гелиополя (Баальбека) важнейшем культовом центре Бекаа. Здесь в конце одной из поперечных долин гор Эль-Бекаа находятся руины двух внушительных храмов, от которых вверх к группе из трех других храмов, пожалуй еще более древних, чем постройки в долине, ведет дорога процессий, частично вырубленная в скалах. Тесные культовые связи храмов в Ниха могли существовать также

с многочисленными святилищами в соседних долинах с красиво расположенным в Каср Неба храмом, с хорошо сохранившимся святилищем при источнике в Темнин эль-Фока и со скальным святилищем в Фурзоле.

Вполне очевидно, что в священных местах на западном склоне Ливана, за исключением Калаат Факра, культ Юпитера Гелиопольского не имел такого значения, как в Бекаа. Тем оживленнее было паломничество из крупных приморских городов именно в Гелиополь и другие пункты этой долины. Но и богам, чьи культовые центры были далеко, в ту эпоху синкретизма поклонялись в горных святилищах финикийского Ливана.

Так, олицетворявший утреннюю звезду бог Азиз, покровитель караванов, чей культ зародился в Эдессе и Пальмире, почитался в малом храме в начале горного массива Кура в Бзизе (Бейт Азиз, т. е. «Дом Азиза»). Малоизвестное святилище в Шхим (Шейхим) на юге Ливана было посвящено Гелиосу, как и храм более позднего происхождения на священном участке Каср Наус, близ Айн Акрине, на краю горной террасы, выше Кура. Кажется, и один из малых храмов Хусн Сфире был также посвящен богу Солнца. Такое широкое почитание этого бога следует относить за счет распространения сирийского культа Гелиоса усилиями императоров сирийско-ливанской династии. Элагабал (218—222) особенно поддерживал культ Баала своего родного города Эмесы, ставшего со временем богом Солнца. Сам он был жрецом этого бога до своего провозглашения императором и носил его имя. В качестве «Sol Invictus Elagabal»¹⁰⁹ бог Эмесы стал высшим божеством империи. Не исключено, что грандиозная застройка Сфире с включением в ансамбль храма Гелиоса поощрялась Элагабалом. Ведь Хусн Сфире примыкала со стороны материка к Арке, чье положение Элагабал поднял до римской колонии. То же относится и к связям между Шхимом и Сидоном, который также обрел статус колонии благодаря Элагабалу.

Влияние сирийского бога Солнца возникло уже в поздний период и продолжалось недолго. Все более широкое распространение, в том числе и в Ливане, получила запрещенная Римским государством религия христиан. Замена синкретического культа поздней античности христианством была лишь вопросом времени.

Начала христианства

Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсада! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретисе и пепле покалялись.

Матфей. XI, 21

В нескольких километрах южнее Сайды среди холмов нижней террасы Ливанских гор в одной скальной пещере есть маленькая часовня. Она посвящена Марии, матери Иисуса из Назарета, которая здесь носит имя Сейида эль-Манзара («Хозяйка горной обители»). Может быть, первоначально это имя относилось к прекрасному виду, который открывается отсюда на Сайду, лежащую на 200 м ниже («Манзар» можно перевести и как «вид» на что-либо). Но для религиозной традиции название это значит гораздо больше. С ним связана часть священной истории. Уж не здесь ли Мария ждала Иисуса, пока он учил в Сидоне? По легенде, оба переночевали в пещере и на следующий день вернулись в Галилею.

Правда, в Новом завете говорится только о том, что Иисус, странствуя, побывал также и в Финикии и где-то между Тиром и Сидоном исцелил дочь одной женщины (Матфей. XV, 21—28; Марк. VII, 24—30). Более поздняя традиция переносит это происшествие в Сарепту. Во всяком случае, в Тире и Сидоне уже в ранние времена существовали христианские общины (Деяния. XXI, 3 и сл.; XXVII, 3). Их зарождение можно отнести, хотя бы косвенно, ко времени деятельности Иисуса, поскольку жители этих городов прямо названы среди его слушателей (Марк. III, 8; Лука. VI, 17). Тир уже к концу II в. стал резиденцией епископа и долгое время играл ведущую роль среди христианских общин на ливанском побережье. Полагают, что в базилике Тира был похоронен крупный александрийский теолог Ориген (185—254). Согласно древним источникам, основание эфиопской

церкви восходит к деятельности двух молодых тирских горожан. Эти юноши, Фрументий и Эдесий, вместе с дядей первого, тирским врачом Меропием, совершали в 330 г. путешествие по Красному морю. Они потерпели кораблекрушение, и экипаж их судна был перебит местными жителями на берегу. Фрументия и Эдесия доставили ко двору эфиопского царя в Аксум, где они скоро завоевали доверие властелина. Занимая высокие государственные должности, они имели полную свободу приобщать эфиопов к христианской вере своего родного города. Эдесий позднее вернулся в Тир¹¹⁰.

Распространению христианства в Ливане, как и вообще в Римском государстве, способствовала религиозная политика правителей из сирийско-ливанской династии. Юлия Мамея, мать последнего из четырех императоров этой династии, приглашала для публичных выступлений ученого Оригена. О ее сыне Александре Севере, который родился в Арке, сообщается, что он в своей домашней молельне рядом с бюстами Авраама, Орфея, философа и чудотворца Аполлония тианского держал также бюст Христа. Говорят, что он даже хлопотал о возведении в Риме христианского храма.

Из значительных теологов древней христианской церкви следует особо упомянуть Памфила, финикийца по происхождению, который был учеником Оригена и учителем Евсевия. Выходец из богатой беритской семьи, он погиб в 309 г., в период последних гонений на христиан, начавшихся с 303 г. Его судьба постигла также многих учеников и учителей императорской правовой школы в Берите, которая к концу III в. была подвержена сильному влиянию христианства. Убежищем для христиан служили горы с их уединенными долинами и многочисленными пещерами. Немало древних пещерных церквей появились, вероятно, в то время. Набожные отшельники, надо сказать, умели ценить располагающую к углублению в себя тишину горных долин. Они селились в пещерах или вырубали сами свои кельи в скалах. Иногда возникали целые поселения анахоретов. Особо живописный пример являет собой ансамбль монашеских келий раннехристианского времени, который подобно пчелиным сотам, врезан в скалу на самом конце Вадн эль-Хабис в нескольких километрах выше селения Фурзоль. Это сооружение, которое местные жители

называют сегодня Мугарат эль-Хабис («пещеры отшельников»), ведет свое начало, по крайней мере частично, от святилища дохристианских времен. О значении этого места говорят остатки и других культовых сооружений римского времени, сохранившиеся в самом населенном пункте. Судя по ним, Фурзоль принадлежал к одной из древнейших резиденций ливанского епископа.

Этот явно не вызывавший проблем переход от языческих к христианским местам отправления культа вообще весьма характерен для истории раннего христианства в Ливане. После того как при сыновьях императора Константина в середине IV в. христианство стало государственной религией, многие античные храмы были превращены в церкви. Конечно, как правило, требовалась значительная перестройка, чтобы «жилище» бога превратить в соборное помещение для общины; но сохранение традиционного места культа облегчало переход к новой государственной религии. Священные места оставались прежними, хотя и исчезали старые боги. В известной мере сохранялось также большое число богов и местных *пипна* (божеств). На их же местах стали теперь поклоняться святым и мученикам, так что многие пункты паломничества не потеряли своего бывшего значения.

Смар Джебель, например, был посвящен мученику Мар Нохра, миссионеру персидского происхождения, который в Батруне и его окрестностях распространял евангельское учение, пока в 305 г. н. э. при императоре Диоклетиане не пал жертвой преследований. Поскольку, согласно легенде, Мар Нохра перед казнью был ослеплен, молитвы на этом священном месте всегда считались и поныне считаются исцеляющими от многих глазных болезней.

Малый храм Венеры в Гелиополе, видимо, был превращен в часовню святой Варвары, которая будто бы отличалась редкой красотой и, как гласит местное сказание, приняла мученическую смерть в Гелиополе. В храме Адониса в Януа «воцарился» святой Георгий, самый популярный из святых в Ливане. По преданию, этот коренной палестинец, будучи высокопоставленным военачальником, приняв христианство, умер смертью мученика 23 апреля 303 г. н. э. Его имя особенно тесно

связано с Бейрутом благодаря бытующей здесь легенде о чудесном убиении Георгием опасного дракона. Место Астарты заняла Мария, и прежде всего как хозяйка кедрового леса.

Древние праздники тоже находили свое новое истолкование, получая дальнейшее развитие. Состязания колесниц на больших ипподромах пользовались даже в византийское время особым поощрением, хотя с этим видом спорта были связаны многие магические действия, как об этом свидетельствует свинцовая табличка конца IV в. н. э., найденная в Бейруте. В ее тексте преданы торжественному проклятию 35 лошадей, принадлежавших враждебной партии, вместе с их колесничими. Особенно яркими любителями таких состязаний еще в середине V в. н. э. считались ученики высшей правовой школы в Берите, которая с той поры уже стала христианской. Некоторые из самых любимых зрителями колесничих, Юлиан из Тира, выступавший около 460—480 гг., и Порфирий, участник состязаний в 490—510 гг., были родом из Финикии. Вероятно, античные спортивные состязания прекратили свое существование только в VI в., после того как сильное землетрясение 551 г. разрушило большие ипподромы.

Но в долгий переходный период от античного синкретизма к христианству и в Ливане не обходилось без серьезных столкновений. В Тире, где в римское время находили приют крупные естествоиспытатели, астрономы и географы, получил основы образования философ-неоплатоник Порфирий (233—305). Вместе со своим учеником из Халкиды Ямвлихом (около 250—325) Порфирий принадлежал к самым резким критикам растущего христианства; а задолго до него Филон Библиский пытался дать разумное объяснение миру древних богов, чтобы спасти их. Оппозиция христианству концентрировалась там, где были крупные святилища, и прежде всего в Гелиополе. Прекращение общественных и государственных пожертвований явилось смертным приговором для больших храмов, чьи строения и персонал требовали значительных расходов на содержание. Именно здесь сопротивление было особенно сильным.

Небольшая христианская община образовалась в Гелиополе, вероятно, уже во II в. Считают, что в доконстантиновское время она имела двух мучеников, храмо-

вую иеродулу и актера. Мероприятия Константина ограничились возведением одной церкви и запретом на храмовую проституцию. При Юлиане Отступнике (361—363) церковь была разрушена, а некий Кирилл, который убрал языческие изображения богов, предан мучительной смерти. Тем самым положение древних культов на некоторое время было восстановлено. Но в период правления Феодосия I (379—395) христианская община вновь взяла верх. Феодосий повелел воздвигнуть посреди внутреннего двора с жертвенником в храме Юпитера довольно внушительных размеров христианскую базилику. Строительным материалом для нее послужили блоки тесаного камня, взятые из ступеней широкой лестницы, ведущей во внутреннюю часть святилища (целлу), а также из огромного монументального алтаря, ныне реконструированного. Церковь поставили так, что она загородила собой главный вход в целлу и изменила вид храма. Но отправление языческого культа все же прервать не решались. Оно прекратилось только в 554 г., когда крыша храма Юпитера сгорела от удара молнии. На подавление восстания гелиопольцев — приверженцев древних богов — императору Тиберию II еще в 579 г. приходилось посылать войско. Но и годы христианско-византийского господства были сочтены. Точно через 55 лет после этого войска Абу Убайда, полководца второго из халифов («наместников») Мухаммеда, вступили в Баальбек (Гелиополь).

Примечания

¹ Terra rossa (ит.) — красная земля (примеч. пер.).

² Эс-Сахель (араб.) — прибрежная полоса (примеч. пер.).

³ Грабен (нем.) — сбросовая впадина (примеч. пер.).

⁴ Метеорологический термин, обозначающий область, защищенную от осадков (примеч. пер.).

⁵ Угарит — древний (вторая половина II тысячелетия до н. э.). город-государство в Восточном Средиземноморье (на месте современной Рас-Шамры). На рубеже XIII—XII вв. был уничтожен «народами моря» (примеч. отв. ред.).

^{5а} Иродианское время — период, в течение которого в Иудее правили ставленники Рима Ирод I и его преемники (37 г. до н. э. — конец I в. н. э.) (примеч. отв. ред.).

⁶ Термины «неолитическая революция» или «городская революция» введены в науку английским археологом В. Гордоном Чайлдом и обозначают период в эпохе неолита, когда с переходом к земледелию и возникновением сельских общин начался бурный рост поселений городского типа, связанный с началом ускоренного процесса классовобразования и сложения первых городов-государств (примеч. отв. ред.).

⁷ Микролит (греч.) — здесь — миниатюрное каменное орудие (примеч. пер.).

⁸ Апсида — выступающая ниша.

⁹ В легенде «Об Исиде и Осирисе», переданной Плутархом, Сет выступает под именем Тифона — ужасного порождения Земли и Тартара греческой мифологии.

По мнению ряда ученых, божество Сет (а точнее, Сетх, или Сутех), занимавшее в египетском сонме богов положение бога пустыни и зла, было неегипетского, точнее, семитского происхождения (примеч. отв. ред.).

¹⁰ Так в Синодальном переводе. По сверенному древнееврейскому тексту Ветхого завета, предпочтительнее перевод «и в облаках (или среди облаков) была вершина его» (примеч. отв. ред.).

¹¹ Остойчивость — способность судна противостоять внешним силам и возвращаться в первоначальное положение равновесия после прекращения их действия (примеч. пер.).

¹² Отрывки из анналов египетских царей додинастического времени, I—V династий (конец IV — середина III тысячелетия до н. э.), сохранились на так называемом Палермском камне — обломке плиты, хранящемся ныне в музее г. Палермо. Перевод текста опубликован в «Хрестоматии по истории древнего Востока» (М., 1963, с. 14—26).

Снофру (или Снефру) — первый фараон IV династии (примеч. отв. ред.).

¹³ Относительно Ун-Амуна и его эпохи см.: Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева. М., 1960 (*примеч. отв. ред.*).

¹⁴ Сказочной царица Семирамида может быть названа лишь в контексте сюжетов, связанных с ее именем и носящих по большей части действительно сказочный характер (сооружение висячих садов и самого Вавилона, поход в Индию и т. п.). Вероятно, «Семирамидой» следует считать царицу Шаммураат, жену и преемницу ассирийского правителя Шамшиадада V (823—811 гг. до н. э.) (*примеч. отв. ред.*).

¹⁵ См. Надпись Тутмоса III из Гебель Баркала («Хрестоматия по истории Древнего мира». Под ред. акад. В. В. Струве. Т. I. Древний Восток. М., 1950, с. 80) (*примеч. отв. ред.*).

¹⁶ Отрывки из «поэмы о битве Рамсеса II с хеттами при Кадеше», а также краткие сведения об этом литературном памятнике читатель найдет в «Хрестоматии по истории древнего Востока» (М., 1963, с. 119—126) (*примеч. отв. ред.*).

¹⁷ Сказка «Два брата» (или «Сказка о двух братьях») в русском переводе издавалась неоднократно. Последнее издание (с комментариями, указанием литературы и т. п.) см. в кн.: Сказки и повести древнего Египта. Л., 1979, с. 87—102, 246—254 (*примеч. отв. ред.*).

¹⁸ Иоанн из Гисхалы, пожалуй, самая значительная фигура в антиримской войне иудеев в 60-х годах н. э., предводитель зелотов. Меры по созданию и реконструкции оборонительных сооружений Иерусалима, среди которых не последнее место занимали конфискация строительных материалов, предназначенных для ремонта храма, и использование его сокровищ вызвали к нему ненависть иерусалимского жречества.

¹⁹ «Здесь оно обозначает не сад...» Соответствующее слово в иранском значит также «огороженное место», «сад» и перешло в европейские языки со специфическим значением «райский сад, рай» (нем. *Paradies*) (*примеч. отв. ред.*).

²⁰ Библейские цитаты приводятся по русскому синодальному изданию, где Яхве переводится как Господь, а Эл — бог.

²¹ Юпитер Наилучший, Величайший, Балмаркод (*примеч. отв. ред.*).

²² М и д р а ш (*др.-евр.*) — обозначение нравоучительных книг иудейских раввинов, посвященных иносказательному толкованию Ветхого завета (*примеч. отв. ред.*).

²³ Относительно эпоса о Гильгамеше, а также текст самого эпоса и литературу по вопросу см.: Эпос о Гильгамеше („о все выдавшем“). Пер. с аккад. И. М. Дьяконова. М.—Л., 1961.

Следует заметить по поводу нижеследующего изложения событий автором книги: Гильгамеш и его друг Энкиду сражались с Хумбабой не «по поручению» Шамаша, но из желания совершить подвиг ради славы и ради людей, подобно Гераклу. Разумеется, при этом они заручились поддержкой бога Солнца (*примеч. отв. ред.*).

²⁴ Адаб — древний город-государство в Нижнем Двуречье. Был разгромлен и потерял свою самостоятельность в результате похода Римуша, царя Аккада, в начале 50-х годов XXIII в. до н. э. (*примеч. отв. ред.*).

²⁰ Э н с и — одни из двух титулов, которые носили правители государств Шумера. Как следует из толкования термина «энси(к)», власть правителя, носившего этот титул, по своему происхождению связана с функцией жрецов, освящавших закладку храмовых, а затем и ирригационных сооружений, т.е. лиц, возглавлявших такой вид деятельности возникающего государства, как общественные работы (*примеч. отв. ред.*).

²⁶ Речь идет об источнике, который в современной литературе носит название «Речения (или Поучения) Ипусера» и восходит, по видимому, к началу XVIII в. до н.э. См.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980, с. 42—53; соответствующий отрывок переведен здесь следующим образом: «Не едут (больше) люди в (Библ) сегодня. Что нам делать для (получения) кедров нашим мумиям...» (*примеч. отв. ред.*).

²⁷ См.: «Почтение гераклеопольского царя своему сыну Мери-кара» в «Хрестоматии», названной в примеч. 26 (с. 31—36), (*примеч. отв. ред.*).

²⁸ Как считают ныне, количество знаков «протобиблского письма», установленное французским археологом, открывшим эти надписи, М. Дюнаном в числе 114, следует увеличить еще на один знак.

Предпринятые к настоящему времени попытки дешифровки надписей не привели пока к уверенному чтению текстов. Даже сама характеристика их языка как семитского оспаривается некоторыми учеными. См.: Иоганнес Фридрих. История письма. Пер. с нем., вступит. ст. и коммент. И. М. Дьяконова. М., 1979, с. 79—80 (*примеч. отв. ред.*).

²⁹ Речь идет о царских архивах, обнаруженных на территории древнего города-государства Мари (совр. Тель-Харири на среднем течении Евфрата) в количестве около 20 тыс. клинописных табличек.

Государство Мари возникло в начале III тысячелетия до н.э. и пало под ударами Вавилона (XVIII в. до н.э.). Основная часть документов архива относится к последнему периоду существования Мари.

Быть может, нелишне будет заметить, что название «Библ» вообще не является обозначением этого города не только в аккадских текстах, но и у самих финикийцев. Жители города называли его «Губл», откуда аккадское «Губла», др.-евр. «Гебал». Название «Библ», которым пользуемся и мы, греческого происхождения и возникло из созвучия собственного имени города с греческим «бию-бл(ос)» — «папирус, бумага». Именно через Губл проходил путь судов, на которых доставлялся в Грецию египетский папирус (*примеч. отв. ред.*).

³⁰ Об истории этих событий, в частности, см.: Н. Klengel. Geschichte und Kultur Altsyriens. Lpz., 1967, с. 55 и сл.

³¹ Этноним (?) «хабиру», «хапиру», «апиру» встречается в аккадских и египетских источниках с конца III и до конца II тысячелетия до н.э. Обычно им обозначаются какие-то группы (или даже «банды разбойников») подвижного, неоседлого народа, представители которого выступают в качестве то наемников, то рабов, а то как нападающие и подвергающиеся нападению. Объяснению термина посвящена большая литература: предполагают, что он значит «чужеземец, переселенец» и, таким образом, характеризовал какие-то

объединения «изгоев», не связанных общим этническим происхождением; возможно также, что этот термин этимологически связан с «ибри/иври», поскольку так называли израильтян соседи в XIII—X вв. до н. э. (*примеч. отв. ред.*).

³² Эти данные содержатся в «Стеле Аменхотепа II из Мит-Рахине»; см.: Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1980, с. 71—74. Имеется еще одна стела Аменхотепа II (карнакская), посвященная тем же событиям — сирийскому походу фараона (*примеч. отв. ред.*).

³³ «Большой папирус Гаррис» назван так потому, что действительно является самым длинным из известных египетских папирусов (40 м длины) и был приобретен в конце XIX в. англичанином А. Гаррисом; он содержит завещание фараона Рамсеса III (*примеч. отв. ред.*).

³⁴ Греческое название Эль-Кебир (*примеч. пер.*).

³⁵ Текст одной из глиняных табличек амарнского архива, см. с. 67—68.

³⁶ С ли п — сооружение для подъема небольших судов на берег (*примеч. пер.*).

³⁷ См. примеч. 32.

³⁸ См. примеч. 35.

³⁹ Назван так по имени купившего его итальянского коллекционера армянского происхождения Дж. д'Анастаси, занимавшего во второй половине XIX в. пост генерального консула Швеции. В настоящее время папирус находится в собрании Британского музея (*примеч. отв. ред.*).

⁴⁰ «Народы моря», согласно египетским источникам, вторглись на территорию Западной Сирии и Палестины примерно на рубеже XIII—XII вв. до н. э. Как полагают, племена и объединения племен, входившие в их состав, вышли с островов Эгейского моря. Они провалились через Малую Азию, уничтожив Хеттское царство, затем разрушили Угарит и хлынули в Ханаан и к границам Египта. Часть этих племен — небезызвестные филистимляне, от имени которых произошло и название «Палестина», а также чекер — поселяются вскоре на южном побережье Ханаана (*примеч. отв. ред.*).

⁴¹ Юниан М. Юстин жил во II в. н. э., составил «конспект» «Филипповских историй» римского историка рубежа нашей эры Помпея Трога, дошедших до нас только в его изложении (см.: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога.— ВДИ. М., 1954, № 2, с. 203—252; № 3, с. 193—251; № 4, с. 187—239) (*примеч. отв. ред.*).

⁴² Точнее, на испорченном вавилонско-аккадском (*примеч. отв. ред.*).

⁴³ H. Klengel. Geschichte und Kultur Altsyriens, с. 108 и сл.

⁴⁴ Царь Ахирам библский, время правления которого датируют XIII или XI в. до н. э., известен по надписи на саркофаге, сооруженном для него его сыном Этбаалом. Надпись считается древнейшим образцом развитого финикийского буквенного письма. Русский перевод ее см. в кн.: Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963, с. 285 (*примеч. отв. ред.*).

⁴⁵ По-видимому, автор имеет в виду так называемое кипро-минойское письмо (XV—XIV вв. до н. э.), родственное критскому ли-

нейному письму. Образцами кипро-минойской письменности являются несколько весьма кратких текстов на предметах с о-ва Кипр, а также текст на глиняной табличке из Угарита.

Происхождение финикийского буквенного письма из знаков кипро-минойского не только не доказано, но и чрезвычайно сомнительно. Не исключено, что «древнейшие образцы» финикийского письма происходят от времени более позднего, чем надпись Ахирама библского (*примеч. отв. ред.*).

⁴⁶ Здесь имеются в виду мифические родоначальники соответствующих племен (*примеч. пер.*).

⁴⁷ Имеется в виду Блаженный Августин (354—430 гг. н. э.), известный христианский теолог, автор сочинения «О граде божием» (*примеч. отв. ред.*).

⁴⁸ По некоторым современным представлениям (весьма, кстати, правдоподобным), происхождение названия финикийцев не имеет никакого отношения к обозначению цвета. В основе его лежит название области «Ханаан» («корень» КН'), которое в языке критского линейного письма Б звучало как ГуХониос, а затем было греками переосмыслено в плане обозначения цвета и уподоблено «фоя/е никс». Этимология слова «Ханаан» неизвестна, хотя одним из значений соответствующего корня (вторичным?) является «торговец, купец» (*примеч. отв. ред.*).

⁴⁹ По толкованию М. А. Коростовцева, речь идет здесь о судах, зафрахтованных не «торговым товариществом в Танисе», а неким Уректером, купцом, происходившим из «народов моря» (*примеч. отв. ред.*).

⁵⁰ Предполагается, что «Песня Деворы (Деборы)» является одним из древнейших текстов, включенных в состав Ветхого завета (*примеч. отв. ред.*).

⁵¹ Омри считается основателем третьей династии израильских царей, правивших после распада Израильско-Иудейского царства (основателем первой династии был Иеровоам I (922—901 гг. до н. э.), второй — Вааса (или Бааша, 900—877). Третья династия (сам Омри, его сын Ахав, затем Охозия и Иорам) правила с 876 по 842 г. до н. э. (*примеч. отв. ред.*).

⁵² Русский перевод соответствующего места «Естественной истории» см. в Приложении к «Вестнику древней истории» — «Вопросы техники в Naturalis Historia Плиния Старшего» (ВДИ. М., 1946, № 3, с. 317—318) (*примеч. отв. ред.*).

⁵³ Талант (греч. *τάλαντον*, зап.-сем. *K(P)KP*, киккар) — единица веса и денежно-расчетная единица (по весу в драгоценных металлах) древности. Ее значение на Ближнем Востоке колебалось в зависимости от принятого в той или иной области или в ту или иную эпоху количества более мелких единиц — *мин*, содержащихся в одном таланте, и ряда других факторов. В пересчете на современные метрические единицы ближневосточный талант составлял примерно 34 (или 41) кг в более древнюю эпоху и около 20 кг в начале нашей эры (*примеч. отв. ред.*).

⁵⁴ Ср.: О в и д и й. Наука любви. Кн. III. Перевод М. Гаспарова. Более точный перевод: «Не хочу дорогих отороченных (тканей), не хочу шерстяных одеяний, крашенных багрянцем тирских моллюсков. Ибо и за более низкую цену можно иметь так много (одежд) различных расцветок» (*примеч. отв. ред.*).

- ⁵⁶ Аммиан Марцеллин. XIV, 7, 20.
- ⁵⁶ См. примеч. 52.
- ⁵⁷ См. примеч. 52.
- ⁵⁸ Гомер. Одиссея. IV, 615 и сл.; XV, 115 и сл.
- ⁵⁹ Гомер. Илиада. XXIII, 743 и сл.
- ⁶⁰ У евреев: «Вторая Самуила».
- ⁶¹ Перевод С. Ошерова.
- ⁶² Гомер. Одиссея. IV, 708—709.
- ⁶³ Нет уверенности, что греч. «гаулос» [(финикийский) торговый корабль] и «гаулос» (подойник) и т. п. — одно и то же слово (*примеч. отв. ред.*).
- ⁶⁴ Судно, курсирующее до Тартесса в Южной Испании (*примеч. пер.*).
- ⁶⁵ Точнее, «Эритрейское море», под которым обычно понималось в древности само Красное море (Аравийский залив), северо-западная часть Индийского океана (Аденский залив и Аравийское море) и Персидский залив; Ливия — здесь Африка; Геракловы Столпы — Гибралтарский пролив (*примеч. отв. ред.*).
- ⁶⁶ Геродот. История. IV, 42.
- ⁶⁷ Гомер. Одиссея. III, 72—74; IX, 253—255.
- ⁶⁸ Гомер. Одиссея. XIV, 230—233; XVII, 425 и сл.
- ⁶⁹ Гомер. Одиссея. IX, 40—42.
- ⁷⁰ Гомер. Одиссея. VIII, 160 и сл.
- ⁷¹ Гомер. Одиссея. XV, 414 и сл.
- ⁷² Геродот. История. II, 54—56.
- ⁷³ Гомер. Одиссея. XIV, 287 и сл.
- ⁷⁴ Гомер. Одиссея, XIII, 272 и сл.
- ⁷⁵ В Библии — Иаван, т. е. здесь — колонии малоазиатских греков во главе с Милетом (*примеч. отв. ред.*).
- ⁷⁶ Эдом, или Идумея. Древнеаравское (?) объединение племен, а позднее — государство, располагавшееся к юго-западу от Палестины, в ранний период истории находилось в зависимости от иудеев (до IX в. до н. э.), в последующие эпохи нередко выступало в союзе с врагами Иудеи (*примеч. отв. ред.*).
- ⁷⁷ См. примеч. 80.
- ⁷⁸ Местонахождение страны Офир не установлено. Его помещали и в Аравии, и в Сомали, и в Индии, и в Шри Ланке. В последнее время некоторое распространение получила точка зрения, будто Офир лежал на западном побережье Аравии, в Асире (*примеч. отв. ред.*).
- ⁷⁹ Имеется в виду гавань Ецион-гебер (гевер), построенная Соломоном. Полагают, что именно эта гавань (портовые сооружения, медеплавильни и т. п.) была раскопана американским археологом Н. Глюком под курганом Телль-Хелейфа. Однако высказываются и мнения, будто подлинный Ецион-гебер находился на одном из островов внутренней части залива Акаба (*примеч. отв. ред.*).
- ⁸⁰ Установление времени возникновения этой колонии на о-ве Питиуссу (совр. Ибиса) целиком зависит от датировки основания Карфагена, поскольку, согласно Диодору, карфагеняне основали новую колонию через 160 лет после возникновения самого Карфагена. Как мы видели выше, автор опирается на исследователей, датирующих основание Карфагена 814 г. до н. э., и, естественно, принимает для времени выведения колонии Ибизы 654—653 гг. до н. э. Другая да-

тировка основания Карфагена — 865 г. до н. э. В таком случае второй датой будет 665 г. до н. э. (*примеч. отв. ред.*).

⁸¹ Геродот. История. IV, 196.

⁸² Возможно, что событие произошло в конце VI в. до н. э. (*примеч. отв. ред.*).

⁸³ Современный Кадис в Испании.

⁸⁴ Страбон. География. III, 5, 11.

⁸⁵ По мнению ряда ученых, Ганнон совершил свое плавание в VI в. до н. э. Русский перевод «Перипла» Ганнона с комментарием и т. п. читатель найдет на с. 23—27 книги «История Африки. Хрестоматия» (М., 1979) (*примеч. отв. ред.*).

⁸⁶ Здесь — сонм богов определенного культа (*примеч. пер.*).

⁸⁷ Перевод этой надписи см. в кн.: Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963, с. 286—287. При датировке памятника (и соответственно времени правления царя Эшмуназара II) исследователи помимо палеографических критериев обращают особое внимание на строку 18, где упомянут некий «Владыка царей», предоставивший царю Сидона «Дор и Яффу» (см. с. 142). По мнению одних ученых, «владыкой» является Александр Македонский; другие полагают, что под этим эпитетом скрывается Птолемей I Сотер или другой ранний (начало III в. до н. э.) представитель этой династии; третьи считают «владыкой» «царя царей» ахеменида Ксеркса и т. п. Как видим, датируя надпись V в. до н. э. (точнее было бы сказать, первой половиной V в. до н. э.), автор присоединяется к мнению последних, кстати более предпочтительному (*примеч. отв. ред.*).

⁸⁸ От общесемитского «бе(и)т или» — «дом бога», «святилище» (*примеч. отв. ред.*).

⁸⁹ Филон Библийский — писатель, эллинизированный финикиец, житель Библа. Время жизни I—II вв. н. э. Известен по отдельным упоминаниям и отрывкам из его произведений, содержащимся в трудах церковного автора IV в. н. э. Евсевия (главным образом в «Евангельском приуготовлении»). Как явствует из дошедших фрагментов, Филон Библийский в своих сочинениях стремился «грецизировать» финикийскую религию, особенно в том, что касалось пантеона и генеалогических связей древних западносемитских богов. Повидимому, ему также принадлежала попытка создания истории древней Финикии (Библа?), при написании которой он, в свою очередь, использовал труды некоего Санхуниатона (*примеч. отв. ред.*).

⁹⁰ Французский археолог М. Дюнан (см. примеч. 28) уже в 1945 г. опубликовал в Бейруте работу «Biblia Grammata», в которой учел и интерпретировал весь финикийский эпиграфический материал, обнаруженный на то время на территории Ливана. Он же первый провел тщательную классификацию знаков «протобиблиского иероглифического» письма и высказал ряд соображений о происхождении и эволюции финикийской письменности, сохранивших свое значение и поныне (*примеч. отв. ред.*).

⁹¹ Вернее будет сказать, имя «Мелькарт», как полагают, не что иное, как стяженная форма словосочетания «Мелек (=царь) карт(и) (=города)». Античные авторы отождествляли Мелькарта с Гераклом (*примеч. отв. ред.*).

⁹² Геродот. История. II, 44.

⁹³ Феокрит. Идиллия. XV, 143—146 (пер. М. Е. Грабарь-Пассек).

⁹⁴ Баал-Хаммон — «Владыка (солнечного) жара», т. е. один из солнечных божеств (*примеч. отв. ред.*).

⁹⁵ Русский перевод «Анналов» ассирийского царя Синаххериба, и описание памятника см.: «Хрестоматия по истории Древнего Востока». Ч. I. М., 1980, с. 211—219, а также с. 136 (*примеч. отв. ред.*).

⁹⁶ Русский перевод надписи Салманасара III, посвященной битве у Каркары, читатель найдет в «Хрестоматии по истории древнего Востока» (М., 1963, с. 219—220) (*примеч. отв. ред.*).

⁹⁷ Русский перевод «Анналов» Ашшурбанапала см. в «Хрестоматии по истории Древнего Востока» (М., 1963, с. 230—247) (*примеч. отв. ред.*).

⁹⁸ По другой хронологической схеме, это произошло в 630 г. до н. э. (*примеч. отв. ред.*).

⁹⁹ Полибий. История. III, 22.

¹⁰⁰ См. примеч. 87.

¹⁰¹ О событиях так называемой Кипрской войны и последующих, которые описывает здесь и ниже автор, известно главным образом по 15-й книге «Исторической библиотеки» Диодора (*примеч. отв. ред.*).

¹⁰² Полибий. История. V, 86.

¹⁰³ Имеется в виду восстание в Иудее под руководством жреца Маттафии из рода Хасмонеев. Дело Маттафии продолжил его сын Иуда по прозвищу Маккавей («Молот»), под водительством которого повстанцы сначала в 165 г., а затем в 160 г. до н. э. одержали решающие победы над войсками Селевкидов. Вскоре в Иудее воцарилась династия потомков Маттафии — Иуды, верховных жрецов (первосвященников), известная под названием династии Маккавеев (или Хасмонеев) (152—37 гг. до н. э.) (*примеч. отв. ред.*).

¹⁰⁴ Понтийское царство возникло в самом конце IV в. до н. э. в восточной части малоазийского побережья Черного моря (у греков — Понта Эвксинского) на развалинах империи Александра Македонского. Его основателем был некто по имени Митридат (I), правитель г. Киоса (на западе южного берега моря). Наивысшего расцвета Понт достиг при упомянутом в тексте книги царе Митридате VI Эвпаторе (121—63 до н. э.), значительно расширившем пределы царства, однако при нем же оно и пало под ударами Рима в результате трех так называемых Митридатовых войн (64 г. до н. э.) (*примеч. отв. ред.*).

¹⁰⁵ Под пресловутым Габинием имеется в виду Авл Габиний, ярый сторонник Помпея и наместник Сирии в 57 г. до н. э., разрушивший Гирканион — крепость-дворец последних маккавейских правителей (*примеч. отв. ред.*).

¹⁰⁶ Сісего. De provinciis consularibus. 4,9.

¹⁰⁷ Антовый, т. е. снабженный пилястрами; простильный, т. е. прямоугольный в плане, с колоннами в один ряд на главном фасаде; адитон — самое священное место храма (*примеч. отв. ред.*).

¹⁰⁸ Периптер — прямоугольный в плане храм, со всех сторон обрамленный колоннами (*примеч. отв. ред.*).

¹⁰⁹ «Солнце непобедимое Элагабал» (Гелиогабал) (*примеч. отв. ред.*).

¹¹⁰ Этот рассказ содержится у самых разных историков христианской церкви — Руфина, Сократа и Созомена. Меропий был не врачом, а философом (*примеч. отв. ред.*).

Список литературы

- Alouf M. M. History of Baalbek. Beirut, 1944.
Baramki D. Die Phöniker. Stuttgart, 1965.
Baudissin W. W. Graf. Adonis und Esmun. Lpz., 1911.
Bossert H. Th. Altsyrien. Tübingen, 1951.
Brown J. P. The Lebanon and Phoenicia. I. Beirut, 1969.
Chehab M. Tyr. Beyruth, 1969.
Clemen C. Die phönikische Religion nach Philo von Byblos. Lpz., 1939.
Condé B. See Lebanon. Beirut, 1960.
Contentau G. La civilisation phénicienne. P., 1959.
Culican W. The First Merchant Ventures. L., 1968.
Deschamps de Mertzfeld C. Inventaire commenté des ivoires phéniciens. P., 1954.
Donner H. und Röllig W. Kanaanäische und aramäische Inschriften. I—III. Wiesbaden, 1967—1969.
Dunand M. Fouilles de Byblos. I—II. P., 1939 bis 1954.
Dunand M. Byblos. Son histoire, ses ruines, ses légendes. Beirut, 1965.
Dunand M. und Duru R. Oumm el-'Amed. Une ville de l'époque hellénistique aux échelles de Tyr. I—II. P., 1962—1963.
Dussaud R. L'art phénicien de IIe millénaire. P., 1949.
Edzard D. O., Hachmann R., Maiberger P. und Mansfeld G. Kamid el-Loz-Kumidi. Schriftdokumente aus Kamid el-Loz. Bonn, 1970.
Eiselen F. C. Sidon. A Study in Oriental History. N. Y., 1907.
Eissfeldt O. Philister und Phöniker. Lpz., 1936.
Fleming W. B. History of Tyre. N. Y., 1915.
Gese H. Die Religionen Altsyriens.— Die Religionen Altsyriens, Altarabiens und der Mandäer. Stuttgart, 1970.
Hachmann R. und Kuschke A. Bericht über die Ergebnisse der Ausgrabungen in Kamid el-Loz (Libanon) in den Jahren 1963 und 1964. Bonn, 1966.
Hachmann R. Bericht über die Ergebnisse der Ausgrabungen in Kamid el-Loz (Libanon) in den Jahren 1966 und 1967. Bonn, 1970.
Haefeli L. Syrien und sein Libanon. Luzern — Leipzig, 1966.
Harden D. The Phoenicians. L., 1963.
Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3 und 2 Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962.
Hitti Ph. K. Lebanon in History. L., 1957.
Jidejian N. Byblos through the Ages. Beirut, 1968.
Jidejian N. Tyre Through the Ages. Beirut, 1969.
Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens. Lpz., 1967.

- Klengel H. Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. II—III. B., 1969—1970.
- Krencker D. und Zschietzschmann W. Römische Tempel im Syrien. I—II. B., 1938.
- Kukahn E. Anthropoide Sarkophage in Beyrouth. B., 1955.
- Montet P. Byblos et l'Égypte. P., 1928.
- Moscatti S. Die Phöniker von 1200 v. Chr. bis zum Untergang Karthagos. Zürich, 1966.
- Poidebard A. Tyr, un grand port disparu. P., 1939.
- Poidebard A. und Lauffray J. Sidon. Amenagements antiques du port de Saida. Beyrouth, 1951.
- Pope M. H. und Röllig W. Syrien. Die Mythologie der Ugariter und Phönizier.—Haussig H. W. Wörterbuch der Mythologie. I. Stuttgart, 1965.
- Raphael P. Le cèdre du Liban dans l'histoire. Beyrouth, 1924.
- Renan E. Mission de Phénicie. I—II. P., 1864—1874.
- Taylor G. The Roman Temples of Lebanon. Beirut, 1971.
- Vaumas E. de. Le Liban. Étude de géographie physique. I—III. P., 1954.
- Ward W. A. (Herausgeber). The Role of the Phoenicians in the Interaction of Mediterranean Civilizations. Beirut, 1967.
- Wein E. J. und Opificius R. 7000 Jahre Byblos. Nürnberg, 1963.
- Weissbach F. H. Die Denkmäler und Inschriften an der Mündung des Nahr el-Kelb. B.—Lpz., 1922.
- Wiegand Th. (Herausgeber). Baalbek. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1898—1905. I—III. Lpz.—B., 1921—1925.

От редактора

За последние годы, благодаря неустанной популяризаторской деятельности Главной редакции восточной литературы издательства «Наука», читатели нашей страны познакомились с немалым количеством трудов отечественных и зарубежных специалистов по истории и культуре древнего Востока, адресованных широкой читающей публике. Среди этих трудов, призванных рассказать доступным языком о достижениях науки, нередко — о драматических событиях, сопровождавших то или иное открытие, о картине мира, отстоящего от нас на тысячелетия, воссозданной учеными за удобным письменным столом и на мало располагающих к удобствам стоянках археологов, книга Карла-Хайнца Бернхардта «Древний Ливан» занимает особое место.

В самом деле, мы едва ли ошибемся, если в качестве одного из аргументов в пользу «особого» характера этого издания отметим, что «Древний Ливан» — первая у нас книга, в которой скрупулезно, на основе тщательно отобранных фактов, почерпнутых автором в самых различных узкоспециальных статьях и обобщающих работах, в популярной форме представлена в цельном виде многовековая древняя история «Страны Кедр», донные практически неизвестная нашим «любителям древности». Конечно, о ней все мы «слышали» (кто не слышал о финикийцах или филистимлянах!), кое-что читали (как правило, в книгах, посвященных отдельным частным вопросам или, в основном, истории соседних «великих держав» древнего мира, или в связи с библейскими темами), но не более того. Древний Ливан как-то терялся в блеске могучих империй и царств, служивших издавна да и служащих поныне излюбленной темой научно-популярных работ по ранней истории человечества. И, как, вероятно, убедился читатель, совершенно напрасно.

Если рассматривать древнюю Переднюю Азию в целом, как один из древнейших очагов зарождения обще-

человеческой цивилизации, как «горн», в котором сплавлялись воедино исторический опыт и культуры народов, населявших этот район планеты, приходится признать, что Ливану самой судьбой было уготовано здесь место, пожалуй, самой жаркой точки в этой печи. Здесь встречались хетты, египтяне, ассирийцы и народы Эгейского моря. Отсюда — далеко на Запад и на Юг — уходили корабли, развозившие по свету не только товары — запечатленный в бронзе, камне и дереве продукт слияния высших достижений материальной культуры народов, но и идеи, и эмбрионы новых цивилизаций, родившихся затем в Северной Африке и на крайнем западе Европы. Здесь в глубокой древности возникла универсальная система письма, совершенство которой доказано всей последующей историей человечества, ибо ему с тех пор не удалось придумать ничего лучше.

Читатель, вероятно, без труда понял, прочтя предложенную его вниманию книгу, как складывались характерные, особые черты древнего народа, населявшего «Страну Кедр», и почему именно такие, а не иные — трудолюбие и доведенное до совершенства мастерство его земледельцев и ремесленников, высочайший профессионализм его мореходов и купцов, их неустанное стремление к совершенствованию и специализации, кровавые ритуалы, связанные с сохранением тайн профессионального мастерства, были во многом порождены и постоянно подстегивались острым стремлением внушить окружающему миру грабежей и войн, тем, кто бы ни пришел, ни подмял под себя, четкую мысль о своей нужности и незаменимости. Такого рода «приспособляемость» к многочисленным захватчикам стала формой сохранения самого существования малого народа, его «Я». Внешняя покорность и уязвляемая веками гордость; «широта взглядов», жажда познания мира и истовая преданность своим храмам; поклонение «чистогану», не имеющему родины, и фанатичная любовь к родной земле; вероломство по отношению к врагам и чужакам вообще и верность клятвам... — таковы некоторые из «особых» черт народа, веками обитавшего в древности у истоженной дороги войн и грабежей, по которой с грохотом проносились цари, одержимые идеей мирового господства.

Не потому ли из далекого Карфагена, могучей финикийской державы, возникшей как воплощенная мечта

веками приниженного народа древнего Ливана, прозвучало на весь мир имя нового очередного претендента на это господство — Ганнибала?...

Быть может, у кого-либо вызовет недоумение, что автор в значительной части обошел молчанием историю Карфагена, историю освоения финикийцами морских путей и новых территорий и т. д. и т. п. Полагаем, что такого рода недоумения вряд ли оправданы. Тема очерчена автором четко и определенно — «Древний Ливан», то есть древняя история страны, области, на земле которой расположен Ливан нынешний, история племен и народов, населявших эту область, и только постольку, поскольку они жили здесь, составив некогда ядро, основу современного народа Ливана. С этой точки зрения, на наш взгляд, тема рассмотрена достаточно полно. Заметим, в скобках, что ответы на многие вопросы, могущие возникнуть по поводу истории Карфагена, финикийского мореплавания, колонизации финикийцами Западной Европы советский читатель найдет, например, в серьезных, но доступных кругу читателя работах И. Ш. Шифмана и И. Ш. Коралева¹ и в книге Ю. Б. Циркина².

Правда, автор мог бы сделать хотя бы одно исключение из последовательного проведенного им правила и несколько подробнее остановиться на описании Угарита — «далекого» северосирийского города-государства, раскопки на месте которого приоткрыли, в числе прочего, завесу над тайной истоков духовной культуры всего древнего Ханаана и, разумеется, финикийцев тоже. Не следовало ли упомянуть и о первых, предварительных результатах раскопок на месте древнего южносирийского города Эблы, стертого с лица земли еще в III тысячелетии до н. э.? Все мы с нетерпением ждем, что расскажет нам огромный архив этого города, который сохранился для нас, увы, именно благодаря древней трагедии. Разумеется, отмеченное в общем не упрек автору — он поработал хорошо, — а лишь намек любознательному читателю, пожелавшему расширить свой кругозор, обратиться к литературе и по этим вопросам, порыться в каталогах...

¹ И. Ш. Шифман, Финикийские мореходы. М., 1965; Он же. «Перипл Ганнона — История Африки. Хрестоматия, М., 1979, с. 23—27; И. Ш. Коралев, Ганнибал, М., 1976.

² Ю. Б. Циркин. Финикийская культура в Испании, М., 1976.

Вероятно, некоторое разочарование постигнет многих читателей из дружной семьи любителей научной фантастики, отстаивающих тезис об участии представителей внеземной цивилизации в сооружении циклопических плит храмового комплекса в Баальбеке, когда они обнаружат, что автор «Древнего Ливана» прямо и недвусмысленно заявляет себя сторонником тех, кто при реконструкции истории возникновения этих сооружений твердо полагается на человеческий гений и в чьих гипотезах, по крайней мере в данном случае, не отводится, таким образом, никакой роли богу...

Что касается отдельных частностей. При просмотре рукописи русского перевода книги редактор отважился внести некоторые уточнения в хронологические датировки, руководствуясь новейшими данными. И кроме того, воспользовавшись свободой выбора, он вместе с переводчиком счел нужным снабдить издание некоторыми, весьма немногочисленными комментариями. Большинство из них были вызваны следующими соображениями: автор цитирует древние тексты, касающиеся истории Ливана, по широко известным за рубежом сборникам переводов. Между тем советский читатель, интересующийся древностью, давно уже является обладателем очень добротных публикаций — сборников, хрестоматий и т. п., — содержащих переводы древневосточных текстов на русский язык и выходящих у нас не первое десятилетие. Далее. Отдельные цитаты, вырванные из контекста, увы, весьма часто создают искаженное представление о событии, меняют смысл происшедшего. Именно поэтому, в тех случаях, когда используемая автором цитата из источника опубликована на русском языке, редактор взял на себя смелость как предложить именно этот перевод, так и отослать читателя к соответствующему изданию перевода всего источника. Пусть любознательный читатель оценит все его содержание и повторит, пусть в некотором приближении, тот путь, по которому исследователи приходят к своим выводам.

Из сказанного выше вовсе не следует, будто книга К.-Х. Бернхардта привлечет внимание лишь «любителей». Несомненно, ей окажут доброжелательный прием и специалисты-древневосточники. И этому в немалой степени будет способствовать оформление издания. Можно, видимо, даже утверждать, что иллюстративный мате-

риал, и в первую очередь археологические карты и планы, составленные самим автором или почерпнутые им из специальных и труднодоступных работ, но собранные здесь воедино, имеет важнейшее самостоятельное значение.

И еще одно замечание. Книга «Древний Ливан» — очень актуальная книга. И, конечно, совсем не только потому, что заполняет брешь в наших познаниях. Народ Ливана всегда был на переднем краю истории Ближнего Востока — и в древности, как в этом убедился читатель, и в эпоху Халифата, и во времена господства Османской империи, а затем и европейских колонизаторов и в последние десятилетия, обретя независимость и став хозяином своей страны. Однако вместе с этой свободой и независимостью Ливан приобрел и те проблемы, которые, возникнув еще в древности, заботливо культивировались всеми сменявшими друг друга на протяжении истории страны иноземными властителями. В первую очередь речь идет о национальной и религиозной розни. Нет сомнения, ливанский народ справился бы с этими проблемами, если бы ему не мешали. Но ему помешали... И уже не древние хроники, а ежедневная пресса и радио сегодня, в конце XX в, разносят по всему миру известия о трагических событиях в этой стране, к которой ныне приковано внимание людей планеты и которая ныне оказалась в одной из самых горячих ее точек. «Из Бейрута сообщают... обстрел Сайды... бомбардировка Тира...». Да, да — это Берит, Сидон и Тир! Прошлое и Настоящее воссоединилось в едином трагическом облике страны — гибнут люди, гибнут памятники культуры, непреходящее достояние всего человечества. Гибнут от рук тех, кто берет на себя смелость выступать от имени народа соседней страны, с такой любовью хранящего памятники своей собственной истории и культуры; гибнут от рук тех, кто, подстрекаемый извне, ввергает отечество в пучину междоусобиц и варфоломеевских ночей. Человечество должно остановить руку убийц. Человечество не должно допустить, чтобы книга «Древний Ливан» стала «Красной книгой древнего Ливана», чтобы планы и схемы, фото и чертежи остались единственными свидетельствами высокой культуры строителей прекрасных сооружений из древней «Страны Кедра».

Г. Бауэр

Содержание

Между морем и степью	3
Древнейшие поселения	15
Кедровые леса	20
Кедр в поэзии и мифологии	42
Вступление в мировую историю	52
Фараоны и Ливан	59
Финикийцы и их города	81
Пурпур, стекло и бронза	90
Торговля, судостроение и колонии	101
Боги и культы	118
Между великими державами	131
Александр и Селевкиды	147
Под римским владычеством	159
Горные храмы и дороги паломников	175
Начала христианства	200
Примечания	207
Список литературы	215
От редактора	217

Бернхардт К.-Х.

- Б51** Древний Ливан. Пер. с нем. Н. Д. Симакова. Послесл. Г. М. Бауэра. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

222 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Книга востоковеда из ГДР посвящена древней истории и культуре народов, обитавших некогда на восточном побережье Средиземного моря. Строго придерживаясь фактов, полученных современной наукой, и следуя ее выводам, автор рассказывает о древних мореходах-финикийцах, их предшественниках и преемниках, о городах, быте, культуре, идеологии, искусстве жителей древнего Ливана, колонизации ими Северной Африки и создании торговых форпостов в Западной Европе. Изложение доведено до первых веков нашей эры.

Б 0504010000-079
013(02)-82 КБ-5-26-82

У(М)03

К.-Х. Бернхардт

Древний Ливан

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«По следам исчезнувших
культур Востока»*

Редактор Ю. О. Бем
Младший редактор М. В. Малькова
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14248

Сдано в набор 02.10.81. Подписано к печати 22.03.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,95, Уч.-изд. л. 11,65. Тираж 10 000 экз. Изд. № 4780. Зак. № 528. Цена 75 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28